

Ю. Рылов

**Аспекты языковой
картины мира**

итальянский и русский языки

Ю. А. РЫЛОВ

**Аспекты языковой картины мира:
итальянский и русский языки**

Москва
Гнозис
2006

ББК 81.2
P95

Научный редактор

проф. В. Б. Кашкин (Воронежский госуниверситет)

Рецензенты

проф. Р. Джулиани (университет «La Sapienza», Рим)

проф. В. С. Виноградов (МГУ им. М. В. Ломоносова)

проф. Г. Ф. Ковалев (Воронежский госуниверситет)

Рылов Ю. А.

P95 Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

ISBN 5-7333-0188-0

Впервые в отечественном языкознании на материале итальянского и русского языков рассматриваются вопросы языковой картины мира. В первой части книги в поле зрения автора находятся проблемы семантических доминант, создаваемых в основном средствами грамматики, во второй – проблемы антропонимии как неотъемлемого компонента языковой картины мира.

Для студентов, аспирантов, преподавателей итальянского и русского языков и широкого круга читателей, интересующихся языкознанием.

Монография издается в авторской редакции.

ISBN 5-7333-0188-0

© Ю. А. Рылов, 2006

© ИТДГК «Гнозис», 2006

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Современное языкознание, с одной стороны, признает очевидные процессы языковой интеграции, происходящие в настоящее время (доказательство тому — так называемый *Standard Average European*, манифестации которого наблюдаются во всех языках, включая русский). С другой стороны, наблюдается также оживление интереса к национальному самосознанию, подтверждаемого популярностью изысканий в области национального менталитета (ментальности), языковой личности, национальной концептосферы, самобытности и констант различных национальных культур. Это не исключает, однако, что во многих случаях такие исследования, в том числе сопоставительные, базируются не на объективных данных, не на углубленном контрастивном изучении двух культур, а на устаревших стереотипах или упрощении элементарных сведений, почерпнутых из вульгарной культурной антропологии.

На этом фоне работа Ю. А. Рылова выгодно выделяется, поскольку в ее основе лежат достоверные данные — плод личного опыта (длительное пребывание в Италии) и анализа современной научной литературы по теме. Таким образом, книга восполняет несомненный пробел в сопоставительных исследованиях,

несмотря на наличие обширной и разнообразной продукции, представленной работами российских итальянистов и итальянских русистов. См., например, обзор в двух номерах журнала *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, посвященный, соответственно, итальянистике в России (*Studi attuali di italianistica in Russia* – 2002, 2) и русистике в Италии (*Studi attuali di russistica in Italia* – 2004, 2).

Первая часть книги посвящена семантическим доминантам русской и итальянской языковой картины мира, выражаемым преимущественно морфосинтаксическими средствами, и в меньшей мере лексикой; вторая часть — проблемам антропонимии как важнейшему компоненту языковой картины мира. Завершают работу богатый список использованной литературы и список источников примеров. Достаточно взглянуть на оглавление, чтобы убедиться, что в первой части рассмотрены в сопоставительном плане узловые морфосинтаксические и лексико-семантические проблемы двух языков (наиболее трудные в дидактическом плане, но и наиболее показательные в том, что касается соответствующих «картин» мира). Все положения проиллюстрированы большим количеством примеров, взятых в том числе из художественных текстов (от Коллоди до Пиранделло, Павезе, Кальвино, Моравиа — для иллюстрации итальянского материала; от Крестовского и Боборыкина до Чехова, Булгакова, Пьецуха, Марининой — русского). Вторая часть являет собой своеобразную историко-социальную энциклопедию двух культур, представленную сквозь призму антропонимии.

Монография Ю. А. Рылова, глубокого знатока романских — в частности испанского и итальянского — языков и культур, отличается научной и дидактической новизной, высвечивает те аспекты сопоставительного изучения двух языков, которые в плане методики преподавания требуют особых усилий со стороны преподавателя, когда непосредственно преподносятся студентам как элементы сходства или различия по отношению к родному языку (культуре). Особенно это касается второй части, поскольку проблемы сопоставительной русской и итальянской антропонимии как компонента языковой картины мира еще не были объектом специального исследования.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что книга Ю. А. Рылова вносит важный вклад в сопоставительное изучение итальянского и русского языков и представляет благодатную почву для дальнейших размышлений, не говоря о том, что может быть использована в учебном процессе как студентами, так и аспирантами.

Клаудиа Ласорса Съедина,
профессор Отделения лингвистики
университета Roma Tre (Рим)

Моей жене О. Лисовой

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Постановка проблемы

Под «картиной мира» следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как *«упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформированную в общественном (групповом, индивидуальном) сознании»* [Попова, Стернин 2002: 5]. Восприятие мира в значительной мере обусловлено, с одной стороны, принадлежностью индивида к различным общностям и, с другой стороны, его личными характеристиками: образованием, профессией, возрастом, полом. По-разному видят процессы природы биолог и крестьянин, поэт и метеоролог. Например, там, где для поэта «мороз и солнце, день чудесный», для метеоролога — «обширный антициклон с низкой температурой и отсутствием облачности».

Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен *языковой картиной мира* и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, то есть тем, что предопределяет *этнический стереотип поведения* представителей того или иного этноса (об *этническом стереотипе поведения* см.: [Гумилев 2000: 81; Степанов 1997: 474 и сл.]. Языковая картина мира — это комплекс языковых средств, в которых отражены особенно-

сти этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2002: 6]. *

Способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают в первую очередь с тем, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружающую действительность: «Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие, универсальные черты.)» [Урысон 1998: 3].

Второй составляющей этнической картины мира, играющей важную роль в восприятии действительности, являются, как было уже сказано, традиции, обычаи, верования, суеверия народов. Например, там, где мы видим одно число, итальянцы (и некоторые другие народы) видят другое. Речь идет об этажах. Если итальянец говорит, что он живет на третьем этаже (*abito al terzo piano*), то для нас это означает, что он живет на четвертом этаже, то есть в таких случаях первый этаж (*pianoterra*) не учитывается, считается как бы нулевым, хотя в то же время, когда итальянец говорит, что он живет в трехэтажном доме, то называет его *casa a tre piani*. Здесь, однако, возможна и путаница. Так, при переводе газетной заметки о рухнувшем трехэтажном доме (*palazzo a tre piani*) с итальянского на русский язык итальянские студенты-русисты столкнулись с неожиданной для меня трудностью. Их мнения разделились: одни утверждали, что это четырехэтажный дом (*tre piani e il pianoterra*), другие — что это трехэтажный дом в нашем понимании. Лишь после обращения к словарю все согласились, что дом все-таки был трехэтажным.

Восприятие чисел этим не исчерпывается. Так, согласно русской традиции нечетное число цветов используется при поздравлении, в то время как четное — на похоронах. В Италии такой

традиции нет, поэтому русская художница была в шоке, когда получила несколько букетов с четным числом цветов (Они что, меня хоронят?). В еще большем шоке был искусствовед из Палермо, которому в осеннем Петербурге преподнесли букет роскошных белых хризантем, прочно ассоциирующихся в сознании итальянцев с кладбищем и похоронами. Более того, при вручении букета ему аплодировали, а аплодисменты — часть похоронного ритуала (особенно когда хоронят молодых или любимых народных кумиров). Если для русских и многих других народов «несчастливым» числом считается 13, то для итальянцев это 17.

Оба компонента этнической картины мира — стереотип поведения и языковая картина мира — взаимосвязаны. Приведем пример. Если в русском языке глагол *зевать* и соответствующее действие ассоциируются со сном (ребенок зевает, потому что хочет спать) и со скукой (зевать от скуки), то в итальянском языке соответствующий глагол *sbadigliare* связан еще и с чувством голода: *sbadigliare dalla fame (dall'appetito)* «зевать от голода», то есть зевота для итальянцев — действие, сигнализирующее о чувстве голода. Вот два не связанных друг с другом эпизода из известной сказки К. Коллоди:

E intanto la fame cresceva, e cresceva sempre: e il povero Pinocchio non aveva altro sollievo che quello di *sbadigliare*: e faceva degli *sbadigli* così lunghi, che qualche volta la bocca gli arrivava fino agli orecchi (Collodi). А голод все рос, и рос, и рос, и Пиноッキо не мог ничем облегчить свои страдания, кроме как *зевотой*. И он начал *зевать* так отчаянно, что его рот раздирало до ушей.

— Fareste, galantuomo, la carità di un soldo a un povero ragazzo, che *sbadiglia* dall'appetito? [...] — Se non vuoi durar fatica, allora, ragazzo mio, divertiti a *sbadigliare*, e buon pro ti faccia (Collodi). — Любезнейший, не дадите ли вы бедному мальчику, *зевающему от голода*, одно сольдо? [...] — Если ты не хочешь напрягаться, мой мальчик, тогда *зевай*, сколько влезет, благословляю тебя.

Выявление взаимодействия между языковыми единицами и этническими поведенческими фреймами — одна из задач данной работы.

Обычно языковая картина мира, рисуемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно:

именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую. Поэтому семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением, пожалуй, некоторых терминологических образований), а имеются лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе. Примеры общеизвестны. Русским словам *стол, дом, рука* в их основном значении соответствует по крайней мере по два итальянских, отражающих аналогичный отрезок действительности: *tavolo, tavola; casa, palazzo; mano, braccio*. Более того, за некоторыми словами скрываются уникальные понятия национального мироощущения, которым вообще трудно подобрать точные соответствия в других языках.

А. Вежбицкая относит к таким словам *душа, судьба, тоска* [Вежбицкая 1996: 33]. Приведенный набор понятий несколько произволен и может быть значительно расширен, в первую очередь за счет лексики, касающейся внутреннего мира человека: *стыд, совесть, вина, печаль, терпение, надежда, беда, счастье — несчастье, удача — неудача, обида, долг, грех, справедливость, правда, ложь, интеллигентность* и многих других [Арутюнова 2000; Булыгина, Шмелев 1991; Зализняк 2000; Панова 2000; Тарланов 1997; Радзиевская 1991].

Эти слова и стоящие за ними понятия не менее важны для русской языковой картины мира, чем *душа, судьба, тоска*. Объединяет же их то обстоятельство, что порой они труднопереводимы на другие языки. В самом деле, слово *душа*, привлечшее в свое время внимание В. Гумбольдта [1984: 181], при переводе на другие языки интерпретируется весьма разнообразно. Например, если, во-первых, в сознании русского народа *душа* противопоставлена *телу* (душа и тело), то у англичан в соответствующем выражении противопоставлены *mind* «разум» и *body* «тело» — *mind and body* (ср. также: *камень с души свалился* — *it is a load off smb's mind*); во-вторых, это слово в русском языке — в отличие

от английского — является частотным и входит в целый ряд выражений, которые редко переводятся на английский язык со словом *soul* — наиболее близким русскому слову в семантическом отношении, но далеко не покрывающим всего многообразия его проявлений. Из 34 русских фразеологизмов со словом *душа*, приводимых С. Г. Тер-Минасовой, лишь 4 переведены с использованием слова *soul* (в основном в значении *человек*: ни души — *not a soul*); чаще используется *heart* «*сердце*» (15 раз): всей душой — *with all one's heart*, работать с душой — *to put one's heart to one's work*; встречается также слово *conscience* «*совесть*»: *кривить душой* — *to act against one's conscience* [Тер-Минасова 2000: 162–170]. В русской языковой картине мира слово и концепт *душа* — внутренний психический мир человека — занимают особое место; отсюда тяга к самоанализу, погружение в сферу внутренних переживаний, «копание в себе», так прекрасно описанные русскими писателями.

В итальянском языке русскому слову *душа* соответствуют в основном три слова: *anima* (добрая душа — *anima buona*), *cuore* (всей душой — *di tutto cuore, con tutto il cuore*) и реже *animo* (раскрыть душу — *aprire l'animo*, наряду с *aprire il cuore*). Можно отметить большее — по сравнению с английским языком — совпадение фразеологических единиц со словами *душа* и *anima*: отдать душой и телом — *darsi anima e corpo*, пропадающая душа — *anima persa, anima dannata*, любить всей душой — *amare con tutta l'anima*, душа моя! — *anima mia!* и др. Ср. также: *Eppure qui non c'era anima viva* (Collodi) — Здесь ведь нет ни живой души. В то же время *anima* имеет и терминологические значения: *дужка* (в струнных инструментах), *язычок* (в мундштуке духовых инструментов), *канал ствола*: *anima rigata* — *нарезной канал*. В целом можно признать, что концепт *anima* не играет в итальянском мироощущении той роли, которую играет *душа* в русском. Более важным, на наш взгляд, для итальянцев является концепт *cuore* «*сердце*», представляющий сферу эмоций (*sentimento, passione*).

Возвращаясь к исходному пункту данного размышления, а именно, к проблеме перевода национально обусловленных понятий, приведем еще один пример. М. Динелли, анализируя отры-

вок из статьи В. Ерофеева об А. Марининой, обращает внимание на словосочетание *жалеть по-бабски* («Большинство клиентов она *по-бабски жалеет*, валя всё на пьянство, над ворами смеется, зато не любит грабителей»), в котором наличествуют сразу два специфических русских стереотипа: *жалеть* и *по-бабски*, не имеющих «соответствия в культурной модели» носителей итальянского языка и представляющих при переводе трудность именно лингвокультурологического характера [Dinelli 2000: 217]. Если переводить более или менее дословно (Marinina si impietosisce dei suoi clienti come s'impietosisce una donnetta), то получается непонятная и непостижимая для итальянца ситуация [Ibid.]. М. Динелли предлагает отказаться от перевода языковой модели и считает, что нужно воспроизводить исходную картину мира так, чтобы она была понятна в конечном тексте. В результате, *жалеть по-бабски* в итальянском языке предстает как «*жалеть, следуя чисто женскому инстинкту сердца*» (обратим внимание на то, что эмоциональный концепт *по-бабски* интерпретируется через *istinto del cuore* «инстинкт сердца»):

«Seguendo l'istinto, tutto femminile, del cuore, s'impietosisce della maggior parte dei suoi clienti dando la colpa all'alcolismo, sorride dei ladri, ma in compenso non le piacciono i rapinatori» [Ibid.: 218].

Таким образом, различия в отображении языковой картины мира имманентно заложены в лексической системе языка. При этом различные участки этой картины «разработаны» в разных языках неодинаково, что в одних случаях объясняется условиями жизни, климатом. Этнос, считает Л. Н. Гумилев, «явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос» [Гумилев 2000: 29]. Этим объясняется наличие в языке эскимосов обширной группы слов, обозначающих различное состояние льда, а в арабском языке — номинаций многочисленных разновидностей верблюда. В других случаях «разработанность» отдельных участков лексики обусловлена этнокультурными особенностями народа. Так, А. Вежицкая считает, что в русской лексике широко — гораздо шире, чем в английской — представлены такие сферы, как *эмоциональность, иррациональность, любовь к морали*, отражающие наибо-

лее яркие черты русского национального характера [Вежбицкая 1966: 33–34]. В. Н. Телия относит к «разработанным» сферам когнитивный концепт *patria*, представленный целой группой наименований (*родина, отечество, отчизна, родные края, родная сторона, родная сторонюшка, родные могилы, родина-мать*) [Телия 1997: 77–79], Анна А. Зализняк — семантику щепетильности, представленной словами *обида, обидно, совестно, стыд, стыдно, неудобно* [Зализняк 2000: 102–118]. По мнению П. Л. Коробки, в русской фразеологии шире представлены концепты *гостеприимство, корпоративность*, а в английской — *эгоизм* ([Коробка 1998]; см. также: [Тер-Минасова 2000: 148–150, 212–213]).

Подобные «разработанные» или «акцентированные» (с точки зрения другого языка) участки концептуальной сферы будем называть, вслед за Е. В. Падучевой, *семантическими доминантами* [Падучева 1996: 163–165]. Семантические доминанты могут создаваться не только лексическими единицами, но и грамматическими средствами. Так, А. Вежбицкая выделяет концепт *неагентивость*, создаваемый построениями с субъектом в дательном падеже типа *мне не спится, мне хочется, мне можно, мне нельзя, мне нужно* и др. [Вежбицкая 1966: 33–34]. Г. А. Волохина и З. Д. Попова на материале русского простого предложения выделяют концепты *бытие объекта, бытие признака объекта, инобытие объекта, самостоятельное перемещение агенса, агенс воздействует на объект, речемыслительная деятельность человека, пациент претерпевает состояние, небытие объекта* как мыслительные образы, стоящие за синтаксическими конструкциями различного типа и — наряду с лексическими единицами — формирующими семантическое пространство русского языка [Волохина, Попова 1999: 3–5, 194–196].

О языковой картине мира много пишут, проводятся научные конференции (например, «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» в Курском государственном университете, апрель 2003 г.), издаются научные сборники (см., например: «Картина мира и способы ее презентации», Воронеж, 2003). Более того, «лингвофилософский концепт языковой картины мира можно было бы признать одним из антикварных украшений философии языка, ведь древность его впол-

не сопоставима с древностью последней» [Радченко 2002: 140]. В наши задачи не входит описание истории вопроса, она подробно изложена в только что цитированных работах, где содержатся ссылки и на другие авторитетные издания.

Ниже будут рассмотрены некоторые аспекты языковой картины мира. Это семантические доминанты русского и итальянского языков, создаваемые преимущественно средствами морфологии и синтаксиса — им посвящена первая часть книги. Во второй части анализируются антропонимические системы двух европейских народов — русского и итальянского — как важнейший компонент языковой картины мира, отражающий особенности соответствующих социумов и чутко реагирующий на их изменение.

Глава I

Определенность / неопределенность

Для грамматического строя итальянского языка — как и других современных романских и германских языков — характерно наличие категории артикля. Благодаря этой категории в сознании говорящих каждый предмет предстает в виде противопоставления *один из многих (один из класса предметов)* — *этот*: *un libro — il libro, un giornale — il giornale, una tavola — la tavola, un ragazzo — il ragazzo, una donna — la donna*. Вторая оппозиция, часто выдвигаемая лингвистами, обозначается в терминах *новое — данное (nuovo — noto)* [Seriani 1997: 114–115]: *Nella stanza entrò un uomo. L'uomo si avvicinò al tavolo*. На мой взгляд, эта оппозиция укладывается в первую и является одной из ее реализаций. Концепт, создаваемый противопоставлением *один из — этот*, можно назвать, следуя традиции, *определенностью/неопределенностью*, хотя такое название не покрывает всего многообразия использования артиклей. Например, если в высказываниях *è entrata una signora* и *è entrata la signora* противопоставлены неопределенный и определенный субъекты, являющиеся одновременно референтными, то в *dammi un libro* (дай мне какую-нибудь книгу) и *dammi il libro* (дай мне эту книгу) противопоставлены нереперентный и референтный (в то же время и определенный) объекты. А в сочетании с именами собственными артикли вообще употребляются вне сферы противопоставления «один из многих — этот»: *Descrive una Italia scomparsa* (Описывает исчезнувшую Италию, то есть те аспекты итальянской жизни, которые исчезли); *L'Italia è bella* (Италия прекрасна).

Возможна и нейтрализация неопределенного и определенно-го артиклей; она имеет место, в частности, в сфере нереперентного употребления артикля: *Un giovane deve essere sempre generoso = Il giovane deve essere sempre generoso* (Молодой человек должен быть всегда щедрым). «В данном случае... предпочтение, отдаваемое *un* или *il*, основывается исключительно на вкусе говорящего или пишущего» [Battaglia, Pernicone 1977: 92]. Л. Сериани усматривает в подобных примерах «разные точки зре-

ния» на объект: *Voglio comprare un cane* — *Voglio comprare il cane*. Хочу купить (*какую-нибудь*) собаку. В первом случае имеется в виду любая собака (*какая-нибудь*), во втором — собака как явление (*istituzione*), имеющее определенные функции [Serianni 1997: 114–115].

Тем не менее, указанное противопоставление, заключающееся в видении предмета как неопределенного (*одного из многих*) и/или определенного (*этого*), является базовым, основополагающим для итальянской языковой картины мира, так как предмет мыслится ингерентно актуализированным еще до появления соответствующего слова в высказывании, в которое он может быть включен — в соответствии с требованиями грамматики — и без артикля. Отметим также, что в использовании артиклей итальянский язык пошел дальше многих западноевропейских языков: опеределенный артикль появляется в сочетаниях с притяжательными местоимениями (*il mio amico, la mia sorellina*, но: *mia sorella*), личными именами (особенно женскими: *la Maria, la Nella*), фамилиями (*la Moranti, i Santini*) [Рылов 2000: 54–55, 69–70], географическими названиями (*la Sicilia, la Lombardia, l'Italia*).

У носителей русского языка мысленного представления предмета по линии *один — этот* нет, и имя актуализируется непосредственно в высказывании.

В понятии семантической доминанты очень важным составляющим является компонент «непереводимость» (или «необязательность при переводе») [Падучева 1996: 178 и сл.], то есть при переводе на другой язык, где этот концепт не является доминантным, средства его выражения — в данном случае артикли — и значения, которые за ними стоят, вообще, как правило, никак не переводятся. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить любой итальянский текст и его перевод на русский язык, например отрывок из газетной статьи (Metro, вторник, 30.01.2001):

In India si continua a scavare sotto le macerie. I morti accertati sono ormai 30 mila. Le squadre di soccorso hanno estratto ieri una donna di 90 anni e un bambino ancora vivi sotto le macerie del devastante terremoto che venerdì ha colpito l'India. La donna, Cham Paten Seth, è sopravvissuta grazie al fatto che la sua testa è stata protetta da una vecchia macchina da cucire. Il bimbo, di tre anni, è stato individuato tra i calcinacci... В Индии

продолжается *расчистка завалов*. Число установленных *погибших* уже достигает 30 тысяч. Спасательные отряды извлекли вчера девяностолетнюю *женщину* и *ребенка* еще живыми *из-под завалов* разрушительного *землетрясения*, постигшего в *пятницу* *Индию*. *Женщина*, Чам Патен Сетх, выжила благодаря тому, что ее *голова* была заслонена старой швейной *машинкой*. *Мальчик*, *трех лет*, был обнаружен в *руинах*...

Как видим, русский текст, несмотря на отсутствие эксплицитных актуализаторов при именах, адекватно передает вещественную и актуальную информацию. Итальянские имена использованы как с определенным и неопределенным артиклем, так и без артикля. Название страны India в первом случае использовано без артикля, что обусловлено тем, что это слово находится в синтаксической позиции обстоятельства (по этой же причине без артикля слово *venerdì* — *в пятницу*), в последней же фразе топоним India сопровождается определенным артиклем, так как выполняет функцию дополнения; существительные в атрибутивной позиции тоже выступают без артикля и переведены как прилагательные (*di soccorso* — спасательный, *di 90 anni* — девяностолетняя, *da cucire* — швейная). Три имени употреблены с неопределенным артиклем (*un bambino, una donna, una macchina da cucire*), все остальные — с определенным. Нельзя, однако, сказать, что значения артиклей вообще никак не передаются в русском тексте. Так, итальянским неопределенным существительным (*una donna, un bimbo*) в интродуктивной функции в русском тексте соответствуют имена в линейной позиции после глагола, а определенным существительным (*la donna, il bambino*) — имена в начальной позиции [Рылов 1997: 18–32]. При этом в исходном итальянском тексте неопределенные существительные можно переместить в начало предложения, не изменяя коммуникативной перспективы высказывания и сохраняя связанность текста: *Una donna di 90 anni e un bambino sono stati estratti ancora vivi dalle squadre di soccorso dalle macerie... La donna e sopravvissuta.* (О взаимоотношении артикля и порядка слов в итальянском языке см.: [Кушкина 1996: 46–52].)

Аналогичную перестановку в русском тексте произвести нельзя — без изменения интонационного рисунка предложения и, соответственно, его стилистики [Смирнова 1999: 84–85]. Не-

смотря на возможность передачи значений артикля в русском языке при помощи порядка слов и просодии, мысленного противопоставления предметов по линии «один из — этот», как уже говорилось, не происходит.

Из факта противопоставления большинства имен существительных по линии *определенности/неопределенности* можно сделать неожиданный идеологический вывод о категории артикля в европейских языках и о говорящих на них народах: «Категория артикля ... подтверждает и подчеркивает центральное место индивидуума в культуре и идеологии Запада, сосредоточенных на удовлетворении потребностей и развитии потенций отдельного человека» [Тер-Минасова 2000: 213–214]. Это утверждение, по всей видимости, не соответствует действительности. Во-первых, история показывает, что и народы Запада, в языках которых имеется категория артикля, только на протяжении XX века претерпели периоды, во время которых индивидуум и его потребности не только не поощрялись, но и всячески подавлялись (вспомним хотя бы фашистские диктатуры в Германии, Италии, Испании, Португалии). Во-вторых, значения, стоящие за категорией артикля, существуют и в неартиклевых языках, в том числе в русском, но выражаются они иными средствами, грамматически не специализированными на не/определенности — порядок слов, просодические средства, местоимения [Рылов 1997: 18–33; Гладров 1992: 240–250].

Более того, категория не/определенности в русском языке — метакатегория, распространяющаяся, не только на категорию имени существительного, но и на другие классы слов, и часто проявляющаяся градуально. Так, Е. М. Галкина-Федорук писала: «Конечно, если широко и исторически понимать определенность, то 1) членные прилагательные, несомненно, когда-то имели какое-то отношение к выражению определенности в языке. Ср.: *Снег белый и снег бел*; 2) совершенный вид глагола тоже был более определенным, чем несовершенный. Ср.: *Сделает — делает*; 3) определенность глаголов движения *летит, бежит* также показывает более определенное направление, нежели *летаает, бегаает*; 4) большей определенностью обладает категория модальности действительности, чем модальности возможности. Ср.: *Он пи-*

шет — он, возможно, напишет; 5) более определенно 1-е и 2-е лицо местоимения, чем 3-е лицо» [Галкина-Федорук 1963: 187]. О метакатегориальном характере не/определенности писали также Ю. С. Степанов [1965: 175–176] и Н. С. Поспелов [1970: 183–189].

Семантика неопределенности в русском языке оказывается вовлеченной в отношения «говорящий — слушающий», более дифференцированные по сравнению с неопределенным артиклем (см. ниже), а также в предикативные отношения (по линии времени и модальности высказывания). Концепт *неопределенности*, таким образом, наполнен в сознании русских иным содержанием, которое, как и в случае артиклевых языков, представляется очень важным для русской языковой картины мира, в которой Е. В. Падучева [1996: 184] отводит этому концепту роль семантической доминанты, отмечая особую настроенность русского языка в целом на семантическую сферу неопределенности.

В самом деле, в русском языке имеется обширная группа неопределенных местоимений и наречий: *один, какой-то, какой-нибудь, кое-какой, некий, некоторый; кто-то, кто-нибудь, кое-кто, что-то, что-нибудь, кое-что; как-то, как-нибудь, кое-как, где-то, где-нибудь, кое-где, куда-то, куда-нибудь, кое-куда, почему-то, почему-нибудь* и др., которые постоянно привлекают внимание ученых [Кузьмина 1989; Шелякин 1978; Николаева 1983; Падучева 1996]. Рассмотрим некоторые из них.

Местоимение *один* обозначает предмет, известный говорящему, но не известный слушающему, и часто используется в интродуктивной функции; в итальянском языке ему соответствует неопределенный артикль, хотя он и не имплицитно знакомство говорящего с объектом: *Мне позвонила одна женщина — Mi ha telefonato una signora; Я познакомился с одним профессором, он работает в университете. Этот профессор рассказал мне интересную историю — Ho conosciuto un professore che lavora all'università. Il professore mi ha raccontato una storia interessante.* Ср. также:

Я последние деньги истратил на переписку двух отрывков и отнес их в редакцию *одного* толстого журнала (Булгаков). *Spesi i miei ultimi soldi per farne copiare due frammenti, e li portai alla redazione di una rivista letteraria.*

Приглашали тетю Полю еще для *одного* дела: обмывать покойников (Нагибин). *Zia Polia era invitata ancora per una faccenda: lavare i difunti.*

В испанском языке тоже может быть выражено эксплицитно значение неопределенности, подобное русскому «предмет известен говорящему, но не известен слушающему», но реализуется оно только в позиции объекта и выражается использованием предлога *a* перед неопределенным существительным: *Busco a un médico* — Ищу *одного* врача. В отличие от *Busco un médico* — Ищу (*какого-нибудь*) врача [Рылов 1985: 58]. Для разговорной речи характерно постпозитивное использование местоимения *один*: У нас есть студент *один*, так он уже десять лет учится. В итальянском языке артикль в подобных контекстах не может маркировать принадлежность к разговорному стилю.

Местоимение *какой-то* обозначает предмет, не известный ни говорящему, ни слушающему: Мне позвонила *какая-то* женщина; оказалось, что *эта женщина* нашла мой бумажник — *Mi ha telefonato una signora. È risultato che la signora ha trovato il mio portafoglio.* Ср. также:

Диким воем так напугал *какую-то* даму, что она села на тумбу (Булгаков)... *Gli fece largo con un selvaggio ululato e spaventò una signora a un punto tale da farla cadere a sedere su un paracarro...*

Угу, — молвил Филипп Филиппович *каким-то* странным голосом (Булгаков). «Uhm», fece Filipp Filippovic' con *una voce strana.*

Девочки часто придают поступкам мальчишек *какой-то* особенный смысл (Алексин). *Le ragazzine attribuiscono spesso alle azioni dei ragazzi un significato particolare.*

Оба русских неопределенных местоимения — *один* и *какой-то* — могут использоваться в интродуктивной функции, в таких случаях коррелируя с указательным *этот* (см. также выше):

Попался мне тогда *паренек один*, он случайно в комнате затесался, во время сеанса одновременной игры с Каспаровым, Крамником и Карповым. /.../ Но тут *этот паренек* подскакивает ко мне и говорит: так, мол, и так, а не правда ли, Валерий Архипович, что вы во всех исключительно видах игр победителем выходите? (А. Лукьянов. Артиллеристы // Октябрь, 2003, 2).

Местоимение *какой-нибудь* относится к нереперентному объекту и чутко реагирует на лексико-грамматическое окружение. Так, вряд ли возможны изолированные высказывания с глаголом несовершенного вида типа *Я читаю *какую-нибудь* книгу, но вполне корректны: Всегда, когда она входила, я читал *какую-нибудь* книгу — Sempre quando lei entrava, leggevo *un libro*; По утрам я читаю (читал, буду читать) *какую-нибудь* книгу — Il mattino leggo (leggevo, leggerò) *un libro*. Требуют расширения и предложения с глаголом совершенного вида: Прочитаю *какую-нибудь* книгу (Прочитаю *какую-нибудь* книгу на эту тему и напишу доклад — Leggerò *un libro* su questo tema e scriverò la relazione). *Какой-нибудь*, обозначая нереперентность объекта, тем не менее, предполагает возможность выбора из ряда нереперентных предметов.

Что из того, если *какой-нибудь* торговец или чиновник проживет лишних пять, десять лет (Чехов)? Che se n'ha, se *un qualche* trafficante o pubblico impiegato vive cinque o dieci anni di più?

Тем не менее (ежели вы проживаете в Москве), и хоть *какие-нибудь* мозги у вас в голове имеются, вы волей-неволей выучитесь грамоте, и при том без всяких курсов (Булгаков). Tuttavia, se abitate a Mosca, e se avete *un cervello, per piccolo che sia*, vi istruirete anche vostro malgrado; e senza neppure andare a scuola.

Но я решила вести дневник, начиная с *какого-нибудь* великого дня (Алексин). Ma decisi di tenere un diario, cominciando da *qualche* grande giornata.

Сочетания с *какой-нибудь* могут маркировать модальность предположения, но тоже при наличии определенных условий контекста: Хлопнула дверь. Пришел *какой-нибудь* посетитель = наверное, пришел *какой-то* посетитель — E sbattuta la porta: sarà entrato un visitatore. Ср. также диалог: — Кто этот господин? — *Какой-нибудь* предприниматель — Chi è questo signore? — Sarà un imprenditore. Здесь в *какой-нибудь* инкорпорирована не только сема «неопределенность» (с оттенком безразличия), но модальность предположения предикативного признака. В таких случаях русскому местоимению соответствуют, как видим, неопределенный артикль и форма будущего времени, выражающая предположение. Ср. также:

Из сорока тысяч московских псов разве уж *какой-нибудь* совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово «колбаса» (Булгаков). Tra i quarantamila cani di Mosca ce ne sarà forse uno (e deve essere proprio *un cretino*) che non sia in grado di sillabare la parola «salame».

К нереферентному объекту относится также менее употребительное местоимение *какой-либо*: Если встретишь *какую-либо* статью на эту тему, сделай мне ксерокопию — Se trovi *un (qualsiasi, qualche, taluno)* articolo su questo tema, fammene una fotocopia. Это местоимение часто встречается в сочетаниях с предложением без *и*, по мнению Ф. С. Перилло, выполняет роль отрицательного местоимения [Perillo 2000: 180]: Относились к нам ровно и без *каких-либо* эмоций (Молчанов)... Con noi si comportavano in maniera normale e senza *alcuna* emozione.

Местоимение *кое-какой* говорящий использует по отношению к известному ему объекту обычно множественного числа, представляемого собеседнику по каким-то причинам как неопределенный: Я тебе *кое-какие* книги принес — Ti ho portato *dei (alcuni)* libri (*qualche* libro). Только время на соблюдение *кое-каких* формальностей, за которые судье платят жалование, а затем — все кончено (Чехов). Solo il tempo di osservare *alcune* formalità per le quali al giudice si paga uno stipendio, e poi tutto è finito.

Неопределенные местоимения-адъективы могут сопровождать существительное не во всех его синтаксических позициях. Например, *один, кое-какой* не встречаются в именной части сказуемого (*Она *одна* студентка, *Она *кое-какая* студентка), в то время как для *какой-то, какой-нибудь* таких ограничений нет: Она *какая-то (какая-нибудь)* студентка.

Во всех рассмотренных примерах можно говорить лишь о частичном совпадении значения русских неопределенных местоимений-прилагательных и соответствующих ему в переводах единиц; поскольку семантические импликации утрачиваются в любом случае — как при переводе с использованием артикля, так и неопределенных местоимений. Отметим также, что указанные русские местоимения редко могут быть взаимозаменяемыми без изменения смысла.

В итальянском языке выражение неопределенности и нереферентности не дифференцировано, одно и то же высказыва-

ние можно интерпретировать по-разному, в зависимости от контекста. Так, *Tutti i miei compagni si sono iscritti a un club* можно перевести на русский язык пятью способами: 1) Все мои друзья записались в *один клуб* (я его знаю, но ты не знаешь); 2) Все мои друзья записались в *какой-то клуб* (я его не знаю, но он существует); 3) Все мои друзья записались в *кое-какой клуб* (знаю, но не скажу, в какой); 4) Все мои друзья записались в *какой-либо клуб* (в разные, из тех, что имеются); 5) Все мои друзья записались в *какой-нибудь клуб* (мне безразлично, я не знаю, в какой). В трех первых высказываниях *клуб* референтен, в четвертом и пятом — нереферентен (см. также: [Джустини 1985: 498]).

Еще сложнее подобрать соответствия к неопределенным местоимениям, замещающим позиции существительного: *кто-то*, *кто-нибудь*, *кое-кто*, *кто-либо*. Сложна и их дистрибуция. Так, если возможны изолированные высказывания *кто-то*, *кое-кто* (*Кто-то* пришел; *Кое-кто* пришел), то *кто-нибудь*, *кто-либо* реализуются в более широком контексте (Если *кто-нибудь* / *кто-либо* пришел, пусть располагается в гостиной) или в вопросительном предложении: *Кто-нибудь* пришел?; *Кто-либо* пришел? *Кое-кто*, в отличие от *кто-то*, обозначает известное говорящему лицо, которое он не хочет называть, иногда этим лицом может быть собеседник: *Кое-кто* думает, что все знает. При переводе русских местоимений будет использовано неопределенное местоимение *qualcuno*: *Qualcuno è arrivato*; *È arrivato qualcuno?*; *Se qualcuno è arrivato che si accomodi nel salotto*; *Qualcuno crede di sapere tutto*. В последнем случае *qualcuno* может быть как нереферентным, так и референтным, то есть относиться к определенному адресату.

Аналогично функционируют местоимения *что-то*, *кое-что*, *что-нибудь*, *что-либо*: *Что-то* упало; Он *что-то* сказал; *Он *что-нибудь* сказал; Он *что-нибудь* сказал?; Он бы *что-нибудь* сказал; Я *кое-что* принес; Хочешь *что-либо* добавить? Отметим, что для *кое-что* типичной является позиция дополнения; используя *что-либо*, говорящий ориентирован на наличие определенной информации о предмете у слушающего. В итальянском языке этим местоимениям будет соответствовать местоимение *qualcosa*: *Qualcosa è caduto*; *Ha detto qualcosa*; *Ha detto qualcosa?*; *Avrebbe detto qualcosa*; *Ho portato qualcosa*; *Vuoi aggiungere qualcosa?*

Отметим также, что утвердительные предложения с приведенными неопределенными местоимениями-субстантивами (кроме местоимений с *-либо*) часто коррелируют с отрицательными *никто*, *ничто*: *Кто-то* (*кое-кто*) пришел — *Никто* не пришел; *Кто-нибудь* приходил и забирал товар — *Никто* не приходил и не забирал товар; Он *что-то* (*кое-что*) сказал — Он *ничего* не сказал; Он *что-нибудь* сказал? — Он *ничего* не сказал? Но: Хочешь *что-либо* добавить? — Не хочешь *что-либо* добавить? В целом можно отметить «склонность» местоимений с *-либо* к отрицательным контекстам (см.: [Николаева 1983: 351]): Но только одно условие: кем угодно, когда угодно, что угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни *кто-либо* другой не мог бы даже подойти к двери моей квартиры (Булгаков). Ma a una sola condizione: da chi vuole, quando vuole, ma che sia un pezzo di carta tale che né Schwonder, né *chiunque* altro possa neanche avvicinarsi alla porta del mio appartamento. И еще приставить к ним (калошам.— Ю.Р.) солдата, чтобы *кто-либо* их не стащил (Булгаков)? E per di più metterci un soldato a guardia per impedire che *qualcuno* se le porti via?

Неопределенные наречия *где-то*, *где-нибудь*, *кое-где*, *где-либо*; *куда-то*, *куда-нибудь*, *кое-куда*, *куда-либо*; *почему-то*, *почему-нибудь*, *почему-либо*; *как-то*, *как-нибудь* и др. характеризуют предикативный признак по линии его проявления в пространстве, времени или образа действия и причины. При этом *-то*, *-нибудь*, *кое-*, *-либо*, как и в составе местоимений, привносят в значение наречий семы, соответственно, «неизвестности», «безразличия», «неполноты признака» или «знаю, но не хочу называть», «ориентации на слушающего»:

За ним с лаем гнались собаки, кричал *где-то* позади мужик... (Чехов) I cani lo inseguivano, *in qualche posto* dietro un contadino gridava...

Мне все кажется, что *где-то* я уже видела вас (Паустовский). Mi sembra sempre di averla già vista da *qualche parte*.

Где-то прозвенело (Булгаков). Un campanello suonò.

Этот тухлой солонины лопать не станет, а если *где-нибудь* ему ее и подадут, поднимет такой скандал... (Булгаков) Questo è un tipo che non mangia carne marcia: se gliela servissero farebbe un chiasso d'inferno...

Кое-где в домах зажглись огни (Шукшин). *Qua e là nelle case erano state accese le luci.*

Кое-где появились цветы. *Qua e là sono apparsi i fiori.*

Если *где-либо* встретишь бананы, купи. *Se da qualche parte vedi banane, comprane.*

Нет, это не лечебница, *куда-то* в другое место я попал (Булгаков). *Questo non è un ospedale, sono capitato in qualche altro luogo.*

Трофим Иванович осторожно шел *куда-то* (Замятин). *Trofim Ivanovic se ne andava cauto da qualche parte.*

Глухой, смягченный потолками и коврами, хорал донесся *откуда-то* сверху и сбоку (Булгаков). *Dall'appartamento del piano di sopra, o da quello di fianco, giunse il rumore di un sordo coro, attutito da soffitti e tappeti.*

Мне надо *кое-куда* зайти. *Devo far un salto da qualche parte.*

Мне еще надо сходить *кое-куда* (Гончаров). *Debbo ancora andare in vari posti.*

Наречие *где-то* может обозначать также неопределенность темпорального признака:

Камердинер толстовский, свинья... Сказано, что Лев Николаевич будет *где-то* через час. Будет где-то! А где? Не говорит -- скрывает (ЛГ, № 10 (6013), 2005).

Нетрудно заметить единообразие в трактовке русских неопределенных наречий места при переводе: они в основном передаются синонимичными сочетаниями с *qualche* (*qualche posto/parte /luogo*); при этом оттенки компонентов *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-кое* утрачиваются. В некоторых случаях неопределенные наречия не переводятся вообще или переводятся неправильно, как в последнем примере (точнее было бы: *da qualche parte*). Часто значение русских неопределенных наречий передаются либо при помощи адвербиальных образований, либо описательно:

Пятый и последний обитатель палаты № 6 — мещанин, служивший *когда-то* сортировщиком на почте (Чехов)...*Il quinto e ultimo abitante del reparto N 6 e un borghese che un tempo prestò servizio come ripartitore alla posta.*

Вы гляньте *когда-нибудь* на его рожу: ведь он поперек себя шире (Булгаков). *Se vi capita l'occasione, date un po' un'occhiata al suo grugno: è più largo che lungo.*

Он боялся, что его *как-нибудь* подведут, положат ему незаметно в карман взятку и потом уличат (Чехов)... *Temeva che in qualche modo lo mettersero nei guai, che a sua insaputa gli ficcassero in tasca uno sbruffo e poi lo denunziassero.*

Неопределенное наречие *как-то* может обозначать и степень проявления признака и время:

Он говорил *как-то* неуверенно. *Parlava in qualche modo poco sicuro. Как-то* я его встретил на улице. *Una volta l'ho incontrato per la strada.*

Неопределенность, неясность причины выражается наречием *почему-то*, цели — *зачем-то*:

Ему вдруг *почему-то* показалось, что его тоже могут заковать в кандалы (Чехов)... *Gli parve a un tratto, chi sa perché, che potessero mettere in catene anche lui...*

Вслед за ним покраснел *почему-то* густейшим образом один из вошедших — блондин в папаше (Булгаков). *Insieme a lui, chissà per quale motivo, arrossì fino alla cima dei capelli anche un altro dei visitatori, un biondino con un berretto di pelliccia.*

Он *зачем-то* в город поехал. *Non si sa perché è andato in città.*

Наконец, неопределенным может быть и сам предикативный признак. Т. М. Николаева считает, что в предложениях типа «*Что-то* сон одолевает, *Что-то* я устала; *Что-то* ты сегодня расшумелся, — говорит Юлька (А. Хургин. Нюанс // Октябрь, 2003, 3); *Какой-то* хлеб сегодня несвежий, *Какой-то* Петя неразговорчивый стал» местоимения *что-то*, *какой-то* относятся ко всему высказыванию (хотя *какой-то* синтаксически связано согласованием с подлежащим), обозначая несоответствие предикативного признака обычному состоянию, его отклонение от нормы [Николаева 1983: 344].

На наш взгляд, здесь, скорее всего, обозначена особая модальность: говорящий воспринимает состояние, признак, выраженные сказуемым, как непонятные, неопределенные. Ф. С. Перилло считает, что местоимению *какой-то* в подобных случаях соответствует наречие *un poco* «немного»: *Какая-то* холодная, отчужденная, я таким не верю (Нагибин). *Un po' fredda, priva di comunicativa, io non credo a quelle così.* Очевидно, для передачи

этой модальности при переводе следует использовать описательные конструкции: *Mi sembra fredda*, priva di comunicativa, io non credo a quelle così; *Non capisco perché* ho tanto sonno, *Non capisco perché* sono stanca; Il pane oggi *non mi sembra* fresco, Pet'ia *mi sembra* diventato poco loquace.

На неопределенность предикативного признака указывают также частицы *как бы*, *как будто*, *будто бы* и др. (строго говоря, рассмотренные выше слова *что-то*, *какой-то* тоже следует признать частицами), как в примерах:

...И эта смерть *как бы* послужила началом целого ряда несчастий (Чехов). ...E questa morte *parve* segnare il principio di tutta una serie di sventure...

Распустили слух, что палату № 6 *будто бы* стал посещать доктор (Чехов). È stata messa in giro la voce che il dottore avrebbe preso a frequentare il reparto N 6.

Похоже на то, *как будто* у него сильная лихорадка (Чехов). Pare che abbia una forte febbre.

...И успел увидеть кусочек приятного сна; *будто бы* он вырвал у совы целый пук перьев из хвоста (Булгаков)... Sognò di strappare un bel ciuffetto di penne dalla coda della civetta.

То-то я смотрю — у меня на морде — белое пятно (Булгаков). Ecco, guarda, ho una macchia bianca sul muso.

Русские неопределенные местоимения, сочетаясь в одном контексте, создают непреодолимые трудности для переводчика:

Затем куколка садится в *чью-то* длинную машину и едет. *Какая-то почему-то* баня... За столом сидят опять-таки *как бы* родственники Ахмеда... Все *почему-то* голые и поголовно толстые (Л. Петрушевская. Город света // Октябрь, 2003, 4).

Оттенки модальности неопределенности предикативного признака располагаются в широком диапазоне — от констатации неясности события до предположения его возможности или возможности. Более того, частица *то-то* указывает на снятие признака неопределенности ситуации: *То-то* он здесь крутится (= Вот почему он здесь крутится) — *Ecco perché* sta qua in giro. Как видно из примеров, при переводе модальность неопределенности предикативного признака может передаваться описательными

построениями, глаголами *sembrare, parere*, формами Congiuntivo — сослагательного наклонения или вообще оставаться невыраженной.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть материала, касающегося сферы неопределенности в русском языке; за пределами нашего внимания остались местоимения *ничто, некто, некий, некоторый, некогда*, а также так называемые структурные слова с семантикой неопределенности *тот или иной; кто угодно, что угодно, когда угодно, где угодно; кто бы ни, что бы ни, где бы ни, когда бы ни; кто бы то ни было, что бы то ни было, когда бы то ни было, где бы то ни было; что попало, кто попало, где попало* и многие другие (см.: [Словарь структурных слов русского языка 1997]). Приведем несколько примеров:

А потом узнали мы о Суходоле *ничто* еще более странное (Бондарев). E poi sapemmo su Suchodol *qualcosa* di ancora più strano.

Ему мерещится, что его манит *некто* (Островский). Gli sembra che *qualcuno* gli faccia segno.

Когда-то в XIX веке писали, что *некая* комета может задеть Землю, перевернуть все вверх дном (Бондарев). Una volta, nel XIX secolo, si scrisse che *una* cometa poteva sfiorare la Terra, mettere tutto sottosopra.

Некоторые полагали, что он не ответит: не сможет (Гончаров). *Taluni* supponevano che egli non avrebbe affatto risposto: non avrebbe potuto.

Правда, сохранились *некоторые* из таких усадеб еще и того времени, но в них уже нет жизни (Бунин). In verità, *alcune* di tale tenute si sono riservate fino ai nostri tempi, ma in essi non vi è più vita.

Революция в *той или иной* форме не могла не произойти (Моицеев). *In una o in altra* forma la rivoluzione non poteva non avvenire.

Ф. С. Перилло считает, что образования типа *кто угодно* и *кто бы то ни был, что угодно* и *что бы то ни было, какой угодно* и *какой бы то ни был* и т. д. переводятся одинаково, соответственно, *chiunque, qualunque cosa, qualunque* [Perillo 2000: 175].

Заканчивая обзор средств выражения неопределенности в русском языке, отметим, что значение неопределенных местоимений могут получать и имена собственные. К таким антропонимам относится фамилия *Пушкин*. Е. С. Отин пишет: «В разговорно-просторечном субстандарте, массовой городской речи фамилия *Пушкин* нередко используется в качестве коннотативного

онима, развившего сопутствующие смысловые оттенки: *неопределенно, неизвестно кто; кто-то, кто-то другой...*»: Как вредить, так они первые, а как отвечать, так *Пушкин?* (то есть неизвестно кто. — Ю.Р.) (Максимов); Получается, как по известной присказке — а кто отвечать будет? *Пушкин...* (Литературная газета, 2000, 5 июля) [Отин 2004: 290]. В подобной функции может выступать сочинительный ряд фамилий *Иванов, Петров, Сидоров*: А виноваты у нас, как всегда, *Иванов, Петров, Сидоров* (неизвестно кто) — (из записей устной речи). Полный русский антропоним *Иван Иванович Иванов* может означать *кто-то из русских*. Ей-богу, это не я писал, это любимый сердцу моему *Иван Иванович Иванов* насочинял (Горький) [Отин 2004: 166].

Нетрудно заметить, что при переводе всего множества русских неопределенных местоимений и подобных единиц используется ограниченное количество итальянских неопределенных местоимений (чаще всего *qualcuno, alcuno, qualcosa, qualche*), хотя их инвентарь представлен шире, в основном за счет довольно значительной группы местоимений со значением *каждый, любой, всякий*: *ogni, cadauno, ciascuno, ognuno, qualchessia, qualsia, qualsiasi, qualsisia, qualsivoglia, qualunque, chiunque, chicchessia, checchessia, checché, certo, tale, taluno, certuno, alcunché, qualcosa, qualche cosa, qualcheduno, alquanto* и др. Но многие из приведенных местоимений имеют или ограниченную сферу применения (*taluno, certuno, alquanto, qualsivoglia, checchessia*), или являются устаревшими (*alcunche, qualcheduno, chicchessia, checché, cadauno*).

В любом случае, сфера «*каждый*» в итальянском языке является доминантной, разработанной, и это отражается на поведении итальянцев. Меня всегда удивлял тот факт, что вместо того чтобы повесить общее объявление о собрании или о каком-либо ином мероприятии, администрация направляла такое объявление *каждому* преподавателю. Более того, когда однажды вышел из строя компьютер, заведующий кафедрой уведомил *каждого* сотрудника о заседании кафедры собственноручно написанным письмом с абсолютно идентичным текстом. Этот поведенческий фрейм представляет особенность итальянского служебного этикета и, по всей вероятности, отражает семантику слов *ognuno, ciascuno* «каждый», связанную с местоимением *uno* «один», в то

время как в русском языке слово *каждый* ассоциируется, в первую очередь, со словом *все*.

В целом итальянские неопределенные местоимения проявляют отчетливую связь с количественной характеристикой предмета. Помимо отмеченной ориентированности местоимений с семантикой *каждый* на *каждого в отдельности*, некоторые местоимения совмещают значения *некоторый* и *несколько*, которые проявляются в разных контекстах. Т. А. Репина приводит по этому поводу следующие примеры: **Alcuni mesi** dopo il ritorno, scoppiò nel paese un'epidemia colerica (D'Annunzio); Il ragazzo è stato portato da **alcuni pescatori** in questa capanna (Collodi)... «В сочетании с существительным темпоральной семантики актуализируется неопределенно-количественная сема (“несколько месяцев спустя”); существительное-антропоним создает контекст, более благоприятный для реализации неопределенно-качественного значения (“унесен *какими-то* рыбаками”»)» [Репина 1996: 171–172]. Аналогично «ведет себя» местоимение *qualche*, способное «обозначать понятия *какой-то* (*какая-то*) и *несколько*, сочетаясь и в том и в другом случае с существительным в единственном числе. Ср.: (1) A quest'ora colui doveva già trovarsi in **qualche fronte lontano...** (Morante, Storia, 83); (2) A volte... Nino... capitava di nuovo, con **qualche compagno**, su da Giuseppe. Erano visite rapide, giacché *quei ragazzi...* avevano troppa fretta (ibid., 108)... В (1) примере количественное значение исключено самой ситуацией (человек может одновременно находиться *только на одном* фронте); количественное значение *qualche* во (2) примере вытекает из более широкого контекста» [Там же: 172].

Отметим также, что неопределенные местоимения, например *qualcuno* «кто-нибудь, кто-то», содержащее элемент *uno*, определенным образом соотносятся с местоимениями *ognuno*, *ciascuno* «каждый, всякий». Об этом свидетельствуют, в частности, переводы предложений, содержащих это местоимение, на русский язык. Значение местоимения *qualcuno* иногда передается в русском языке единицами, содержащими сему множественности, класса объектов, имплицитующей возможность проявления любого объекта этой множественности, то есть в русле местоимения *все*:

Mi è sempre piaciuto suonare con *qualcuno che* capisca, invece quelli non volevano che gridare più forte. Toccai ancora la chitarra andando a casa e *qualcuno* cantava (Pavese). Я любил играть для *тех, кто* понимает в музыке, а эти только и знали, что орали во все горло. По дороге я снова играл, а *приятели* пели.

Одно и то же итальянское местоимение по-разному переводится на русский язык — в силу дифференцированности условий реализации значений неопределенности в русском языке, их зависимости от контекста. Например, неопределенное местоимение *qualcuno* в контексте предположения переводится *кто-нибудь* (1), в контексте прошедшего времени — *кто-то* (3), в контексте выбора — *один из* (2):

E comincì a suonare a distesa, dicendo dentro di sé: — *Qualcuno* si affaccerà (Collodi). Потянул за дверной колокольчик и позвонил, думая про себя: «Авось *кто-нибудь* да выглянет».

— Aspettami costì che torno subito, — rispose il vecchino, credendo di aver da fare con *qualcuno* di quei ragazzacci rompicolli che si divertono di notte a suonare i campanelli delle case... (Collodi) — Подожди меня, я сейчас вернусь, — сказал старик. Он решил, что имеет дело с *одним* из тех забубенных бродяг, которые забавы ради ночью звонят в квартиры...

Finalmente sul far del giorno si svegliò, perchè *qualcuno* aveva bussato alla porta (Collodi). Когда рассвело, он проснулся: *кто-то* постучал в дверь.

Рассмотренный материал — несмотря на его ограниченность — позволяет сделать некоторые выводы. Так, семантическая доминанта «неопределенность», присущая обоим языкам, по-разному отражает мировосприятие. В итальянском языке эта доминанта категоризована, является частью категории «определенность/неопределенность» и заключается в представлении предмета как неопределенного (представителя класса предметов) или определенного (единственного) еще до включения имени в конкретный контекст. При этом итальянский язык отличается большим своеобразием в использовании артиклей; в частности, можно отметить значительную вариативность артиклей, обусловленную не ситуацией общения, а лексико-грамматическим окружением имени: *Vado in banca* — *Vado alla banca*; *Vado in macchina* —

Vado colla macchina. В русском языке неопределенность не категоризована, не образует мысленного противопоставления по линии «представитель класса предметов / единственный предмет», хотя в тексте такое противопоставление обнаружить нетрудно. Тем не менее, сфера этой доминанты в русском языке более обширна и распространяется на другие классы слов, категориально не противопоставлена определенности и сосредоточена на обозначении различных контекстуальных нюансов и оттенков неопределенности. Неопределенность при этом предстает как семантическая категория, либо отражающая позицию говорящего по отношению к слушающему (один — какой-то, кое-кто), либо связанная с модальностью предположения (-нибудь), либо ориентирована на отрицательный контекст (-либо), либо указывает на неясность ситуации в целом.

Таким образом, обстоятельства, позволяющие объединить в одно поле неопределенности такие, казалось бы, нерядоположенные явления, как неопределенность имени и модальность неопределенности предикативного признака, не сводятся к средствам их выражения (сосредоточенных в основном вокруг прономинально-адвербиальных образований с частицами *-то, -либо, -нибудь, кое-, бы*), а обусловлены тем, что неопределенность существительного часто оказывается инкорпорированной в модальность и в целевую установку высказывания в целом. В итальянском же языке не/определенность имени и предикативного признака не перекрещиваются, будучи грамматикализированными категориями. Так, специализированными средствами выражения неопределенности предикативного признака являются *Condizionale* и *Congiuntivo*: *Sarebbe stato lui a dirlo* — Наверное, он это сказал, *Credo che sia lui* — Я думаю (но не уверен), что это он. Тот факт, однако, что при переводе русских высказываний с неопределенными местоимениями, наречиями и частицами, обозначающими неопределенность предикативного признака, их значения вообще никак не передаются, свидетельствует о том, что в русском и итальянском языках задействованы разные участки не/определенности, что обусловлено связью неопределенности в русском языке с высказыванием в целом. Наконец, отсутствие отдельных слов для передачи разнообразных значений неопре-

деленности свидетельствует также об известной лакуарности данной категории в итальянском языке по сравнению с русским.

Какой из этого можно сделать вывод о мироощущении двух наций? Я бы повторил сказанное: противопоставление восприятия предмета по линии «один из — этот», отсутствие, как правило, жесткой связи между неопределенностью предмета и предикативным признаком (хотя такую связь можно проследить, например, в том, что неопределенное существительное не появляется в отрицательных контекстах типа: **Una donna non entrò nella stanza*. *В комнату не вошла одна (какая-то) женщина) характеризует итальянское видение мира. Напротив, детализация различных аспектов неопределенности предмета, обстоятельства, признака в контексте всего высказывания, инкорпорирование неопределенности предмета, обстоятельства в модальную и прагматическую установку высказывания типично для русского языка и отражает общую настроенность русских на дифференциацию ситуаций, на их объемное представление, а также на относительность и неопределенность окружающего мира в целом, что, в частности, обозначено и в фольклорных формулах: *Поди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что. Близко ли, далеко ли; долго ли, коротко ли; в некотором царстве, в некотором (тридевятом) государстве* и под. По всей видимости, рефлексом склонности русских к неопределенности является и формула ответа *да нет*, которая может быть использована как при утверждении, так и при отрицании: — Ты не придешь? — *Да нет, приду*; — Ты остаешься? — *Да нет, уйду*.

Глава II

Типология субъекта

Предварительные замечания

Проблема субъекта чрезвычайно важна для понимания языковой картины мира. В самом деле, в динамике отношений субъекта с другими категориями языка отражается многовековой опыт народа, высвечивается то особое мироощущение, которое присуще его представителям в видении субстанций (в том числе и самого себя) в отношении к другим субстанциям. Соотношению и сопоставлению различных типов субъекта в итальянском и русском языках и посвящена данная глава.

Понятие субъекта пришло в языкознание из логики, где субъект обозначает предмет, о котором выносится суждение [Кондаков 1976: 754]. В грамматиках ряда языков, в том числе итальянской, слово субъект (*soggetto*) используется как для обозначения субъекта, так и подлежащего; в русском языке эти понятия терминологически дифференцированы [Арутюнова 1998: 498].

В плане содержания под субъектом мы будем понимать сущность с субстанциональным субстратом, которая получает характеристику в акте предикации как носитель признака (действия, квалификации, состояния и т. д.). Денотатом субъекта может быть лицо, предмет (в широком смысле), абстрактное явление или явление природы, ситуация (например, в случаях инфинитивного подлежащего, см. ниже). По сути, любое высказывание можно трактовать как сообщение о субъекте (активном или пассивном, реальном или несуществующем) и его предикативном признаке. Формальная односоставность предложения не означает его семантической односоставности. «Любая структурная схема, — пишут З. Д. Попова и В. А. Федоров, — служит знаком состоявшегося в мозгу человека акта предикирования, то есть замыкания нервной связи между клетками мозга (нейронами), хранящими образ субъекта мысли и образ его предиката (то есть признака, который приписывается субъекту). Акт предикирования принципиально двучленен, и структурная схема, пред-

ставляющая его в синтаксической системе языка, по современным представлениям, [...] так или иначе эту семантическую дву-членность отражает» ([Попова, Федоров 2000: 187]; см. также: [Левицкий 2001: 171; Рылов 1985: 26]). Такое понимание акта предикирования позволяет по-новому подойти к пониманию конструктивной, строевой роли субъекта в предложении: именно характер, тип субъекта в значительной степени предопределяет строение предложения.

В плане выражения способы представления субъекта весьма разнообразны. Субъект может быть выражен не только подлежащим, но и косвенными формами имени, а также может быть инкорпорирован в форму сказуемого; субъект может быть также нулевым. Помимо субъекта полной предикации будет рассмотрен субъект полупредикативных конструкций. В ходе дальнейшего изложения понятие субъекта будет уточняться.

Основная семантическая функция субъекта — идентифицировать предмет действительности, о котором идет речь [Арутюнова 1998: 498]. При этом субъект настолько тесно связан с предикатом, что в ряде случаев идентификация субъекта без опоры на предикат невозможна. Таким образом, в онтологическом плане тип субъекта предопределяет строение предложения, в гносеологическом же плане мы зачастую идентифицируем субъект, исходя из формы сказуемого.

Проблема субъекта важна не только в силу ее первостепенной значимости для понимания сущности предложения, но и потому, что на примерах синтаксического субъекта делаются выводы далеко не лингвистического или этнопсихологического, а идеологического порядка. Так, А. Вежицкая, приписывая русскому грамматическому субъекту «пациентивную ориентацию», противопоставляет его агентивному субъекту в английском языке, и, соответственно, противопоставляются и национальные характеры: англо-саксонский, активный, контролирующей ситуацию, и пациентивный русский, характеризующийся бессилием («я ничего не могу <с>делать», 'разные вещи случаются со мной' (А с кем не случаются? — Ю.Р.))» [Вежицкая 1996: 55, 56]. Способы представления субъекта в русском языке «А. Вежицкая расценивает, по-видимому, как ущербные (с точки зрения англ-

лийского языка, противопоставляемого русскому) и непрестижные в контексте оценки национального характера», — пишет З. К. Тарланов [1999: 7].

Вот как суммирует А. Вежбицкая свои наблюдения о русском синтаксисе и синтаксическом субъекте: «В русском языке предложения, построенные по агентивной личной модели, имеют более ограниченную сферу употребления в сравнении с аналогичными предложениями в других европейских языках, значительно более ограниченную, например, по сравнению с английским языком. Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке (в которых реализуются различные типы субъекта, в том числе неагентивного. — Ю.Р.) показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь, и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще для него бывают плохими, чем хорошими. Как и судьба (выделено нами. — Ю.Р.)» [Вежбицкая 1996: 76].

Как говорится, комментарии излишни.

Обратимся к конкретному материалу. Заметим, что в разделах, в которых речь идет о свойствах субъекта, общих для русского и итальянского языков, мы будем исходить в первую очередь из итальянского языка, в разделах же, в которых рассматриваются преимущественно русские модели, естественно, акцент будет смещен в сторону русского языка.

1. СУБЪЕКТ ПОДЛЕЖАЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1.1. Субъект признака (действия или квалификации)

Основным способом представления событий и явлений внешнего мира в индоевропейских языках является подлежащно-сказуемая (номинативная) модель предложения. Отметим, что для итальянского и русского языков названная модель тоже явля-

ется исходной, хотя и далеко не единственной и по-разному реализующейся в двух языках.

Подлежащно-сказуемая модель суждения была выделена Аристотелем; она «принципиально двучленна: субъект в ней противопоставлен предикату, и данная пара исчерпывает собой состав суждения» [Касевич 1992: 6]. За этой моделью предложения стоят, таким образом, представления о мире как о субъектах и их действиях и свойствах: *Il bambino ride*. Ребенок смеется; *Il bambino è bellissimo*. Ребенок очень красивый.

В современных концепциях понятие субъекта весьма дифференцировано и не совпадает с понятием подлежащего, хотя Г. А. Золотова, принимая расширенную трактовку подлежащего, «уравнивает в правах» все типы субъекта и признает принципиально двучленной структуру русского предложения — независимо от того, выражен субъект подлежащим, либо какой-либо другой формой, либо вообще не представлен отдельным словом [Золотова 1988: 13]. А. В. Бондарко определяет субъект как субстанцию, являющуюся «источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака. Как источник неpassивного предикативного признака выступает тот (то), кто (что) производит (намеренно или ненамеренно) действие (*Кто-то идет; Официант уронил поднос; Вам придется сдать оружие; Выходить мне замуж?; Вами решена важная задача*), выполняет функцию реципиента (*Мы получили интересную информацию*), находится в определенном состоянии (*Дети спят; Зубы болят*), выступает как бытующая субстанция (*Он здесь был; его здесь не было*), является элементом отношения (*Он зависит от них*)» [Бондарко 1992: 33]. Под категорию субъекта в данной концепции не подпадает, например, подлежащее в предложении *Книга исчезла*.

В других концепциях, напротив, подобные подлежащие определяются как единицы, совмещающие субъектное и другие значения. Так, Дж. Сальви помимо агентивного субъекта (*Il bambino corre* «Ребенок бежит») выделяет инструментальный (*Il sasso gire la finestra* «Камень разбил окно»), объектный (*La pietra rotolo giù per il pendio* «Камень покотился вниз по склону»), локативный (*Il giardino pullula di vespe* «Сад гудит от ос»), а субъекту обладания Сальви приписывает значение датива: *Giorgio possiede questo libro* «Георгий владеет этой книгой» [Salvi 1988: 56–58].

Как правило, из числа субъектов выводится и номинатив пассивных конструкций: *Soldat* был ранен осколком гранаты «*Il soldato fu ferito da un frammento di bomba a mano*», Дом построен рабочими «*La casa fu costruita dai muratori*» [Бондарко 1978: 59–60; Копров 1999: 104–106, 128–133]. Ср. также пример Н. Хомского *John was believed to be a liberal* «Джон считался (слыл) либералом», в котором, по его мнению, John не может быть признан логическим субъектом [Chomsky: 20–21]. Как видим, здесь при определении субъекта ученые исходят не из синтаксической модели, а, в первую очередь, из ее переосмысления и из лексического значения подлежащего и/или сказуемого, что, безусловно, высвечивает иные стороны проблемы субъекта-подлежащего. На наш взгляд, при этом не следует упускать из виду, что синтаксическая модель наделена сама по себе познавательной ценностью, огромным когнитивным потенциалом, отражающим взгляд человека на мир. Видимо, прав А. А. Шахматов (именно с ним полемизирует А. В. Бондарко), когда утверждает, что в предложении *Книга исчезла*, несмотря на то, что «книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли», «в данном суждении производителем признака выставлена она» [Шахматов 1941: 22]. Сходным образом высказывался А. А. Потемня о номинативе пассивных конструкций. Анализируя предложение *Книга эта читается всеми*, он пишет, что в данном случае *книга* «делает так, что все ее читают. Конечно, такая самодеятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна, но она действительна в грамматическом смысле, как способ изображения» [Потемня 1958: 100]. К приведенным рассуждениям можно добавить, что так ситуацию представляют наше мышление и наш язык, так эта ситуация выглядит в нашей языковой картине мира.

Как ясно из изложенного, мы будем исходить из следующего представления: субъект — понятие более широкое, чем подлежащее, и может быть выражен различными способами [Бессарабова 1997: 103–111]; это тот компонент высказывания, который подвергается предикцированию, является носителем предикативного признака. В рассматриваемых языках субъект часто совпадает с подлежащим, но далеко не всегда (об этом пойдет речь в последующих разделах).

Когнитивный образ, который стоит за синтаксической моделью «подлежащее + сказуемое», — «субъект и его признак». Подлежащее при этом может быть субъектом действия (процесса: [Ломов 1994: 73]) или квалификации. Под действием понимается любая семантика, выраженная личной формой глагола (*L'uomo lavora, dorme, pensa* «Человек работает, спит, думает»); под квалификацией — семантика, выраженная комплексом «связка (в том числе нулевая) + присвязочная часть (в виде субстантивного, адъективного или адвербиального образования)»: *Giovanni è insegnante* «Иван учитель»; *Lei è ricca* «Она богата»; *Lui è all'erta* «Он начеку».

В некоторых концепциях типы сказуемого рассматриваются более подробно. Например, А. М. Ломов дифференцирует предложения с присвязочной частью, выраженной существительным и прилагательным [Ломов 1994: 73], но в наших целях — для характеристики субъекта в рамках указанного когнитивного образа — это делать вряд ли целесообразно.

Итальянское подлежащее, как и русское, может быть выражено любой частью речи [Dardano, Trifone 1990: 61]: существительным и местоимением (*I bambini vanno alla scuola* «Дети идут в школу»; *Qualcuno ti ha chiamato* «Тебе кто-то звонил»; *Tu sei bellissima* «Ты очень красивая»), субстантивированным прилагательным (*L'utile va unito al dilettevole* «Полезное сопровождается приятным»), инфинитивом (*Fidarsi è bene, non fidarsi è meglio* «Доверять хорошо, не доверять лучше»; *Studiare l'inglese mi piacerebbe molto* «Учить английский язык мне бы очень понравилось»; *Mi piace andare a zonzo per le strade* «Мне нравится бродить по улицам»), частицами (*Punto e mica consognolo a rafforzare la negazione* «*Punto* и *mica* способствуют усилению отрицания») и т. д.

Таким образом, для итальянской языковой картины мира, как и для русской, характерно представление любого явления как субстанции, обладающей признаком. При этом следует отметить, что субъект-инфинитив — особый субъект, денотатом которого является в той или иной степени развернутая ситуация [Белашапкова 1997: 790]. Это, однако, не касается субстантивированного инфинитива, который, приобретая способность

сочетаться с артиклем, прилагательным и субстантивным определением с предлогом, превращается в имя и утрачивает способность представлять ситуацию. При переводе на русский язык такие образования интерпретируются как отглагольные существительные: *Il partire improvviso di Piero l'aveva scombussolata* «Неожиданный отъезд Пьеро ее расстроил».

Рассмотрим механизм предикативной связи. Этой теме в итальянистике посвящено много работ, упор в них обычно делается на анализ вариативности согласования (см., например: [Fornaciari 1974: 296–320; Salvi 1991: 228–241; Castelli 1988: 323–324]). У русского и итальянского языков в оформлении предикативной связи много общего. Так, русское глагольное сказуемое в настоящем и будущем времени и итальянское во всех неаналитических глагольных формах согласуется (т. е. инкорпорирует в свою форму характеристики субъекта) с местоименным подлежащим в числе и лице, а с субстантивным подлежащим — в форме 3 лица ед. или мн. числа: *io canto* «я пою», *tu canti* «ты поешь», *lui canta* «он поет», *noi resteremo* «мы останемся», *voi resterete* «вы останетесь», *loro resteranno* «они останутся»; *il bambino gioca* «ребенок играет», *i bambini giocano* «дети играют», *la studentessa lavorerà* «студентка будет работать», *le studentesse lavoreranno* «студентки будут работать».

Именное сказуемое в итальянском предложении согласуется с подлежащим по линии рода — в отличие от русского языка — и во множественном числе: *il fiore è bello / i fiori sono belli* «цветок красивый / цветы красивые»; *la rosa è bianca / le rose sono bianche* «роза белая / розы белые». В прошедшем времени русское глагольное сказуемое, как известно, согласуется с подлежащим в роде и числе (сосед работал, соседка работала) или только в числе (мы работали, они работали). В итальянском языке во всех сложных формах сказуемого, образуемых при помощи вспомогательного глагола *essere*, согласование осуществляется по линии лица (связка), числа (дважды — в форме связки и причастия) и рода (причастие): *Il ragazzo è arrivato ieri* «Парень прибыл вчера» / *I ragazzi sono arrivati ieri* «Парни прибыли вчера» / *La ragazza è arrivata ieri* «Девушка прибыла вчера» / *Le ragazze sono arrivate ieri* «Девушки прибыли вчера».

Предикативная связь в итальянском предложении, таким образом, представляется очень сильной в формальном отношении, как правило, поддерживаемой морфологическими средствами, хотя возможны предложения, в которых связь подлежащего и сказуемого осуществляется исключительно при помощи порядка слов и интонации:

E il povero Geppetto *a correrli* dietro senza poterlo raggiungere (Collodi). Бедный Джеппетто *побежал* следом, но не мог его догнать.

Яркой чертой итальянского сказуемого является то, что при определенных условиях оно может согласоваться и с дополнением, то есть инкорпорировать в свою форму и характеристику дополнения. Согласование в роде и числе с дополнением касается лишь причастия, входящего в состав аналитической глагольной формы, у которой вспомогательный глагол согласуется с подлежащим. Это обычно происходит, когда местоимения *lo, la, li, le*, не предшествуют сложной глагольной форме и выступают в качестве «контролеров» морфемы числа и рода аналитической формы сказуемого: *L'ho visto* «я его видел», *l'ho vista* «я ее видел», *li ho visti* «я их (муж. р.) видел», *le ho viste* «я их (жен. р.) видел», *ne ho visti due* «я видел двух (муж. р.) из них». Согласование с последующим дополнением — особый стилистический прием эмфатического противопоставления объектов, как в примере Р. Форначари [Fornaciari 1974: 310]:

A noi (Cristo) *ha dati* i suoi meriti, *per sé* *ha tolte* le nostre pene. A noi *ha data* la sua immortalità, *per sé* *ha tolta* la nostra morte. A noi *ha data* la felicità del suo regno, *per sé* *ha tolti* i dolori del nostro esilio. Нам (Христос) отдал свои заслуги, себе взял наши горести. Нам отдал свое бессмертие, себе взял нашу смерть. Нам дал счастье своего царства, себе взял боль нашего изгнания.

Дж. Сальви отмечает вариативность такого согласования. Так, русскому высказыванию *Пива он выпил два литра* в итальянском могут соответствовать три:

Di birra ne ha bevuto due litri (согласование только с подлежащим);

Di birra ne ha bevuta due litri (согласование причастия с родом существительного *birra*);

Di birra ne ha bevuti due litri (согласование причастия с мн. числом сочетания *due litri*) [Salvi 1991: 240].

Аналогично в *Paola si è mangiati i biscotti* (согласование только с подлежащим) — *Paola si è mangiati i biscotti* (с подлежащим и дополнением) «Паола съела печенье». Для предложения с местоименной репризой объекта и инверсией подлежащего Сальви приводит лишь один вариант — согласование с подлежащим и дополнением: *I biscotti, se li è mangiati Paola* [Ibid.: 241].

В рассмотренных построениях сказуемое инкорпорирует в себя характеристики и подлежащего и дополнения, так как оказывается связанным через вспомогательный глагол с подлежащим, а через причастие — с дополнением. В результате, итальянское сказуемое приобретает статус подлинного формального центра предложения, реагирующего как на окружение «справа», так и «слева».

Подводя итог сказанному, можно отметить более сильное «глагольно-сказуемое начало» итальянского предложения по сравнению с русским, заключающееся в значительной способности предикативных форм инкорпорировать в свой состав грамматические признаки субъекта, а в ряде случаев и объекта.

Что касается русского языка, то имеется ряд моделей аналитического характера с несогласующимся сказуемым, в которых морфологические средства не задействованы вообще. Авторы «Русской грамматики 1990» называют их предложениями «с некоординируемыми главными членами» [РГ 1990: 435–439], отрицая, по сути, наличие какой-либо синтаксической связи между подлежащим и сказуемым. Это предложения типа: *Мать на работе, Эти документы огромной важности, Работать рядом с ним — радость, Мой долг — быть рядом с ним, Курить — здоровью вредить. На наш взгляд, координация, то есть связь со взаимной направленностью между подлежащим и сказуемым, имеет место и здесь, но осуществляется она исключительно при помощи порядка слов и просодии, поскольку связка здесь выступает в нулевом виде. В соответствующих же итальянских предложениях наличие связки обязательно: *La madre è al lavoro, Questi documenti sono di grande importanza, Lavorare vicino a lui è un piacere, Il mio dovere è stare vicino a lui, Fumare significa (è)**

danneggiare la salute. В прошедшем или будущем времени, а также в сослагательном наклонении связка имеется и в русских предложениях: Мать была на работе, Работать с ним будет радость, Курить было бы здоровью вредить.

В русском языке нет формальных различий между одушевленным и неодушевленным субъектами. В итальянском же литературном языке не/одушевленность субъекта фиксируется в формах личных местоимений третьего лица: lui, egli, ella, lei, loro — относятся только к лицам, esso — к предметам; essa, esse, essi — к лицам и предметам [Побегайло 2001: 11; Gebert 1994: 83–93]. Так, высказывания Lui è partito alle sei и Esso è partito alle sei «Он уехал в шесть часов» относятся, соответственно, к человеку и предмету (например, к поезду).

Главная особенность итальянского местоименного субъекта состоит в том, что он может инкорпорироваться в предикат. Речь идет об определенно-личных предложениях:

Toccai ancora la chitarra (Pavese)... По дороге домой я снова играл...

Ero stufo di quella vita (Pavese). Я был по горло сыт такой жизнью.

Andammo a vedere la moto (Pavese)... Мы пошли взглянуть на его мотоцикл...

В русском языке инкорпорированный субъект тоже не редкость. Ср. диалог: — *Знаешь, где он?* — Представления *не имею*. На наш взгляд, для русского языка инкорпорирование субъекта более характерно для разговорной диалогической речи и при повествовании об одном и том же субъекте:

— Хотя я и не смею спорить с вами, — сказала она, — но, *согласитесь*, в жизни так много неразрешимых загадок. — Ни одной, *смею* вас уверить (Чехов). *Sebbene io non osi discutere con voi, — disse ella, — ma, convenitene, nella vita ci sono tanti enigmi non risolti! — Neppur uno, ve l'assicuro.*

— О чем ты плачешь, мама? — Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь. [...] Сегодня утром *вспомнила* и снова *всплакнула* (Чехов). — *Per che cosa hai pianto, mamma? — Ieri prima di dormire mi son messa a leggere una novella in cui si descrivono un vecchio e sua figlia. [...] Stamattina me ne sono ricordata e ho di nuovo pianto un poco.*

Отсутствие отдельного слова, выражающего субъект, в подобных случаях не сказывается на его однозначном восприятии. Отметим также, что для итальянского языка опущение прономинального субъектного местоимения более типично, чем для русского (об этом свидетельствуют, в частности, приведенные выше переводы итальянских предложений на русский язык и русских на итальянский), и свойственно для всех регистров речи (подробнее о не/использовании местоименного подлежащего в итальянском языке см.: [Побегайло 2001: 12–14]).

Способность субъекта инкорпорироваться в форму сказуемого обеспечивает, по мнению Л. Рицци и Л. Бурцио, другую особенность итальянского подлежащего — его «свободу передвижения» в пределах высказывания [Rizzi 1982: IV; Burzio 1986: 85–86]. Так, инверсия (На parlato Giovanni) становится возможной благодаря наличию высказывний типа На parlato [Burzio 1986: 85]. С полным основанием данное утверждение можно отнести и к русскому языку. В английском и французском языках, где местоименный субъект не опускается, нет и инверсии подлежащего — в том виде, в каком она существует в итальянском и русском языках. В самом деле, специальные построения, способные обеспечить инверсию подлежащего в английском и французском языках, используются с ограниченным количеством глаголов и исключительно при неопределенном подлежащем:

There have arrived three girls.

Il est arrivé trois filles.

*There has arrived John.

*Il est arrivé Jean [Ibid.: 85–86].

Отсутствие жесткой последовательности «субъект – предикат» и возможность обозначения сначала признака, а лишь затем его носителя создает разнообразные варианты взаимодействия субъекта и предиката (в частности, по линии их актуализации), с одной стороны, и формальной структуры предложения с ее актуальным членением, с другой. Ср.:

Tuo fratello è arrivato — È arrivato tuo fratello «Твой брат *прибыл* — Прибыл *твой брат*»;

Giovanni viene — Viene Giovanni «Иван *приходит* — Приходит *Иван*»;

Giorgio sta correndo – Sta correndo Giorgio «Георгий бежит – Бежит Георгий» (итал. примеры из: [Cinque 1991: 166–167]).

Порядок следования главных членов предложения здесь регулируется соотношением темы и ремы; соответственно, вопросы к предложениям, входящим в приведенные пары, различны:

Che è successo a mio fratello? – Chi è arrivato?;

Che fa Giovanni? – Chi viene?;

Che sta facendo Giorgio? – Chi sta correndo? [Ibid.: 166–167]

Ср. также распространенные предложения с инвергированным подлежащим:

La torta, ha mangiato il bambino «Торт съел ребенок»;

Ha portato Giorgio, il vino «Принес Георгий вино»;

A Piero ha portato il libro tua sorella «Петру принесла книгу твоя сестра»;

A Giorgio, Franco, un libro ha dato «Георгию Франко книгу дал»;

Le bottiglie, ha regalato a Giorgio, Franco «Бутылки подарил Георгию Франко» [Ibid.: 164].

В этих предложениях, явно принадлежащих разговорному стилю речи, инверсия поддерживается просодическими средствами, выражая, на наш взгляд, различное соотношение темы и ремы (состав ремы выделен курсивом).

Исходя из того, что подлежащее может входить как в тему, так и в рему высказывания, Дж. Сальви различает синтаксическое подлежащее (*Piero mangia la minestra* «Петр ест суп») и подлежащее предикации (*È scoppiata una bomba* «Взорвалась бомба»; *È arrivato Piero* «Прибыл Петр»); первое тематично (обычно находится в препозиции к сказуемому), второе рематично и выполняет презентативную функцию в составе сказуемого (чаще всего постпозитивно) [Salvi 1988: 36–37].

Безусловно, положение в составе ремы «накладывает отпечаток» на семантику подлежащего (по мнению Т. Б. Алисовой [1972: 126], «можно заметить несомненное структурное и семантическое сходство между дополнением и подлежащим, входящим в состав ремы») и, соответственно, на восприятие субъекта высказывания со стороны реципиента, в ряде случаев «скрады-

вает» его субстанциональное, соматическое начало (см. ниже замечания об инфинитивном подлежащем), но, тем не менее, отношения «субъект — предикат» в рамках концепта «субъект и его действие», как правило, отчетливо фиксируется в синтаксических связях и в обратной их последовательности, отражая тем самым и наше видение ситуации. Это касается, в первую очередь, предложений со сказуемым — глаголом движения, существования или проявления признака: *Nell'ufficio è entrato un signore* «В контору зашел мужчина»; *Si chiamava Peppino De Matteis (De Crescenzo)* «Его звали Пеппино Де Маттеис»; *Esiste una leggenda* «Существует легенда»; *È successa una brutta storia* «Случилась неприятность».

Напротив, в предложениях с глаголом чувственного восприятия *piacere* «нравиться» субъектная сущность подлежащего, расположенного в составе ремы, не так очевидна, несмотря на наличие форм согласования: *Mi piace la musica* «Мне нравится музыка», *Mi piacciono queste canzoni* «Мне нравятся эти песни». При прямом порядке следования главных членов предложения субъектность подлежащего сомнению не подвергается: *La musica mi piace* «Музыка мне нравится», *Queste canzoni mi piacciono* «Эти песни мне нравятся». (О взаимосвязи инверсии субъекта с семантикой предиката см.: [Rászavölgyj 1994: 187–204].)

Как ясно из изложенного, возможность представления того или иного факта действительности в обратной последовательности — от предиката к субъекту, то есть от признака к субстанции, в сочетании с возможным разнообразием позиции других актантов — одна из важнейших общих черт итальянской и русской языковой картины мира, обеспечивающая нелинейность, объемность его отражения, хотя «линейная» модель SVO (подлежащее — сказуемое — дополнение) является ведущей как в итальянском, так и в русском языках.

1.2. Субъект наличия

Именно в последовательности «предикат — субъект» обычно реализуется синтаксический концепт «наличие предмета», кото-

рый можно признать одной из разновидностей концепта «субъект и его признак»; этот концепт выражается при помощи конструкции с частицей *ci* — *c'è, ci sono*:

C'è Gianni «Здесь Джанни»; *C'è un libro sul tavolo* «На столе есть книга»; *Ci sono molti libri sul tavolo* «На столе много книг»; *Nella stanza ci sono l'armadio, il letto e il tavolo* «В комнате есть шкаф, кровать и стол»;

Nel negozio c'eran Lario e Chelino (Pavese) «В магазине были Ларио и Келино...»

Sulla sedia c'era tazza e piatto sporchi (Pavese). На стуле стояли грязная чашка и блюдо.

In un altro contenitore, invece, con la scritta *Stazione di arrivo*, c'era una spazzola di ferro (De Crescenzo). В другом же контейнере с надписью *Stazione di arrivo* находилась железная щетка.

В русском языке субъект наличия имеет место в построениях с нулевой связкой или формой *есть* (для единственного и множественного числа) в настоящем времени; в прошедшем и будущем временах используются согласуемые в числе (в прошедшем времени и в роде) формы связки *быть*:

В городе есть театр «*Nella citta c'è un teatro*»;

В городе (есть) два вокзала «*Nella citta ci sono due stazioni*»;

В парке был концерт «*Nel parco c'è stato un concerto*»;

В парке будут представления «*Nel parco ci saranno degli spettacoli*».

Субъект наличия — субъект не агентивный, его субъектные свойства как бы «затушеваны» конечной синтаксической позицией, вхождением в рему высказывания. Более ярко субъект наличия проявляется в начале предложения, особенно часто это происходит в отрицательных предложениях. При отрицании субъект может предшествовать обороту *c'è, ci sono*:

Laura non c'è «Лауры нет»;

Sangue per terra non ce n'era, ma benzina (Pavese) «Крови на земле не было, только пятна бензина».

Предшествование субъекта при отрицании, однако, не обязательно:

Nella stanza non ci stavano né il letto, né l'armadio «В комнате не было ни кровати, ни шкафа»;

In casa non ci sono soldi «В доме нет денег».

В русском языке, как видим, предложения, обозначающие концепт «наличие предмета», противопоставлены предложениям, выражающим концепт «отсутствие, небытие предмета», по формальному признаку: в первых имеет место номинативная модель предложения, во вторых — генетивная; в то время как в итальянском языке названные концепты не противопоставлены и реализуются в рамках одной и той же синтаксической модели:

В комнате есть шкаф — В комнате нет шкафа «Nella stanza (non) ci sta un armadio»;

В доме есть деньги — В доме нет денег «Nella casa (non) ci sono soldi».

1.3. Субъект обладания

Этот субъект семантически связан с рассмотренным выше. В русском языке он весьма своеобразен и реализуется в двусоставных подлежащих построениях «у кого есть, был, будет кто/что», получивших «приоритетное употребление... для обозначения отношений владельца и его собственности» [Волохина, Попова 1999: 25] в рамках концепта «неагентивный субъект в отношении к собственности». Этот субъект нам представляется неагентивным потому, что, во-первых, выражается предложной синтаксемой «у + род. падеж существительного или местоимения», представляющей субъект как бы отстраненным от собственности, и, во-вторых, субъект противопоставлен формальному подлежащему — объекту обладания. Таким образом, субъект подлежащих предложений не всегда совпадает с подлежащим. В пользу субъектной трактовки предложной синтаксемы «у кого» свидетельствует, в первую очередь, перевод, в том числе, на итальянский язык.

Рассмотрим примеры:

У меня есть (были, будут) деньги «*Ho dei soldi, avevo dei soldi, avrò dei soldi*», У них новая машина «*Hanno la macchina nuova*», У детей грипп «*I bambini hanno l'influenza*»;

У него есть под подушкой и под матрацем что-то такое, чего он никому не показывает (Чехов) *Tiene sotto il guanciale e sotto il materasso qualcosa che non fa vedere a nessuno...*

Похоже на то, как будто у него сильная лихорадка (Чехов) *Pare che abbia una forte febbre.*

У моей мамы, конечно, есть слабости (Чехов) *La mia mamma, certo, ha delle debolezze.*

У него бодрый, здоровый вид, роскошные седые бакены, благовоспитанные манеры и громкий приятный голос (Чехов) *Ha un aspetto gagliardo e sano, magnifiche fedine brizzolate, modi educati e una voce forte e piacevole.*

Правда, у нас есть книги, но это совсем не то, что живая беседа и общение (Чехов) *È vero che abbiamo i libri, ma questa è tutt'altra cosa che la conversazione viva e la comunicazione diretta.*

У нее и верхушка правого легкого не в порядке (Булгаков) *Ha qualcosa all'apice del polmone destro.*

В соответствующих итальянских предложениях, как видим, реализуется агентивный субъект обладания в рамках концепта «субъект и его признак». Впрочем, построения с *u* могут обозначать и квалификативный субъект признака:

На душе у него было до того больно и горько, до того одиноко и страшно, что мелкие собачьи слезы, как пупырыши, вылезали из глаз и тут же засыхали (Булгаков) *Si sentiva così addolorato, amareggiato, solo e spaurito, che gli occhi gli si riempirono di lagrime canine, piccole come vescichette, che si asciugarono immediatamente.*

В рассматриваемых русских структурах подлежащее — объект обладания/наличия — часто располагается в реме, и его подлежащая функция ослаблена, несмотря на наличие морфем согласования у связки в прошедшем и будущем времени. При перестановке подлежащего в тему высказывания, оно вновь обретает субъектные свойства в рамках концептов «субъект наличия» или «субъект и его признак»:

Деньги были у меня «*I soldi li avevo io*», Деньги у меня были «*I soldi ce li avevo*», Новая машина у них «*La nuova macchina è la loro*», Грнн у детей «*L'influenza ce l'hanno i bambini*».

И выражение у нее было странное, как у глухонемой (Чехов). E aveva un'espressione strana, come quella di una sordomuta.

При переводе на итальянский язык данных предложений может происходить мутация субъекта в объект, но в пределах общего концепта «субъект и его признак».

Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев, анализируя русские предложения с различным актуальным членением *У девочки были длинные косы* 'La ragazza aveva le trecce lunghe' и *Косы у девочки были длинные* 'Le trecce della ragazza erano lunghe', отмечают различное значение глагола *быть*: бытийное (в первом предложении) и связочное во втором [Арутюнова, Ширяев 1983: 69]. На наш взгляд, здесь и различные субъекты (соответственно, неагентивный субъект обладания и субъект квалификативного признака) и разные синтаксические концепты — «неагентивный субъект в отношении к собственности» и «субъект и его признак». В соответствующих итальянских предложениях наблюдаем агентивный субъект обладания и субъект квалификации, принадлежащие к разным вариантам одного и того же концепта — «субъект и его признак».

Между тем субъект обладания, реализующийся в русском языке в рамках концепта «субъект и его признак» — периферийный субъект и встречается в сочетании с глаголами *иметь*, *обладать*, *владеть*, часто в идиоматических выражениях: *имеет успех*, *имеет возможность*, *обладает властью*, *владеет ситуацией*. Глагол *иметь* в прямом значении используется преимущественно в инфинитивной форме [Perillo: 307]:

А хотелось бы *иметь* такого дедушку (Лидин). E vorrei avere un nonno simile.

Теперь понятно, почему хотелось *иметь* гармонь Алеше Воронину (Солоухин). Adesso si capisce perché Aleša Voronin voleva avere una fisarmonica.

Тот факт, что обладание чем-то в одних языках (в том числе итальянском) выражается прямопереходной моделью с глаголом типа *иметь*, а в русском языке по линии глагола *быть* с неагентивным субъектом в предложной форме, как бы отстраненным от объекта обладания, представленного в предложении в виде

грамматического подлежащего, не может не свидетельствовать об особом — «легком» — отношении русских к собственности. Ср. пословицы: *Что было, то сплыло; Что упало, то пропало; Вдруг густо — вдруг пусто; Деньги пух — только дунь на них — и нет; Деньги, что вода; Богатство — вода: пришла и ушла* [Даль 1984, 1: 156]. С. Г. Тер-Минасова, анализируя отношение англоговорящих и русского народов к богатству, отмечает пренебрежительное отношение русских к материальным благам: «Именно поэтому когда-то русские купцы, а сейчас и “новые русские” так беззаботно соряют деньгами. “Новые русские” определяются не количеством денег, не счетами в банке — богатые люди есть во всех странах и у всех народов, а отношением к деньгам, тем, как легко они расстаются со своим богатством» [Тер-Минасова 2000: 173]. Не исключено, что такое дистанцированное отношение к богатству, деньгам соответствует взгляду на собственность, зафиксированному в языке в рассмотренном концепте «неагентивный субъект в отношении к собственности» (в котором, как указывалось, субъект представлен локативом, как бы отстраняющим его от объекта обладания) и является одной из характерных черт русского мироощущения.

1.4. Совмещение двух субъектов в пределах одного предложения: субъекта перцептивного пространства и субъекта признака

Синтаксема с предлогом *у*, находясь в начале двусоставного подлежащего предложения, на наш взгляд, может обозначать особый субъект, в перцептивном пространстве которого осуществляется какое-либо событие, выраженное последующим лексико-грамматическим составом. Таким образом, в предложении представлены два субъекта — субъект перцептивного пространства и субъект признака. Речь идет о построениях типа:

1) *У меня* поломалась машина «*Si è rotta la mia macchina*»; *У него* заболела жена «*Si è ammalata sua moglie*».

2) *Ей* и на кинематограф не хватает; а кинематограф *у женщины* единственное утешение жизни (Булгаков). *Con quarantacinque rubli al*

mese non ci scappa neanche il cinema, che *per le donne* è l'unica consolazione nella vita;

3) Когда *у него* умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву, в Комиссаровское училище (Чехов) Quando *gli* era morta la madre, la nonna, in suffragio dell'anima propria, l'aveva mandato a Mosca all'istituto Komissarovskij.

4) От шума в ушах *у него* кружится голова и выступают слезы на глазах (Чехов) Per lo zuffolio agli orecchi *gli* viene il capogiro e *gli* spuntano le lacrime agli occhi.

5) *У Миньки* защемило сердце (Шукшин). *Min'ka* ebbe una stretta al cuore.

Н. Ю. Шведова в известной статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство» отнесла подобные формы к детерминирующему объекту, на том основании, что они относятся ко всему составу предложения [Шведова 1964: 79], с последним нельзя не согласиться. Но, с другой стороны, нельзя отрицать и субъектное начало этих форм. Основание, позволяющее выделить субъект перцептивного пространства, заключается в том, что синтаксемы с предлогом *у*, как было показано, являются специализированным средством выражения субъекта обладания/наличия предмета, а сема наличия — в данном случае наличия какой-либо ситуации — и является доминирующей у субъекта перцептивного пространства. На этом же основании нельзя согласиться с локативной трактовкой именных синтаксем с предлогом *у* (см.: [Фичи Джусты 1993: 72]), хотя в ряде случаев она, в самом деле, возможна, как в примере:

Там у братьев пес отведал изолированной проволоки, а она почище будет извозчичьего кнута (Булгаков) *Qui* il cane azzannò un cavo elettrico: altro che le frustate dei cocchieri!

Анализ переводов показывает, что в одних случаях семантика русского субъекта перцептивного пространства интегрируется в семантику субъекта признака в виде притяжательного местоимения (1), в других — представлена единицами, функция которых близка к функции рассматриваемого субъекта (2, 3, 4). Наконец, русскому субъекту перцептивного пространства в переводе соответствует субъект обладания (5). Как видим, в итальян-

ском языке перцептивный субъект тоже определенным образом обозначен, но в форме датива (личные местоимения) или в сочетаниях существительного с предлогами *per* (2) и *a* (6, 7). Дж. Сальви, рассматривая случаи сочетаний с предлогом *a*, говорит о «концепте личной сферы» (*concetto di sfera personale*), заключающемся в особом отношении между актантами (родства, принадлежности) [Salvi 1988: 63]. Именно эти сочетания наиболее близки к русскому субъекту перцептивного пространства. Ср.:

6) *Al mio amico si è ammata una sorella* «У моего друга заболела сестра»; *Al vicino hanno investito un gattino* «У соседа задавили котенка».

Сальви отмечает также, что при глаголе *nascere* подлежащее в подобных конструкциях должно быть обязательно неопределенным [ibid.]:

- 7) *Mi è nato un bambino* «У меня родился ребенок»;
8) **Mi è nato il bambino*.

Таким образом, можно говорить о субъекте перцептивного пространства и в итальянском языке, несмотря на то, что за дативными формами прежде всего закреплено значение реципиента, адресата. Ф. Фичи Джусти, рассматривая примеры *Gli è nata una bambina* «У него (букв. ему) родилась дочка», *Gli si è rotta la macchina* «У него сломалась машина», отмечает, что «бывают случаи, когда трудно отличить роль носителя от роли адресата действия», поскольку «местоимение в дательном падеже выступает не только как носитель предикативного признака, т. е. как имя, к которому относится ситуация, но и как адресат действия, в котором лицо, обозначенное дательным падежом, не принимало прямого участия» [Фичи Джусти 1993: 72].

1.5. Субъект-протагонист и инструментальный субъект

Оба субъекта реализуются в построениях с пассивными конструкциями в рамках концепта «субъект и его признак».

Субъект-протагонист представлен номинативной формой, чаще всего в начале предложения, и, несмотря на неагентивность,

является тем не менее субъектом предикативного признака, его исходным пунктом, фокусом. Пассивные конструкции в итальянском языке разнообразны и образуются со вспомогательными глаголами *essere*, *venire* и *andare*:

I tre ufficiali furono degradati. Три офицера были разжалованы;
Maria è amata da Piero. Мария любима Петром / *Марию* любит
Петр;
La mamma viene baciata. Маму (все) целуют;
La porta viene chiusa. Дверь закрывается;
Il libro va letto attentamente. Книгу надо читать внимательно.

Широко распространены также рефлексивные пассивные конструкции с местоимением *si*:

In Italia si produce *la migliore pasta*. В Италии производятся *лучшие макароньы*;

Si vedeva *il ponte* (Pavese). Отсюда даже *мост* был виден.

Субъекту-протагонисту приведенных итальянских предложений соответствует либо субъект-протагонист, либо объектная синтаксема (если при переводе на русский язык использован активный залог).

Что касается так называемого «действительного производителя действия» или логического субъекта, то он чаще всего остается не эксплицированным, так как к пассивной конструкции говорящий прибегает тогда, когда действительный производитель действия ему неизвестен (1), не представляется важным, очевиден (2), или говорящий не желает называть его (3), в том числе из скромности (4) [Salvi 1988: 96–97]. В силу этого итальянские пассивные конструкции часто переводятся на русский язык неопределенно-личными построениями (1–3) или двусоставными предложениями активного строя с инверсией подлежащего и препозитивным дополнением (5) (см. также: [Fici Giusti 1994: 113–123]):

1) *Mi è stato rubato il portafoglio*. У меня украли (был похищен) бумажник;

2) *Mi è stato detto che sei stato bocciato*. Мне сказали (было сказано), что тебя провалили (ты провален); *In Italia si mangia molta pasta*. В Италии едят много макарон (подается много макарон);

3) *Mi è stato promesso che sarai assunto nonostante la crisi.* Мне обещали (было обещано), что тебя примут (ты будешь принят) несмотря на кризис;

4) *In questo lavoro è avanzata una precisa ipotesi sulla struttura della frase semplice.* В этой работе выдвинута точная гипотеза о строении простого предложения.

5) *La carrozzina era tirata da cento pariglie di topini bianchi (Collodi).* Маленькую карету тащили сто упряжек белых мышей.

Л. Гальди, высказываясь против приравнивания активных и пассивных конструкций, говорит по этому поводу, что они различаются не только стилистически, но и функционально в том смысле, что «пассивная форма проявляет тенденцию к его известной генерализации» логического субъекта, в результате он «остаётся в тени, при этом соответствующие предложения нельзя признать эллиптическими» [Galdi 1971: 158]:

Il venerdì 13 ottobre fui arrestato a Milano (Pellico). В пятницу 13 октября я был арестован (меня арестовали) в Милане.

La delicata fase della fusione fu superata in breve tempo (Vita italiana, 1967). Деликатная фаза слияния была преодолена в короткое время.

На наш взгляд, к этому нужно добавить и то, что, если в предложениях с пассивными конструкциями «действительный субъект» часто опускается, то субъект-протагонист, как правило, обозначен и структурно необходим.

Еще одна особенность итальянских пассивных конструкций с глаголами *essere, venire, andare* заключается в том, что «они довольно редко встречаются в разговорной речи: в тексте фильма *Il Magistrato «Судья»* среди 2315 глагольных форм находим лишь 2 пассивные конструкции (*quelli che debbono essere giudicati* «те, которые должны быть судимы (те, которых надо судить)», *le torte vanno servite* «надо подавать торты»)» [ibid.]. Зато любые тексты бюрократического содержания, начиная от различного рода инструкций и кончая юридическими текстами, буквально изобилуют пассивными конструкциями. Приведем несколько выдержек из правил пользования обычным единым билетом для проезда на римском городском транспорте, напечатанных на этом билете:

(1) Il titolo *deve essere convalidato* all'inizio del viaggio ed in ogni caso in metro, (2) dove è *consentito* un solo viaggio. Il biglietto non è cedibile, (3) *deve essere conservato* fino all'uscita dalle stazioni o all'allontanamento dalla vettura, (4) *deve essere esibito* ad ogni richiesta del personale di controllo. (5) Qualora l'ultima timbratura *sia apposta* entro 75' da quella iniziale, è valido sino al termine della corsa. (6) Al viaggiatore sprovvisto di biglietto o con biglietto non valido *sarà applicata* la normativa vigente. Проездной документ *должен быть прокомпостирован* в начале поездки и в любом случае в метро, где *разрешена* только одна поездка. Билет нельзя передавать, он *должен быть сохранен* до выхода со станции или из транспортного средства и *должен быть предъявлен* по первому требованию контролера. Если последнее компостирование билета *произведено* в течение 75 минут от начального, он годен до конца поездки. В отношении пассажира без билета или с недействительным билетом *будут предприняты* предусмотренные меры.

Как видим, субъекты-протагонисты приведенных сообщений *билет* (1, 3, 4), *поездка* (2), *компостирование* (5), *меры* (6), и сообщения посвящены именно им, в то время как так называемые «действительные или логические» субъекты остаются за скобками, не актуализированы ни формально, ни ситуативно и выявляются лишь на основе анализа контекста: гипотетический пассажир (1, 3, 4, 5) и некая генерализованная администрация (2, 6). Перевод на русский язык пассивных конструкций с неозначенным «действительным» субъектом, как видно из примеров, подтверждает его неопределенность.

Важнейшим условием использования пассивных конструкций является фактор актуального членения предложения; при этом изменение конфигурации актантов позволяет вынести в протагонисты сообщения изначально объектный актант, а в позицию объекта с инструментальным значением — исходный субъектный компонент, вводимый при помощи предлога *da*:

L'appendice è stata curata *dal* dottor Giovanni Appelli. Аппендикс был вылечен доктором Джованни Аппелли (см.: [Salvi 1988: 96–97]).

Аналогичная цель может быть достигнута и при помощи использования местоименной репризы в предложении со сказуемым в действительном залоге (естественно, с изменением стилистической окраски предложения в сторону разговорного языка):

L'appendice l'ha curata il dottor Giovanni Appelli. Аппендикс вылечил доктор Джованни Аппелли.

Наличие нескольких пассивных конструкций, различающихся оттенками значения и дистрибутивными характеристиками (например, конструкции с *venire* и *andare* имеют ограничения на сочетание с так называемым субъектным дополнением и используются лишь в простых временных формах [Salvi 1988: 91–93]), весьма примечательный факт в том смысле, что итальянский язык располагает значительным арсеналом средств устранения реального субъекта и выдвигания в каузаторы признака субъекта-протагониста.

Субъект-протагонист русских предложений с пассивными конструкциями, очень похож на соответствующий субъект в итальянских предложениях и располагается в теме высказывания (в предложениях с выраженным или невыраженным «действительным» субъектом) или в реме (в предложениях с невыраженным «действительным» субъектом):

Дом строится рабочими «La casa viene costruita dai muratori», Дом построен рабочими «La casa è stata costruita dai muratori», Заключенный был освобожден «Il prigioniero è stato messo in libertà».

В отчетном году было обмануто двенадцать тысяч человек (Чехов) *Nel corso dell'anno amministrativo sono state ingannate dodicimila persone.*

Профессор-биолог был ранен в висок осколком снаряда (Инбер)... Il professore di biologia era stato ferito alla tempia da una scheggia di granata.

Такая же актуальная информация передается, соответственно, предложениями *Дом строят рабочие, Дом построили рабочие, Заключенного освободили, В отчетном году обманули двенадцать тысяч человек, Профессора ранил в висок осколок снаряда, но «взгляд на ситуацию» в них представлен совершенно другой по сравнению с предложениями с пассивом.*

В тех случаях, когда в пассивной конструкции форма творительного падежа представлена и вынесена в позицию темы высказывания, в ней, на наш взгляд, доминирует субъектное значение, сочетающееся с инструментальным, в то время как субъект-

ность номинатива значительно стирается. Такой субъект можно обозначить как **инструментальный**:

В канун праздника *строителями* сдан еще один объект — новая школа. Alla vigilia della festa i lavoratori edili hanno portato a termine un altro obiettivo — la costruzione di una nuova scuola.

Учеными были выявлены новые факты. Gli scienziati hanno evidenziato dei fatti nuovi.

Подобные предложения характерны для языка официальных сообщений, прессы, научного стиля изложения, но не для разговорного языка.

По нашим наблюдениям, в итальянском языке предложения с соответствующим тематичным предложным сочетанием *da* + N довольно редки, но встречаются:

Da me è stata fatta solo una parte del lavoro. *Мной* проделана лишь часть работы.

Dai giornalisti è stata fatta una ricerca. *Журналистами* проведено расследование.

Ф. С. Перилло считает, что русский язык «предпочитает активные конструкции, открытые для логического субъекта, которому в итальянском предложении соответствует грамматический субъект» [Perillo 2000: 231]. В самом деле, русские предложения с инвертированным дополнением при переводе часто интерпретируются как страдательные построения, особенно предложения с генерализованным субъектом (как во втором примере):

Эту историю рассказал мне домовой в старом заброшенном доме (Грин). *Questa storia* mi è stata raccontata dallo spiritello di una vecchia casa abbandonata.

Не знаю, хорошо или плохо, когда *человека* сравнивают с птицами (Баруздин). Non so se è bene o male quando *l'uomo* è paragonato agli uccelli.

1.6. Генерализованный субъект модальной (оценочной) ситуации и событийный протагонист модальной установки

Первый из названных субъектов реализуется в рамках концепта «генерализованный субъект и его модальная (оценочная)

установка» на основе построений с модальными глаголами в форме третьего лица единственного числа или с модальными выражениями с глаголом *essere* (в той же форме); для русского языка в подобных случаях типично использование слов категории состояния (подробнее эти выражения будут рассмотрены ниже в разделе «Субъект состояния»): *basta* «достаточно»; *bisogna, si deve, occorre, è necessario, è indispensabile* «необходимо»; *accade, capita, avviene, tocca* «случается, приходится»; *si può* «можно»; *è bello, è meglio* «хорошо, лучше»; *è importante* «важно»; *è inutile* «бесполезно»; *è pericoloso* «опасно»; *vale la pena* «стоит»; *è un piacere* «приятно» и др.

Приведенные единицы сочетаются с постпозитивным инфинитивным подлежащим, обозначающим цель модальной установки. Генерализованный субъект остается не выраженным и не охарактеризованным по линии рода, числа и падежа:

Bisogna lavorare «Н*а*до работать», *Si deve studiare* «Н*у*жно учиться», *Occorre imparare un mestiere* «Н*а*до получить специальность», *È necessario andarci* «Н*е*обходимо туда поехать»;

È bello passeggiare qui «Х*о*рошо здесь гулять», *È meglio chiudere la finestra* «Л*у*чше закрыть окно»;

È importante conoscere una lingua straniera «В*а*жно знать иностранный язык»;

È pericoloso restare qui «О*п*асно оставаться здесь»;

Era un piacere stare al sole la mattina (Pavese). Т*а*к п*р*иятно погреться утром на солнышке.

Русские примеры:

Надлежало увеличить караулы (Тынянов). *Occorreva* aumentare le sentinelle.

Да и не *смешно* ли помышлять о справедливости? (Чехов) Anzi non *è ridicolo* pensare alla giustizia?

Так как дома *не на что* было жить и лечиться, то скоро Ивана Дмитриевича отправили в больницу (Чехов). Poiché in casa non *c'erano i mezzi* per vivere e curarsi, ben presto Ivan Dmitrievic' lo avviarono all'ospedale...

Досаднее всего, что здесь и умирать *придется* (Чехов). Il più seccante di tutto è che qui *toccherà* anche morire.

В последнем примере инфинитив, выделенный логическим ударением, предшествует модальному слову; такое предложение

является интонационно-экспрессивным вариантом предложения с конечным инфинитивом.

Генерализованный субъект часто включает или подразумевает участников коммуникации, которые становятся известны из контекста, как в последних трех высказываниях, относящихся к Ивану Дмитриевичу, одному из героев рассказа А. Чехова «Палата № 6». Но в семантической структуре соответствующих предложений представлен лишь обобщенный субъект, формально не выраженный отдельным словом. Прагматика рассматриваемых предложений состоит в актуализации модальной установки и ее ориентировании на обобщенный субъект.

У русских и итальянских построений, как ясно из изложенного, много общего, но имеется и значительное различие. Русские предложения могут быть легко распространены субъектным компонентом в дательном падеже:

Мне хорошо гулять здесь, *Мне* надо выйти, *Мне* лучше подождать, *Мне* приятно это слышать, *Мне* опасно оставаться.

В итальянском языке это возможно далеко не всегда. Так, распространение модального выражения дативом возможно в *Mi* ossogge uscire «Мне надо выйти», *Mi* urge far una telefonata «Мне надо срочно позвонить»; *Non mi* va di dormire «Мне не хочется спать, мне не спится». Ср. также: Стоит *ему* закричать, и он разбудит грудного (Чуковский). *Gli* basta mettersi a gridare, e svelierà il lattante. ?о такое распространение недопустимо в *Mi è importante, *Mi è bene.

Предложения с дативом отражают иную ситуацию: в них эксплицирован определенно-личный субъект (подробно этот тип предложений и соответствующий синтаксический концепт будут рассмотрены ниже). Русские предложения с дативом представляют так называемую расширенную структурную схему предложения, в отличие от которой минимальная структурная схема строится лишь на основе слова категории состояния и инфинитива [Белошапкина 1997: 721].

И русские и итальянские предложения, обозначающие концепт «генерализованный субъект и его модальная (оценочная) установка», как указывалось, двусоставны. Инфинитивное под-

лежащее постпозитивно по отношению к предикату, рематично и абсолютно лишено значения субъектности, которое может быть восстановлено лишь при его появлении в теме высказывания (естественно, с изменением синтаксического концепта):

Выйти было необходимо, *Слышать* это приятно, *Оставаться* опасно;

Учиться читать совершенно не к чему (Булгаков). *Imparare a leggere* non serve a niente...

Но тайну его *угадать* нетрудно (Чехов). Ma *indovinare* il suo segreto non è difficile.

Ср. также итальянские примеры:

Rimanere qui è pericoloso. Оставаться здесь опасно.

Stare con voi è un piacere. Быть с вами очень приятно.

Uscire qualche volta è necessario. Выходить иногда из дома необходимо.

– Be', *dormire* piace anche a me, — fece il cacciatore, — eppure, esser lassú mentre tutti gli altri dormono ancora, non so, m'attira, è una passione (Calvino). Ну, *спать* нравится и мне, — сказал охотник, — и все таки, *быть* там, когда все другие еще спят, не знаю, меня притягивает, это страсть.

Не все предикаты, однако, допускают такую перестановку инфинитива:

*Uscire bisogna;

*Uscire occorre.

Тематичное инфинитивное подлежащее в предложениях рассматриваемого типа выступает в качестве субъекта модальной установки, но субъекта особого, обозначающего событие, ситуацию. В подтверждение наших слов приведем мнение В. А. Белошапковой: «Роль инфинитивного непредикативного главного члена в смысловой организации предложения специфична: он вместе со своими распространителями обозначает ситуацию, в то время как сказуемое выражает ее оценку или квалификацию» [Белошапкова 1997: 790]. Рассматриваемый субъект можно определить как **событийный протагонист модальной (оценочной) установки.**

Подобный субъект реализуется и в предложениях с двумя инфинитивами:

Курить — здоровью вредить. *Fumare nuoce alla salute* (*Fumare significa danneggiare la salute*).

1.7. Генерализированный субъект

В русле подлежащно-сказуемой модели реализуются и отношения между неопределенно-личным местоимением *uno* и предикатом:

1) *Se uno vuole litigare, il pretesto lo trova sempre*. Если хочешь поссориться, причину найдешь всегда;

2) *A mettersi con un tipo così, una si ritrova per forza con dei dispiaceri* (Cassola). Связавшись с таким типом, поневоле попадаешь в неприятности.

Когнитивный концепт, выражаемый такими построениями, — «генерализованный субъект и его действие»; в такой субъект, как правило, включаются и непосредственные участники коммуникации: слушающий (как в 1) или говорящий (2).

Генерализованный субъект может быть выражен и местоимением *tu* или включаться в определенноличную форму глагола:

Se vuoi litigare, il pretesto lo trovi sempre; A metterti con un tipo così, (tu) ti ritrovi per forza con dei dispiaceri.

Ср. также примеры Л. Серианни [Serianni 1997: 170]:

Gemmea l'aria, il sole così chiaro / che tu ricerchi gli albicocchi in fiore (Pascoli). Сверкает воздух от солнца такого яркого, что ты снова ищешь абрикосы в цвету.

Dalle tre finestre e dalla ringhiera si guardava in un cortile stretto e profondo come una torre, di cui non vedevi la fine (De Marchi). Из трех окон и балкона был вид на двор, узкий и глубокий как башня, конца которой ты не видишь.

На русский язык итальянские генерализующие предложения обоих типов переводятся с использованием формы второго лица (см. выше), более типичной для русского языка, чем для итальянского.

Русским обобщенно-личным предложениям с глагольной формой 2-го лица в переводах на итальянский язык соответствуют предложения *uno* (4б), а также с аналогичной формой 2-го лица (1, 2, 3), но при этом может меняться наклонение глагола (1), либо добавляется модальный глагол (2, 3), что свидетельствует об особой модальности русских предложений данного типа. Возможны при переводе и предложения с формой 3-го лица единственного числа, но при этом модифицируется семантика субъекта — в сторону неопределенности (4а, 7; см. след. раздел). Наконец, русскому генерализованному субъекту может соответствовать субъект признака, но при этом сохраняется семантика генерализованности всего предложения (5, 6).

1) О чем, бывало, *ни заговоришь* с ним, он все сводит к одному (Чехов). *Di qualunque cosa ti fossi messo a parlar con lui, tutto riconduceva a una cosa sola...*

2) Что делать? *Не устоишь* против культуры (Астафьев). *Che fare? Non puoi resistere alla cultura.*

3) Много вас по лесу ходит... Всех *не напоишь, не накормишь* (Куприн). *Molti di voi vanno per il bosco... Non potresti dare a tutti da bere, da mangiare.*

4) А кроме того, *нажрешься* (а) бесплатно колбасных головок, бумаги жирной набрасают граждане, *налижешься* (б) (Булгаков). *A parte questo, ci si abbuffa gratis di culi di salame, — i cittadini ci buttano un sacco di cartacce così unte e bisunte che uno le può anche leccare.*

5) Летом звезд *не увидишь* (Панова). *D'estate le stelle non si vedono.*

6) Тише *едешь*, дальше *будешь*. *Chi va piano, va sano e va lontano.*

7) Что посеешь, то и пожнешь. *Come si semina, si raccoglie.*

В качестве генерализованного субъекта в русском языке может выступать и существительное *человек* в нереперентном значении [Rozsavölgyi 1994: 193]:

Человек не знает, что с ним может случиться. *Uno non sa che cosa può succedere con lui.*

Л. Серианни приравнивает построения с формой второго лица пассивным оборотам с возвратным местоимением *si*: *che tu ricerchi gli albicocchi = che si ricercano gli albicocchi* «снова ищутся абрикосы»; *di cui non vedevi la fine = di cui non si vedeva la fine*

«конец которой не виден» [Serianni 1997: 170]. Такая замена явно не равнозначна: дополнение переходит в позицию субъекта при пассивной форме глагола, меняется «конфигурация актантов», хотя актуальное членение соответствующих предложений остается неизменным.

Имеются, однако, предложения с *si*, в которых в самом деле реализуется одна из модификаций генерализованного субъекта (как при переводе предложений 4а и 7), но это предложения бесподлежащные и будут рассмотрены в следующем разделе.

2. СУБЪЕКТ БЕСПОДЛЕЖАЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

2.1. Неопределенно-генерализованный субъект

Такой субъект характерен для итальянского языка; он близок по значению рассмотренному выше, имеет место в построениях с возвратным местоимением *si* и реализуется в двух разновидностях: неопределенно-генерализованный субъект квалификации и неопределенно-генерализованный субъект действия, находящиеся, таким образом, в отношениях дополнительной дистрибуции.

2.1.1. Неопределенно-генерализованный субъект квалификации представлен в своеобразных конструкциях, состоящих из рефлексива *si*, связки *è* (редко *sentirsi*) и множественного числа прилагательного, причастия или существительного, где значение неопределенности субъекта сочетается с обобщающим (генерализирующим) значением; прилагательные и причастия при этом используются в форме мужского рода:

Qui si è contenti. Здесь ты чувствуешь себя довольным;

In primavera sempre si è felici. Весной всегда *чувствуешь себя* счастливым;

Si è preoccupati, quando non si hanno notizie. *Беспокоишься*, когда нет известий»;

Quando si è donne, si è disposte a rinunciare a molte cose per i propri figli. *Если ты женщина, то готова* отказаться от многого ради своих детей;

Al mattino presto *ci si sente i padroni* del mondo (Calvino). Ранним утром чувствуешь себя хозяином мира.

Quando ci s'imbatte in un uomo dai lineamenti molto delicati, tipo Leonardo Di Caprio, tanto per intenderci, *si è soliti* dire che ci sembra un po' effeminato (De Crescenzo). Когда сталкиваешься с человеком с очень тонкими чертами лица, как у Леонардо Ди Каприо, просто, чтобы понятно выразиться, *обычно говоришь*, что он кажется немного женственным.

Quando *si è innamorati*, il cervello è a tal punto concentrato sul versante sentimentale (De Crescenzo)... Когда *человек (ты)* влюблен, мозг настолько сосредоточен на объекте своих чувств...

Как нам представляется, прагматика таких высказываний — в выведении по каким-либо причинам действительного субъекта кваликативного признака из речевого акта и представлении его, с одной стороны, как неопределенного, устраненного, с другой стороны, как генерализованного. Именно через сему генерализованности субъект связывается с участниками коммуникации. Формально субъект не назван, его характеристика по линии рода, числа, лица нейтрализована (хотя в контексте могут содержаться указания на действительный субъект), в предложении акцентируется квалификация признака.

Если форма причастия анализируемых конструкций получает характеристику по линии рода, то теряется не только генерализующий смысл высказывания, но и вообще разрушается синтаксическая структура. Ср.:

Si è preoccupati, quando non si hanno notizie. Беспокоишься, когда нет известий.

*Si è preoccupato, quando non si hanno notizie.

*Si è preoccupata, quando non si hanno notizie.

На основе выделенных оборотов можно построить, однако, высказывания:

Si è preoccupato, quando non ha avuto notizie «Он забеспокоился, когда не получил известий»;

Si è preoccupata, quando non ha avuto notizie «Она забеспокоилась, когда не получила известий».

В русском языке, как видно из переводов итальянских примеров, данный субъект не имеет специфических форм выраже-

ния, и его можно рассматривать в рамках генерализованного субъекта.

2.1.2. Неопределенно-генерализованный субъект действия реализуется в рефлексивных построениях типа *qui si mangia bene* «здесь хорошо кормят», *si lavora molto* «работают много», *da studenti si va (s'è andati) all'estero* «со студенческих лет ездят (ездили) за границу». В разговорной речи в неопределенный субъект могут включаться и участники коммуникации (я, мы, вы):

Si va. Поехали.

Si va per far correre un po' il cane... — disse il cacciatore (Calvino). *Езжу*, чтобы дать собаке немного побегать.

Alla sera si ha troppo sonno (Calvino). Вечером очень *хочется* спать.

Se ne fa tanti, di errori (Calvino). *Совершаешь* столько ошибок.

Si entrava in cucina toccando la porta, dicevo permesso, e mi trovavo nella stanza sempre fredda e spalancata (Pavese). *Входил* в кухню, тихонько стучался в дверь, спрашивал, можно ли войти, и оказывался в этой холодной комнате с распахнутым настеж окном.

Nella stessa casa, anzi, *si restrinse* a vivere in tre camere soltanto, abbandonando le molte altre alle scarse cure delle serve e alle nostre diavolerie (Pirandello). *Занимали* мы в большом доме всего три комнаты; в остальных, за которыми кое-как присматривала прислуга, мы шалили.

E poi perché... via! *si vedeva* da cento miglia lontano, non ostante la timidezza (Pirandello)! И потом... Ну конечно же это *видно* за милю, несмотря на всю его робость!

Ora io mi chiedo: ma è davvero così importante essere belli? Nel momento in cui *si conosce*, senz'altro (De Crescenzo). И вот я спрашиваю себя: неужели так важно быть красивым? В момент, когда *знакомишься*, безусловно.

Purtroppo, *quando si ha fretta, non si pensa* nulla di buono (Moravia). К сожалению, когда *торопишься*, ничего хорошего в голову не приходит.

Особенно частотны выражения *si dice* «говорится, говорят», *si calcola, si ritiene, si crede* «считается» и др.:

Si dice che i giovani siano belli e stupidi e i vecchi brutti e sensibili (De Crescenzo). Говорят, что молодые красивы и глупы, а старые некрасивы и чувствительны.

Si sapeva ch'era inutile andarlo a trovare perché gridava giorno e notte e bestemmiava (Pavese). Я знал, что идти к нему в больницу бесполезно, ведь он кричал и ругался день и ночь напролет...

Poi si seppe che Amelio era tutto ingessato e le gambe gli morivano (Pavese). Потом я узнал, что Амелио положили в гипс, а ноги у него начали сохнуть.

Era innamorato... *s'intende* di chi, quel povero signor Pomino (Pirandello). Бедный синьор Помино влюблен... и *понятно* в кого!

Si capisce che alle due di notte era troppo tardi per ricordarsi che era senza chiave (Calvino). *Понятно*, что в два часа ночи было слишком поздно, чтобы вспомнить о том, что у тебя нет ключа.

Неопределенно-генерализированный субъект не выражен отдельным словом и не охарактеризован ни по линии рода, ни по линии числа и лица. Формальное устранение субъекта и актуализация действия и составляют прагматику подобных рефлексивных высказываний.

Построения с *si*, обозначающие концепт «неопределенно-генерализированный субъект и его действие», распространены во всех стилях речи. Ср. газетное сообщение:

Da domani *si potrà* chiamare i cellulari senza digitare 0 iniziale... Al posto dello 0338 *si potrà* digitare solo 338. [...] Se *si continua* a digitare il vecchio prefisso, la chiamata verrà inoltrata lo stesso (Metro, 28.02.2001). С завтрашнего дня *можно будет* звонить на сотовые телефоны, не набирая начальный 0... Вместо 0338 *можно будет* набрать только 338. [...] Если *по-прежнему набирается* старый код, звонок все равно пройдет.

К неопределенно-личной форме возвратных глаголов добавляется частица *ci*:

A tavola non ci si pettina «За столом не причесываются»;

D'estate ci si sveglia presto «Летом просыпаешься рано» [Черданцева 1999: 111].

Al mattino presto ci si sente i padroni del mondo, — disse l'operaio (Calvino). Ранним утром чувствуешь себя хозяином мира, — сказал рабочий.

Иногда значение субъекта рефлексивных построений просто неопределенное, как в примерах с *dire*.

Poi si disse che forse scampava (Pavese). Говорят, он, может, и выживет.

Adesso si diceva che con lui quella notte c'era stata una ragazza (Pavese). Теперь стали болтать, что в ту ночь с ним была девушка...

Дж. Сальви выделяет предложения с *si tratta* «речь идет» в отдельную модель: *Si tratta di un nuovo attentato contro la democrazia* «Речь идет о новом покушении на демократию» [Salvi 1988: 71]. На наш же взгляд, подобные высказывания тоже вписываются в концепт «неопределенный субъект и его действие»:

Si trattava di decine e decine di opere invisibili, chiuse in enormi scatoloni di legno (De Crescenzo). Речь шла о десятках и десятках невидимых творений, скрытых в огромных деревянных коробках.

Si может появляться и в своеобразных пассивных конструкциях, обозначая ее неопределенно-генерализованный (1) или неопределенный (2) субъект:

1) *Si viene spesso dimenticati* (= *uno viene spesso dimenticato*) «О тебе часто забывают»;

2) *Lo si spia da molto* (= *lo spiano da molto*) «За ним давно следят» [Salvi 1988: 102].

Наконец, в тосканском диалекте неопределенно-генерализованная форма может сочетаться с местоимением *noi* «мы»: *Noi si va al cinema* «Мы идем в кино».

На русский язык, как видно из примеров, предложения с неопределенно-генерализованным субъектом часто переводятся при помощи неопределенно-личной формы третьего лица множественного числа (при этом актуализируется сема неопределенности) или обобщенно-личной формы второго лица единственного числа (актуализируется сема генерализации), а также с использованием личной формы (когда субъект известен из контекста). Отметим также, что в русском языке существует форма, аналогичная итальянской «*si vive*» (живется):

И он рассказывает, как *жило*сь прежде здорово, весело и интересно... Давали деньги взаймы без векселя, и *считалось* позором не протянуть руку помощи нуждающемуся товарищу (Чехов). *E racconta come una volta si vivesse in modo sano, giocondo e interessante... Si davano denari*

in prestito senza cambiale e *si stimava* un'onta non tendere una mano soccorrevole al compagno bisognoso.

Отличие подобных русских рефлексивов от итальянских в том, что русские построения, как правило, сочетаются с дативом – субъектом состояния: *мне живется, мне дышится, мне работается* (см. ниже).

Если за переходным глаголом, сопровождаемым *si*, следует существительное, то, например, высказывание *Alle nove si serve il caffè* может обозначать две ситуации: «В девять часов подают кофе» и «В девять часов подается кофе». В пользу второй интерпретации — с *si*, вводящим пассивную конструкцию, — свидетельствует тот факт, что глагол используется в форме множественного числа, если и существительное во множественном числе: *si servono le bibite* «подаются напитки» [Serianni 1997: 180]; между тем в тосканском диалекте и в устаревших формулах вполне возможно *si serve le bibite* [Rohlf's 1966–1969: 481]. В сложных временах глагольная форма согласуется с последующим существительным и в роде: *si è servita una bibita, si sono servite le bibite, si è servito un caffè*. Таким образом, возможная омонимичность двух конструкций — с прямым дополнением или подлежащим — обычно разрешается в пользу двусоставной подлежащно-сказуемой модели, которую мы определили выше как «протагонист и его признак», хотя сама сложность, возникающая при интерпретации указанных построений, весьма показательна и свидетельствует не только о гибкости итальянского синтаксиса, но и о некоторой функциональной близости пассивных конструкций с *si* и высказываний с неопределенным субъектом: и в тех и других не специфицирован реальный производитель действия.

2.2. Неопределенный субъект

Значение неопределенного субъекта реализуется обычно в построениях с глагольной формой третьего лица множественного числа:

Bussano alla porta «Стучат в дверь», *Ti hanno chiamato più volte* «Тебе звонили несколько раз»;

Mi dicevano Pablo perché suonavo la chitarra (Pavese). Меня прозвали Пабло потому, что я играл на гитаре.

Ne dicevano tante. La ragazza me la fecero vedere un mattino che passava sul corso, di fronte al negozio. [...] Adesso dicevano che andava a trovarlo (Pavese). Всякое болтали. Его девушку мне показали однажды утром, когда она проходила мимо нашего магазина. [...] Говорят, она навещает его.

In questura una minestra *me la danno* sempre (Moravia). В полицейском участке тарелку супа мне всегда *дадут*.

Возможна реализация неопределенного субъекта и в построениях с пассивом:

In quel punto *fu bussato* alla porta (Collodi). В это мгновение раздался стук в дверь.

Ср. также примеры из русских текстов:

В одном месте *дадут* ему квасу, в другом — хлеба, в третьем — копеечку... (Чехов) In un posto gli *danno* del kvas, in un altro del pane, nel terzo una sorosa...

В городе, несмотря на резкость его суждений и нервозность, его *любили* и за глаза ласково *называли* Ваней (Чехов). In città, non ostante l'asprezza dei suoi giudizi e la sua nervosità, gli *volevan* bene e in sua assenza lo *chiamavano* affettuosamente Vanja.

Не за ним ли это *идут*? Не его ли *ищут* (Чехов)? Non *vengono* a chiamar lui? Non *cercano* lui?

В городе отлично *знали* про эти беспорядки и даже *преувеличивали* их, но *относились* к ним спокойно (Чехов). In città *si sapeva* molto bene di questi abusi e li *si esagerava* perfino, ma li *si considerava* pacatamente...

Не *били* вас сапогом? *Били* (Булгаков). Vi *hanno mai colpito* con uno stivale? A me sì.

Опять Шарик. *Окрестили* (Булгаков). E dai co' sto Pallino! Ormai m'*hanno battezzato*.

Когда его *отрывают* от любимого дела, он всегда немного молчит... (Алексин) Quando è *distolto* dall'occupazione preferita, tace sempre un poco...

Свет в городе *выключали* очень рано (Паустовский). La luce in città *era tolta* molto presto.

В реализации концепта «неопределенный субъект и его признак» наблюдается значительное сходство в обоих языках, как

формальное, так и функциональное. Например, в обоих языках возможно представление субъекта как неопределенного и множественного, даже если он известен говорящему как определенное лицо, как в примере Дж.Сальви: *Mi hanno venduto questo libro* «Мне продали эту книгу» [Salvi 1988: 98].

Любопытно, что в разговорном языке в ряде случаях возможна замена единственного числа субстантивного субъекта на множественное: *Врачи мне запретили есть мясо* «*I medici mi hanno vietato di mangiare la carne*», хотя речь может идти лишь об участковом враче. Ср. также использование множественного числа при обращении к одному лицу: Ребята, сколько вам говорить, чтобы были внимательными (врач пациенту); — Господа, — возмущенно кричал Филипп Филиппович, — нельзя же так. Нужно сдерживать себя. Сколько ей лет? (Булгаков) «*Signore, — gridava Filipp Filippovič, indignato, — così non è possibile! Bisogna contenersi. Quanti anni ha la ragazza?*» (В переводе использована форма единственного числа обращения, соответствующая контексту.) Это явление свойственно и итальянскому языку: *Alla salute di tutti quelli che si svegliano presto, — disse alzando il bicchiere, — soprattutto delle belle signore* (Calvino). За здоровье тех, кто рано просыпается, — сказал он, поднимая стакан, — особенно прекрасных дам. (Хотя «дама» всего лишь одна.)

Тем не менее, несмотря на сходство, рассматриваемый субъект более характерен для русского языка. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные выше переводы русских предложений на итальянский язык: они не всегда переводятся при помощи неопределенно-личных конструкций, в ряде случаев используются пассивные построения с субъектом-протагонистом (см. два последних примера). Ф. С. Перилло приводит также примеры русских объявлений с неопределенным субъектом, которым соответствуют предложения с неопределенно-генерализованным субъектом или субъектом-протагонистом:

Просят не шуметь. *Si prega* di non far rumore.

Просят не сорить на полу. *Si prega* di non sporcare per terra.

Пассажиров с билетами на Львов, рейс 7704, вообще *просят* уйти из аэропорта (Жванецкий). *I passeggeri del volo 7704 per Lvov sono pregati di lasciare l'aeroporto* [Perillo 2000: 235].

Неопределенный субъект не включает, как правило, участников ситуации. Таким образом, за формой третьего лица множественного числа стоит некий субъект третьего лица, не охарактеризованный по линии рода и числа. Прагматика предложений с неопределенным субъектом, как и предложений с неопределенно-генерализированным субъектом, заключается в желании говорящего не специфицировать по каким-либо причинам субъект, а сосредоточить внимание на его действии (см. также: [Бабайцева 1968: 34; Ломов 1994: 168–169]).

В русском языке неопределенный субъект представлен и в предложениях со сказуемым в форме третьего лица единственного числа среднего рода:

Лодку унесло. *La corrente portò via la barca.*
 Деревню затопило. *Il paese è stato allagato.*
 Все залило. *Tutto era coperto d'acqua.*

(См. также раздел «Квазисубъекты»).

2.3. Субъект представления (презентации)

Специфический концепт «представление субъекта и его возможного действия» выражен построениями с *ecco* — так называемой презентативной частицей (*particella presentativa*) [Galdi 1971: 194]:

Ecco Paolo «Вот Павел» / *Eccolo* «Вот он» / *Eccotelo* «Вот он тебе» / *Ecco due ragazze* «Вот две девушки» / *Eccone due* «Вот их две».

— *Eccomi qui, pronto a servirvi*, — replicò il falegname, rizzandosi su i ginocchi (Collodi). — С превеликим удовольствием (буквально: *Вот я, готов служить вам*), — ответил столяр и приподнялся с пола.

Частица *ecco* «вот» ведет себя как форма глагола восприятия, обладающая способностью подчинять не только косвенные местоименные формы, но и инфинитив (образуя конструкцию, напоминающую *Accusativus cum Infinitivo*), причастие (сообщая ему предикативный статус), а также псевдопридаточное предложение, вводимое *che*. Ср.:

Vedo arrivare Paolo / Lo vedo arrivare (Я вижу, как прибывает Павел / Я вижу, как он прибывает).

Eccolo arrivato «Вот он приехал» / Eccolo arrivare «Вот он приезжает» / Ecco arrivare Paolo «Вот приезжает Павел» / Ecco che arriva Paolo «И вот приезжает Павел» / Ecco Paolo che arriva «И вот Павел приезжает».

Eccomi mangiare in un ristorante. А это я обедаю в ресторане;

Eccoci arrivare al mare. А вот мы приезжаем к морю;

Eccoti punito, dicevo io a me stesso, della tua presunzione. Вот ты и наказан, — говорил я сам себе, — за свою самонадеянность (пример из [Galdi 1971: 195]).

Socrate parla della vita e della morte, del bene e del male e perfino dell'anima, quand'ecco comparire Santippe (De Crescenzo). Сократ говорит о жизни и смерти, о добре и зле и даже о душе, когда вдруг появляется Ксантиппа.

Именно в этом отличие *ecco* от *vot*, сочетающегося с именительным падежом субъекта, хотя и в итальянских построениях с существительным его «аккузативная» сущность не так очевидна и отчетливо проявляется лишь на фоне косвенной формы местоимения, тем более, что неличные формы глагола (причастие, инфинитив) могут чередоваться с личной формой, сочетающейся с номинативом.

Сходство же в том, что как итальянские, так и русские высказывания с *vot* адресованы собеседнику:

Vot мой настоящий паспорт (Набоков), *Vot* и Кремль при лунном свете (Зайцев) (примеры из: [Волохина, Попова 1999: 30]);

Vot он все ближе и ближе (Булгаков). *Eccolo* che s'avvicina sempre di più.

2.4. Субъект именованя

В русском языке субъект именованя представлен аккузативной формой *кого*, в то время как в итальянском — это номинативный субъект-протагонист при рефлексиве *chiamarsi*:

Меня зовут Иван Петров. *Mi chiamo* Ivan Petrov.

Имя (но не фамилия) может быть и в форме творительного падежа:

Меня зовут Иваном. *Mi chiamo Ivan.*

*Меня зовут Петровым.

Русский рефлексив *называться* применяется в прямом значении лишь по отношению к предметам, и в этих случаях мы имеем дело с субъектом-протагонистом:

Этот инструмент называется отвертка (отверткой). *Quest' attrezzo si chiama sacciavite.*

2.5. Субъект неконтролируемого признака

Субъект неконтролируемого признака (субъект-объект) наблюдается в построениях с винительным падежом имени и формой третьего лица единственного числа глагола.

Рассмотрим примеры:

1) *Меня* тошнит *Ho la nausea*, *Меня* знобит *Ho la febbre*, *Меня* вырвало *Ho vomitato*.

2) *Машину* кидало из стороны в сторону. *La macchina veniva sballottata*.

3) Минут пять *Короткова* колотило и мяло на площадке (Булгаков). *Per cinque minuti Korotkov fu sbattuto e schiacciato sulla piattaforma...*

4) *Его* всегда тянуло к людям (Чехов). *Si sentiva sempre attratto verso gli uomini...*

Субъект неконтролируемого признака может быть формально не выраженным, но понятным из контекста и эксплицированным в переводе:

5) Небось (его, Диогена. — Ю.Р.) скрючило бы от холода (Чехов) *Credo che lui sarebbe diventato curvo per il freddo.*

Аккузативные формы совмещают объектное и субъектное начало: объектность заключается в том, что кто-то (реже — что-то: 2) испытывает воздействие, но это воздействие особого рода, неконтролируемое, оно может осуществляться внутри самого объекта (1, 4, 5) или с «участием» какого-либо внешнего обстоя-

тельства (плохая дорога: 2, множество людей: 3). Субъектность же сводится к тому, что аккумулятивный компонент является исходным пунктом сообщения, предикации, выступает в качестве протагониста воздействия. Наиболее яркое подтверждение субъектности аккумулятивных форм — их перевод на итальянский язык. Как можно заметить, в переводах русскому субъекту неконтролируемого признака соответствует субъект действия (1) или протагонист (2, 3, 4, 5), то есть в переводах актуализируется только одна из сем рассматриваемого компонента — субъектная, но не весь их комплекс. В целом, русская конструкция, на наш взгляд, точнее отражает ситуацию по сравнению с итальянской.

2.6. Субъект состояния

В русском языке можно выделить субъект состояния и, соответственно, концепт «пациентивный субъект и его состояние». Ср. концепт «пациенс претерпевает состояние» у Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой [Волохина, Попова 1999: 146–158]. Этот концепт реализуется, в первую очередь, в расширенных структурных схемах предложения со словами категорий состояния. Слова категории состояния (в другой терминологии, предикативные наречия) были впервые рассмотрены как особая часть речи Л. В. Щербой в статье «О частях речи в русском языке» [Щерба 1974: 90]; признавал эту категорию и В. В. Виноградов [Виноградов 1947: 421]. В самом деле, различия в смысле трех предложений *Он веселится*, *Он веселый*, *Ему весело* сводятся к тому, что в первом сказуемое обозначает действие, во втором — качество, в третьем — состояние субъекта [Щерба 1974: 90]. Соответственно, в первом предложении реализуется субъект-деятель, во втором — субъект-носитель признака, в третьем — субъект состояния. В трактовке слов категории состояния нет единства; Щерба включал в их состав образования типа *без чувств*, *в сюртуке*; Виноградов — *рад*, *горазд*, *должен*.

Мы будем понимать под категорией состояния открытый класс слов, допускающих распространение синтаксемой с субъектным значением в дательном падеже и выступающих исключи-

тельно в функции сказуемого. Это слова, совпадающие по форме с наречиями (*мне надо, нужно, можно, нельзя, жаль, жалко, весело, скучно, уютно, горько*) или существительными (*мне грех, лень, срам, пора, время*), а также фразеологизированные единицы (*не к чему, незачем, некогда, некуда, не до сна, не к спеху, на черта*). (Отметим, что в некоторых концепциях субъект построенный с подобными единицами рассматривается дифференцированно, как, например, в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [Золотова 2001: 118–121]). Рассмотрим примеры:

Мне надо ехать. Ho bisogno di partire;

Мне нужно отдохнуть. Ho bisogno di riposarmi;

Мне можно остаться. Posso restare;

Тебе нельзя курить. Non devi fumare;

Тебе жаль уезжать отсюда. Ti dispiace andartene da qui;

Ему жалко денег. Gli dispiace per i soldi;

Всем весело. Tutti si divertono;

Нам скучно без вас. Sentiamo la vostra mancanza;

Мне уютно здесь. Sto comodo (a mio agio) qua;

Нам горько даже думать об этом. Siamo desolati solo a pensarci;

Судье нужно только одно — время (Чехов). Ha bisogno di una sola cosa: di tempo;

Теперь же почему-то *ей* стало досадно (Чехов). *Ma ora, chi sa perché, provò dispetto;*

И *ей* было жаль его и почему-то неловко (Чехов). *Aveva pietà di lui e, chi sa perché, provava disagio;*

Мне вот молодости вашей жалко (Чехов). *A te, ecco, fa pena la vostra giovinezza;*

Что они там вытворяют в нормальном питании — *собачьему уму* непостижимо (Булгаков). *Cosa ci mettono nel cibo, quelli lì... roba che il cervello d'un cane non l'arriva a capire;*

Жаль *мне* ее, *жаль!* Но самого себя *мне* еще больше жаль (Булгаков). *Mi fa una pena, la ragazza. Ma io mi faccio ancora più pena;*

Ей-то хоть дома тепло, ну а *мне, а мне* (Булгаков). *Lei perlomeno a casa se ne sta al caldo io invece...;*

Ну вот и прекрасно, тебя-то *мне* и надо (Булгаков). *Splendido. Ho bisogno proprio di un cane come te;*

Мне грех было жаловаться. *Non stava bene che mi lamentassi;*

Тебе было лень учиться. *Non avevi voglia di studiare;*

Ему срам так поступать. È vergognoso che *si comporti* così;

Нам пора было начинать. Era ora che *cominciassimo*;

Вам время ехать. È tempo che *partiate*;

Андрей Ефимович, *вам* не пора пиво пить? (Чехов) Andrei Jefimic', non è tempo che *beviate* la birra?

Нам не к чему спешить. Non c'è ragione che *facciamo* in fretta;

Тебе незачем туда ходить. Non c'è nessuna ragione perché *tu* ci vada;

Ему не до развлечений. Non *ha* tempo per divertirsi;

Им не к спеху. Non *hanno* fretta;

Можете идти шпионить и пытаться в другое место, а тут *вам* нечего делать (Чехов). Potete andar a spiare e a inquisire altrove, qui *non avete* nulla da fare.

Обращает на себя внимание отсутствие согласования в роде между субстантивными словами категории состояния и связкой — одно из доказательств изменения категориальной принадлежности слова (*грех было жаловаться, пора было прощаться*).

Субъект состояния может сочетаться в пределах одного предложения с реальным подлежащим:

1) *Нам* все это не нужно. Non *abbiamo* bisogno di tutto ciò;

2) *Мне* все здесь как-то дико с непривычки (Чехов). Tutto qui *mi* fa un certo effetto strano per mancanza d'abitudine.

В переводе в качестве субъекта может быть использована как единица, соответствующая субъекту состояния (1), так и подлежащему (2).

Слова категории состояния редко попадают в сферу внимания сопоставительного изучения. «Между тем специфические черты русских форм, подводимых под КС (категорию состояния. — Ю.Р.), было бы логичным определять путем сопоставления с предикативами в других языках, а не на основе презумпции о том, что в русском языке они составляют особую часть речи, а в других языках — нет» [Циммерлинг 1998: 58].

В самом деле, анализ приведенных выше примеров выявляет не только закономерности перевода, но и особенности значения самих слов состояния. Тот факт, что русскому дативу при словах категории состояния чаще всего соответствует номинатив в итальянском предложении подтверждает особое субъектное зна-

чение этого падежа. Кроме того, в построениях *мне грех жаловаться, мне незачем спешить, мне время уехать* и под. заключена особая «сжатая» модальность, которая при переводе эксплицируется в сложноподчиненных предложениях с сослагательным наклонением типа *это грех, чтобы я жаловался; нет причины, чтобы я спешил, настало время, чтобы я уехал*.

Привлекает внимание и то, что значение русских слов категории состояния часто передается итальянскими фразеологическими единицами, что свидетельствует о том, что семантика, касающаяся сферы внутреннего мира человека, его состояния, идиоматична и глубоко национальна.

Наконец, слова категории состояния иначе соотносятся с денотативной ситуацией по сравнению с соответствующими глаголами, различна и роль субъектов — субъекта состояния и субъекта действия. Так, в *Мне грустно, Мне весело, Мне надо идти* причина состояния кроется в самом субъекте, в то время как в *Я грущу, Я веселюсь, Я должен идти* — причина действия скорее внешняя. Ср.:

Мне грустно, потому что я скучаю по тебе (Sono triste perché sento la tua mancanza) — Я грущу, потому что тебя нет (Sono triste perché non ci stai);

Мне весело, потому что я рядом с тобой (Sono contento perché sono vicino a te) — Я веселюсь, потому что ты рядом со мной (Sono contento perché sei vicino a me);

Мне надо идти, потому что боюсь опоздать (Devo proprio andare perché ho paura di fare tardi) — *Я должен идти, потому что меня ждут* (Devo proprio andare perché mi aspettano).

В *Мне скучно дома* и *Я скучаю дома* (Mi annoio a casa) тоже представлены разные ситуации: *Мне скучно дома, потому что я не могу жить без работы, без друзей* (Mi annoio a casa perché non posso vivere senza lavoro, senza amici), т. е. причина состояния во мне самом — *Я скучаю дома, потому что без работы, без друзей жизнь совсем пустая* (Mi annoio a casa perché senza lavoro, senza amici la vita è vuota) — причина состояния во внешних факторах.

Остается только удивляться, как верно была «схвачена» Л. В. Щербой суть выделенной им категории слов: вряд ли можно найти более точное именование данной категории.

Как видно из примеров, в соответствующих итальянских предложениях представлен один и тот же тип субъекта и, соответственно, контекста. Таким образом, значения типа *мне надо* и *я должен* в итальянском языке часто остаются недифференцированными.

Наличие двух схем для выражения сходного содержания, естественно, сказывается на «ценности» каждой из них внутри системы русского синтаксиса и, естественно, создает трудности для носителей русского языка в межъязыковом плане при интерпретации и восприятии аналогичных форм итальянского языка. Меня несколько удивляло, когда хозяин квартиры, в которой я жил в Риме, задавал мне бытовые вопросы вроде (например, когда я входил на кухню или брал пылесос): *Devi cucinare?*, *Devi preparare un tè?*, *Oggi devi pulire la tua stanza?* (Ты должен готовить?, Ты должен приготовить чай?, Сегодня ты должен убирать комнату?), которые я воспринимал как выражающие некоторую обязанность, навязанную извне, в то время как из ситуации было видно, что действия, которые я собираюсь совершить, обусловлены моей внутренней потребностью, но не долгом по отношению к кому-то. Неправильное восприятие вопроса обусловлено не только несовпадением семантики русских и итальянских номинативных модальных высказываний с *должен* и *dovere*: последние, в частности, могут обозначать как внутреннюю необходимость, так и долженствование, обусловленное внешними факторами (*Devo lavorare per mantenere la famiglia* «Я должен работать, чтобы содержать семью»), но и тем обстоятельством, что в русской и итальянской языковых картинах мира различная дистрибуция модальных значений.

Так, для меня было бы более естественным услышать в описанной выше стандартной ситуации следующие вопросы: *Hai bisogno di cucinare?*, *Hai bisogno di preparare un tè?*, ориентированные на внутреннюю потребность, но менее употребительные в подобных ситуациях. В русском языке этим вопросам соответствуют «Тебе *нужно* (*надо*) готовить?, Тебе нужно приготовить чай?». Но еще более естественными для меня (и для русских в целом) в этой ситуации было услышать глагол *volere* «*хотеть*»: *Vuoi cucinare?* «*Хочешь* приготовить обед?», *Vuoi preparare un*

tè? «*Хочешь* приготовить чай?», *Хочешь* прибрать в комнате? «*Vuoi pulire la stanza?*». Иначе говоря, сферы должествования и волеизъявления в двух языках не совпадают, при этом сфера должествования в итальянском языке бывает востребована в русских ситуациях волеизъявления.

Иной взгляд на слова категории состояния излагает А. Вежбицкая. Сравнивая противопоставление в русском языке двух рядов высказываний — с дативом и номинативом, то есть, с одной стороны, *Ему было завидно* (*мучительно, скучно, стыдно, грустно, жалко*) и, с другой, *Он завидовал* (*мучился, скучал, стыдился, грустил, жалел*), она приходит к выводу, что «дативная (наречная) схема говорит о том, что данное чувство не находится под контролем экспериенцера». В то время как «активная глагольная схема... предполагает, что причиной появления у данного лица некоторого чувства является напряженное обдумывание им каких-то мыслей в течение определенного отрезка времени (Слава Богу, хоть так. — Ю.Р.)» [Вежбицкая 1996: 45]. Отметим, что не все члены приведенных рядов образуют полноценные коррелирующие пары. Так, высказывания *Ему было мучительно* и *Он мучился* вряд ли можно признать соотносительными, поскольку первое из них воспринимается как незаконченное, нуждающееся в продолжении (*Ему было мучительно трудно, Ему было мучительно даже думать об этом*).

А. Вежбицкая, справедливо указывая на семантическую неэквивалентность соотносительных построений с номинативом и дативом, дает им, на наш взгляд, неверную интерпретацию, навязанную идеей «неконтролируемости» события со стороны «дативного» субъекта. Так, по мнению А. Вежбицкой, «фраза *Можно ли мне?*, видимо, выражает просьбу разрешить нечто, а соответствующий ей номинативный вариант *Могу ли я?* является скорее риторическим вопросом о способности, вопросом, который субъект задает сам себе, что-то вроде ‘смогу ли я?’» [Вежбицкая 1996: 57]. Соответственно, в примерах с дативом (*Можно ли мне вас поцеловать, Софья Николаевна?* (Леонов), *Можно ли сесть возле вас, — спросил он наконец* (Тургенев)) видит внешние обстоятельства «или чью-то волю» [ibidю: 57–58].

Попытаемся еще раз провести границу между дативными и номинативными высказываниями. Оставим за скобками тот факт,

что оба вопроса (*Можно ли мне?, Могу ли я?*) могут быть риторическими, и обратимся к их семантике. Разница между двумя вопросами видится в том, что первый вопрос ориентирован на выявление общей возможности совершения действия, второй — на выявление возможных ограничений на его осуществление. Таким образом, в *Можно ли мне вас поцеловать?, Можно ли мне сесть возле вас?* спрашивающий исходит из собственных посылок и возможностей, в то время как в *Могу ли я вас поцеловать?, Могу ли я сесть возле вас?* ориентируется на внешние обстоятельства, имплицитно предполагающие возможное продолжение вопросов: *Или имеются какие-либо обстоятельства, не позволяющие это сделать (например, вы этого не хотите)?* Наши выводы, как видим, значительно отличаются от тех, что предлагает А. Вежицкая.

Это касается и выражения долженствования: «Номинативная конструкция *Я должен* выражает необходимость, признаваемую самим субъектом и внутренне им осознанную, тогда как фразы с дативом типа *Мне нужно, Мне надо, Мне необходимо* все выражают необходимость, навязанную субъекту извне» [Вежицкая 1996: 57].

Между тем анализ конкретных речевых манифестаций дативных схем подтверждает именно нашу точку зрения о их способности обозначать необходимость, не навязанную извне, а осознанную субъектом. Ю. Н. Караулов блестяще показал на примере анализа рассказа В. Маканина «Человек свиты», что совокупность безличных (бесподлежащих) предложений, используемых в этом рассказе, можно разбить на две группы. Во-первых, это те, которые обозначают действие «неких неназываемых, неопределенных» [Караулов 1992: 107] внешних сил (хотя и вполне угадываемых, но не обозначенных в духе стилистики политического дискурса советской эпохи) — они представлены предложениями с неопределенно-личной формой глаголов, являющихся «ключевыми по своей семантике словами и для понимания читателем основной движущей пружины сюжета, и для осмысления самими героями хода развития событий» [там же: 107].

Вот примеры, иллюстрирующие это положение:

Есть лучшие способы, чтобы сообщать, что с тобой *не водятся* и что тебя *разлюбили; найдут, откопают* в каком-нибудь отделе говорю-

на или говорунью; его *не зовут*, ему *не звонят*; Митю заменили, нашли замену; в поездку... *посылают* ее, Вику, и еще одного малого, ей неизвестного; с момента как Родионцева «отставили», жена уже не ждет от телефона ничего хорошего; Родионцева попросту *выкинули*, *выбросили* на лестничную клетку, как *выбрасывают* ненужный старый шкаф или старую перчатку; в силу чего его теперь *оттесняют*; меня *не убили*, *не обобрали*, меня *обидели* — мне *подставили* зеркало, которое я вовсе не просил; у него просто *отняли* эту лукавую должностишку; меня *любили*, а теперь *не любят* [Караулов 1992: 107].

Вторую, противопоставленную рассмотренной выше группу, составляют предложения, обозначающие «модальность необходимости для героев активных действий, направленных на изменение ситуации» [там же], заряженные «задачей поиска возможностей и необходимости ее разрешения» [там же: 108], то есть, это предложения, выражающие внутренний императив, «*пропущенный* через сознание субъекта» (выражение А. Вежбицкой, относящееся к номинативным конструкциям) план действий. Такие предложения представлены именно конструкциями со словами категории состояния и другими построениями с дативом. При этом они «градуируются по степени выражения необходимости от «можно» и «лучше было бы» до «нужно» и «надо»» [там же]; дативный субъект не всегда эксплицирован, но всегда восстанавливается из контекста и соотносится с конкретным лицом:

Неплохо бы угадать — угадать и исправить; в темноте угадать *трудно*; в некоторые вопросы обоих разом *лучше было бы* не вмешивать; *тут бы ему*, конечно; и остановиться; ни об Аглае Андреевне, ни даже о самом себе думать *необязательно*; *придется* мириться с тем, что есть; человека *надо* слушать; *ей* же теперь *надо* отдаляться; *надо же* бороться за место под солнцем; именно теперь *Родионцеву* *нужно* выпить, и он выпьет, деться *ему* *некуда*; *нам* *надо* быть начеку; *надо же* знать, в чем он состоит, промах; *надо* срочно исправлять промах [там же].

Субъект состояния в рамках концепта «пациентивный субъект и его состояние» реализуется также в построениях с глаголами *везет*, *приходится*, *полагается*, *предстоит*, *доводится*, *хочется*, *вздумалось*, *требуется*, *не терпится*, *не верится*, *не сидится*, *нездоровится*, *не спится*, *не работается*, *хочется*, *не хо-*

чется и в инфинитивных конструкциях типа *мне работать* (*мне надо, предстоит работать*):

Мне приходится работать по ночам. *Mi capita di lavorare di notte*;
Тебе хочется домой. *Hai voglia di andare a casa*;
Ему вздумалось уехать в деревню. *Gli è saltato in testa di andare in campagna*;

Нам не терпится увидеть тебя. *Siamo impazienti di vederti*;

Ей нездоровится. *È indisposta*;

Бабушке не хочется спать. *Alla nonna non va di dormire*;

Мне в последнее время не работается. *Ultimamente il lavoro non mi va bene*;

Вина не буду, *мне* работать. *Non prendo vino, devo lavorare*;

Вам бы здесь до осени пожить (Чехов). *Dovreste restar qui fino all'autunno*;

Дарьюшка, как бы *мне* пообедать (Чехов). *Dariuska, se potessi pranzare*.

Видно, что *ему* хочется сказать что-то очень важное (Чехов). *Si vede che vorrebbe dire qualcosa di molto importante...*

Из всех обитателей палаты № 6 только *ему одному* позволено выходить из флигеля (Чехов). *Di tutti gli abitanti del reparto N 6, unicamente a lui è concesso di uscir dal padiglione...*

И ему не хотелось домой (Чехов). *E non aveva voglia di andare a casa*.

Каждому полагается по одной кружке (Чехов). *A ciascuno è assegnato un boccale*.

Короткову повезло (Булгаков). *Korotkov ebbe fortuna*.

А доведись *ему* в России жить, так он те то что в декабре, а в мае запросился бы в комнату (Чехов). *Ma se gli fosse toccato di vivere in Russia, non solo in dicembre, ma anche in maggio avrebbe implorato una camera*.

Если в русском предложении подобный дативный субъект не выражен, то в итальянском он восстанавливается из контекста:

Мучительно хотелось есть (Чехов). *Egli aveva una voglia tormentosa di mangiare*.

Н. Ю. Шведова называла рассматриваемые дативные формы детерминирующим объектом (*Грубьянам* не место в футболе, *Артисту* удалось захватить зрителя своей игрой, *Сыну* испол-

нился год, *Ей* мало собственного дома, *Мне* больно, *Ему* хоть трава не расти), то есть синтаксической единицей, связанной «с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности (в широком смысле)» [Шведова 1964: 80]. Вольно или невольно, это определение в сочетании со словом *детерминирующий* больше подходит к определению субъекта, нежели объекта. В академической грамматике 1970 года Н. Ю. Шведова называла их объектно-субъектными детерминантами, наряду с другими синтаксемами, в частности, с предлогом *у* (*у меня*), определяя как «предмет, имеющий то или иное отношение к тому, о чем сообщается в предложении: воспринимающий субъект, носитель состояния, предмет общей характеристики, адресат и т. п.» [Грамматика совр. русск. лит. языка 1970: 629]. И в этом определении, иначе говоря, превалируют признаки субъекта, но не объектные свойства дативных синтаксем. Сопоставительный анализ показывает, что дативные формы в самом деле, как правило, соответствуют субъекту итальянских предложений.

Русскому субъекту состояния может соответствовать как субъект признака (представленный номинативом или инкорпорированный в глагольную форму), так и компонент, который весьма напоминает субъект состояния и который выражен либо косвенной формой местоимения (ударной или безударной), либо предложной синтаксемой. Г. Скитте приводит список глаголов, подчиняющих инфинитив при помощи предлога *de* или вариативно (предлог *de* / отсутствие предлога); большая часть этих форм способна подчинять и синтаксему со значением субъекта состояния:

Mi accade di, mi avviene di, mi capita di, mi succede (di), mi tocca (di) «мне случается»; *mi va di, mi viene di* «мне хочется»; *mi basta (di)* «мне достаточно», *mi bisogna, mi occorre (di)* «мне надо»; *mi conviene* «мне следует»; *mi duole (di), mi fa pena* «мне больно»; *mi fa rabbia (di)* «меня злит»; *mi giova (di)* «мне полезно»; *mi importa (di), mi interessa (di), mi preme (di)* «мне важно»; *mi secca (di)* «меня раздражает»; *vale la pena (di)* «стоит» [Skytte 1983: 276].

Mi capita di venire qua. Мне случается бывать здесь;

Mi fa pena ricordarlo. Мне больно вспоминать об этом;

Ti giova camminare. Тебе полезно ходить пешком;

Le veniva di non lasciar cadere la conversazione, anche se non parlavano di niente (Calvino). Ей не хотелось прекращать разговор, хотя и разговаривать было не о чем.

Mi capitò visitare, a Napoli, una mostra tattile (De Crescenzo). Мне довелось посетить в Неаполе выставку тактилистов.

Можно констатировать, что имеются достаточные основания для признания наличия субъекта состояния в итальянском языке, но при этом нужно сделать несколько оговорок. Во-первых, субъектная сущность косвенных форм проявляется ярче, если они выражены ударными формами местоимения или предложно-субстантивной синтаксемой (*alla nonna, a ciascuno* — см. выше); безударные же формы местоимения настолько слиты с глаголом, что противопоставление субъекта и предиката сглажено. Во-вторых, сфера проявления аналога субъекта состояния в итальянском языке весьма ограничена: он не появляется при инфинитиве, в конструкциях, обозначающих возраст (см. ниже); кроме того, в итальянском языке отсутствуют слова категории состояния, хотя рефлексы такой категории имеются. Например, косвенная форма, соответствующая дательному падежу, может, например, появляться при словах *difficile, facile, possibile* (ее может заменять близкое по значению сочетание с предлогом *per*):

Mi sarà difficile persuaderlo (Per me sarà difficile persuaderlo). Мне будет трудно уговорить его.

Non ti sarà facile convincerlo (Per te non sarà facile convincerlo). Тебе будет нелегко убедить его.

Non mi è possibile uscire tutte le sere. Мне нельзя выходить каждый вечер.

Г. Скитт и Дж. Сальви называют дативные формы, соотносящиеся с инфинитивом, «контролерами» субъекта инфинитива [Skytte, Salvi 1991: 484], по сути признавая за ними субъектные свойства.

Наконец, самое главное отличие от русского языка заключается в том, что с формами датива (в широком смысле) в итальянском языке ассоциируется в первую очередь объектно-адресатная семантика, субъектная же семантика не получила достаточного регулярного закрепления за этими формами. Тем не менее,

в целом можно признать, что категория субъекта состояния, несмотря на указанные ограничения и особенности ее проявления, существует в итальянском языке. То есть, представление той или иной ситуации в виде концепта «пациентивный субъект и его состояние» характерно и для итальянской языковой картины мира, но в несравнимо более ограниченном объеме по сравнению с русским языком.

Среди приведенных выше русских и итальянских предложений имеются и двусоставные, с формальным инфинитивным подлежащим, находящимся в реме высказывания и лишенным субъектного значения. Они были рассмотрены в данном разделе наряду с односоставными моделями исключительно в силу объединяющего их субъекта состояния, тем более что двусоставность таких предложений — не бесспорный факт (*Мне* приходилось работать по ночам. *Mi capitava lavorare di notte*). В начальной линейной позиции инфинитив восстанавливает свои права субъекта признака, и возникает ситуация, позволяющая толковать предложение как в русле концепта «ситуативный протагонист модальной (оценочной) ситуации», так и в русле концепта «субъект и его состояние», поскольку, с одной стороны, инфинитив «вместе со своими распространителями обозначает ситуацию, в то время как сказуемое выражает его оценку или квалификацию» [Белешапкова 1977: 790], а с другой стороны, датив явно указывает на источник действия. Тем не менее первая трактовка, на мой взгляд, предпочтительнее:

Работать *мне* приходилось только по ночам. *Lavorare, mi capitava solo di notte;*

Уезжать *им* надо было срочно. *Andarsene, era urgente per loro;*

Спешить *нам* не к чему. *Di affrettarci non c'è ragione.*

Подбегать *ему* было удобнее с хвоста слова «рыба», потому что при начале слова стоял милиционер (Булгаков). *Era più facile per lui incominciare dalla fine della parola, perché dall'altra parte c'era un poliziotto.*

Глагольным построениям с дативным субъектом А. Вежбицкая дает весьма своеобразную трактовку. Например, ситуация, рисуемая высказыванием *Мне чудесно писалось*, интерпретируется так: «Агенса чувствует, что предпринятая им деятельность протекает гладко (хорошо), но, сколь бы рад он этому не был, заслуги

его в этом нет, так как успех достигается не в результате затраченных им самим усилий, а скорее благодаря действию каких-то непостижимых сил» [Вежбицкая 1996: 68]. Во-первых, от чтения этого отрывка создается впечатление, что описывается случай, когда человек, не знающий букв, вдруг начал писать. Во-вторых, кто из творческих людей (любой национальности) не знает, что бывают периоды, *когда пишется* и *когда не пишется*. Что же касается фразы *Мне чудесно писалось*, то в ней ничего «непостижимого» нет: она представляет особое *состояние* человека, позволявшее успешно писать. Другое дело, что причину этого состояния на основе данного высказывания восстановить невозможно; оно может быть обусловлено как внутренними (например, выздоровление), так и внешними (погода, природа, окружение) факторами. На итальянский язык данную фразу можно перевести при помощи двусоставной конструкции с дативным дополнением, обозначающим лицо, в пользу которого совершается действие: *Mi andava benissimo il lavoro (il libro)*, хотя в принципе возможно использование построения, более близкого по структуре к исходному русскому: *Mi riusciva a meraviglia di scrivere*. Обе итальянские фразы, как и русская, представляют ситуацию, если пользоваться терминологией Вежбицкой, как «непостижимую» (работа — писание — идет как бы сама по себе), в то время как в действительности факт хорошей работы объясняется особым состоянием человека.

Состояние субъекта обозначают и следующие высказывания: *В последнее время мне не спится* «Ultimamente non mi va di dormire / Ultimamente non riesco ad addormentarmi» = В последнее время я в таком состоянии, не могу спать; *Мне здесь легко дышится* «Qua respiro proprio bene» = Я здесь в таком состоянии, что легко дышу. Переводы первой фразы передают различные оттенки семантики «пациентивный субъект и его состояние», в то время как перевод второй с равным правом может относиться и к предложению *Здесь я дышу легко*.

В духе ущербности трактуются и «непреднамеренные ментальные акты» с дативным субъектом — *Мне не верится*, *Мне хочется*: «Именно таким способом русские очень часто рассказывают о событиях своей ментальной жизни, подразумевая при

этом, что эти события просто «случаются» в их умах и что они не несут за них ответственности» [Вежбицкая 1996: 68–69], в то время как «номинативная форма представления обычно предлагает ответственность субъекта за свои ментальные действия, но действия эти не обязательно должны быть преднамеренными (я думаю / верю и т. д., потому что хочу) (sic! – Ю.Р.)» [ibid: 69].

Мне кажется, что различия между *Мне не верится*, *Мне хочется* и *Я не верю*, *Я хочу* те же самые, что и в некоторых случаях, рассмотренных выше: причина факта в дативных схемах — в субъекте состояния, в номинативных — внешняя. Сравним: *Мне не верится, что Иван придет / Я не верю, что Иван придет*. Данные предложения представляют разные ситуации. Пациентивный субъект первого находится в таком состоянии (например, радостного ожидания), что никак не может поверить, что Иван, наконец, придет; агентивный же субъект подвергает факт прихода сомнению, исходя из определенного набора известных ему фактов. Различия в переводе данных предложений могут либо 1) затрагивать лишь сферу наклонения глагола в придаточном предложении (сослагательное в первом и действительное во втором), либо 2) в целом менять лексическое наполнение первого (при этом в придаточных предложениях сохраняется противопоставление сослагательного и действительного наклонений). Таким образом, русское выражение (*мне*) *не верится* обладает еще и особой модальностью, связанной с миром эмоций человека, которая на межъязыковом уровне отражается на использовании наклонений. Ср.:

1) Non (ci) credo che Gianni arrivi / Non credo che Gianni arriverà;

2) Non riesco a immaginarmi che Gianni arrivi / Non credo che Gianni arriverà.

Разница в значении фраз *Мне хочется есть / Я хочу есть*, на наш взгляд состоит в том, что первая сосредоточена на обозначении состояния субъекта (Ср.: *После купания мне хочется есть* при «неуклюжести» фразы *После купания я хочу есть*), вторая же (*Я хочу есть*) ориентирована на внешние факторы и может быть использована в качестве косвенного речевого акта; мой сын, например, использует эту фразу в качестве императива вроде

Дайте мне что-нибудь поесть, Приготовьте что-нибудь поесть или *Давайте есть*. Дативное высказывание в качестве императивного (директивного) речевого акта использовать нельзя. Прагматика фраз *Мне хочется есть / Я хочу есть* по-итальянски передается агентивными фразами, но с различным лексическим наполнением: *No voglia di mangiare / No fame*. Впрочем, не все мои информанты эту разницу подтверждали.

Что касается устранения субъекта и, соответственно, «снятия ответственности» за его действия, то, в самом деле, в русском языке имеются модели, позволяющие придать процессам «безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет классическая безличность в русском языке... А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие, уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями» [Степанов 1997: 723–724]. К таким моделям относится *номинализация* (то есть замена личных форм глагола существительными на *-ание, -ение, -ация, -ие*), на которую обратил внимание П. Серио [Seriot 1985] и которая в советском политическом дискурсе «приобретает до крайности гипертрофированные масштабы и преломляется особым образом» [Степанов 1997: 723]. Вот образец такого дискурса (фрагмент из доклада Брежнева — цитируется по: [Степанов 1997: 723]):

«Главным источником роста производительности труда должно быть повышение технического уровня на основе развития и новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление и улучшение производственного кооперирования предприятий».

Эффект «исчезновения авторства» и «исчезновения ответственности» достигается в советском политическом дискурсе и при помощи сочинительных рядов типа «*партия, весь советский народ*», «*комсомольцы, вся советская молодежь*», в которых происходит выравнивание производителя и адресата сообщения. Ср., с одной стороны: «*я (= Генсек) = ЦК = вся партия = наша страна = мы*» и, с другой: «*делегаты съезда = все коммунисты = народ = все прогрессивное человечество = все люди = мы*» [Seriot 1985: 71; Степанов 1997: 724–725].

Таким образом, идеологический момент в использовании синтаксических конструкций действительно существует, но не там, где его обнаружила А. Вежибцкая.

2.7. Субъект возрастного признака

В рамках рассмотренного выше концепта в русском языке осуществляется и обозначение возраста, то есть возраст в нашем сознании — состояние, выражаемое по линии глагола *быть*; в то время как для итальянцев — объект обладания в рамках концепта «субъект и его признак»:

Мне двадцать лет. Но vent'anni.

Ей, Наде, было уже двадцать три года (Чехов) *Lei, Nadia, aveva già ventitrè anni.*

Было *ему* тридцать девять лет от роду (Шукшин). *Aveva trentanove anni.*

А вот моя дочь, *ей* шесть лет, а это мой сын, *ему* одиннадцать месяцев, и у него уже три зуба (Инбер).

Впрочем, в итальянском языке тоже возможно обозначение возраста по линии глагола *essere* «*быть*»: *Lei è sui trent'anni. Ей* за тридцать.

Помимо глагола *быть*, субъект возраста сочетается с глаголами *стукнуть, исполниться* (в форме 3-го лица ед. ч.); в итальянском языке ему соответствует субъект признака:

Ему исполнилось сорок лет. На compiuto quarant'anni.

Мне стукнет сорок четыре года (Федин). *Compirò quarantaquattro anni.*

2.8. Субъект небытия или отсутствия

Особый субъект — субъект небытия или отсутствия реализуется в построениях, обозначающих концепт «небытие или отсутствие субъекта» (ср. концепт «небытие объекта» в: [Волохина, Попова 1999: 158–168]). Субъект небытия или отсутствия выражается родительным падежом:

Здесь *ничего* нет. *Qui non c'è niente*;
Сегодня *никого* не будет. *Oggi non ci sarà nessuno*;
В доме нет *денег*. *In casa non ci sono soldi*;
Родителей нет. *I genitori non ci sono*.

А между тем *радости* не было (Чехов). *Ma intanto non provava gioia*.

И *защиты*, стало быть, нет никакой (Булгаков). *Che adesso è indifeso e a fior di pelle*.

Тут швейцар. А уж хуже этого *ничего* на свете нет (Булгаков). *Qui no: c'è un portiere. È quanto c'è di peggio al mondo*.

Денег не будет (Булгаков). *Niente soldi*.

Подобные русские предложения соотносятся с утвердительными предложениями (*Здесь что-то есть* «*Qui c'è qualcosa*», *Сегодня кто-нибудь будет* «*Oggi qualcuno ci sarà*», *В доме есть деньги* «*In casa ci sono soldi*», *Родители дома* «*I genitori ci sono*»), в которых реализуется концепт «наличие предмета» в рамках концепта «субъект и его признак». В соответствующих итальянских предложениях — отрицательных и утвердительных — мутации концепта и, *resp.*, субъекта не происходит: оба предложения реализуются в пределах одного концепта — «наличие субъекта», который является одним из вариантов концепта «субъект и его признак».

Несмотря на внешнее сходство с концептом «субъект и его отношение к собственности или наличию предмета» (*У меня ничего нет* «*Non ho niente*», *У меня нет денег* «*Non ho dei soldi*», *У меня родителей нет* «*Non ho i genitori*»), это разные конструкции, предполагающие различные отношения субъекта и предиката. Об этом, в частности, свидетельствуют переводы на итальянский язык: в переводах предложений с концептом «небытие или отсутствие субъекта» задействован глагол *essere* в составе конструкции *c'è, ci sono*, при переводе же предложений с концептом «наличие предмета» — глагол *avere*. Ср. в русском языке: *Родителей нет* (они отсутствуют, ушли) «*I genitori non ci sono*» — *У меня родителей нет* (я сирота) «*Non ho genitori*».

Помимо форм *не было, не будет и нет*, имеется еще около 300 единиц, при которых встречается субъект небытия или отсутствия. Приведем лишь некоторые из них: *не белеет, не бы-*

вает, не введено, не вводится, не ведется, не виднеется, не видно, не возбуждается, не доносится, не досталось, не достается, не задано, не задается, не замечается, не замечено, не нужно, не объявилось, не присутствовало, не наступило, не появилось, не произошло, не приходит, не существует, не чувствуется и др. (см. подробнее: [Падучева 1997а: 107–109]):

Свободных мест не бывает. *I posti liberi non ci sono mai;*

Никаких изменений не произошло. *Nessun cambiamento si è verificato;*

Сомнений не возникло. *Nessun dubbio è sorto;*

Новых клиентов не появилось вообще. *Nessun nuovo cliente è mai apparso;*

Хозяина в доме не чувствуется. *Il padrone non si fa sentire in casa;*

А загробной жизни не существует (Булгаков). *Tanto la vita ultraterrena non esiste.*

Субъект небытия или отсутствия наиболее отчетливо реализуется в составе темы, в реме же его субъектное начало значительно нейтрализуется, но полностью не утрачивается, о чем свидетельствуют, в частности, переводы русских предложений на итальянский язык:

Здесь не бывает *свободных мест*. *Qui non ci sono mai i posti liberi;*

Не произошло *никаких изменений*. *Non si sono verificati cambiamenti;*

Не возникло *сомнений*. *Non sono sorti dubbi;*

Вообще не появилось *новых клиентов*. *Non sono apparsi mai nuovi clienti;*

Не чувствуется в доме *хозяина*. *In casa non si sente il padrone.*

Можно отметить, что в целом в русском языке позиция субъекта в составе динамической структуры предложения гораздо чаще, чем в итальянском, влияет на его восприятие в пределах одной и той же синтаксической конструкции.

Построения, обозначающие концепт «небытие или отсутствие субъекта», коррелируют не только с утвердительными предложениями, принадлежащими концепту «субъект и его признак» (*Свободных мест* здесь не бывает / *Свободные места* здесь бывают), но и с отрицательными предложениями этого же концепта (*Свободные места* здесь не бывают).

У отрицательных предложений с генитивом и номинативом часто различное отношение к денотативной ситуации. Ср.:

Машин не видно (их нет вообще — субъект небытия) «*Le macchine non ci sono*» — Машины не видны (они есть, но не в пределах перцептивного пространства говорящего — субъект признака) «*Le macchine non si vedono*».

Мороза не чувствовалось / Мороз не чувствовался. Первая фраза входит в контекст: «На улице потеплело, мороза не чувствовалось (то есть его не было)»; вторая: «Дети были тепло одеты, мороз не чувствовался (но он был)» [Попова, Стернин 1999: 24]. Соответственно, перевод этих фраз должен быть: *Non faceva freddo / Il freddo non si sentiva*.

Данные примеры еще одно подтверждение тому, что за разными субъектами стоят разные синтаксические концепты и содержание, облекаемые, соответственно, в разные формальные структуры.

2.9. Субъект количественной характеристики

Выражение субъекта формой генитива не ограничивается субъектом небытия или отсутствия. В русской концептосфере родительный падеж представляет и субъект количества (концепт «субъект и его количественная характеристика»):

Нас трое «*Siamo in tre*», *Вас* немного «*Siete pochi*»;
Всех их здесь пять человек (Чехов). *In tutto qui sono cinque persone*;
Больных много, а *времени* мало (Чехов). *I malati sono molti e il tempo è poco*.

В соответствующих итальянских предложениях реализуется общий концепт «субъект и его признак».

В отдельных случаях возможно двойное толкование субъекта. Например, в «Разве ему мало *Охотного ряда* (Булгаков). *La famosa Ochotnyj rjad non gli basta più, adesso?*» субъект можно толковать как субъект количественной характеристики (так поступил переводчик) или как субъект состояния (*Non gli basta più la famosa Ochotnyj rjad?*). Второй вариант нам кажется более

точным, поскольку учитывает линейное расположение компонентов русского предложения.

2.10. Квазисубъекты

В русском языке имеются предложения, в состав которых входят два актантных компонента — в винительном и творительном падежах; при этом оба компонента могут трансформироваться в номинативную форму. Речь идет о построениях типа *Лодку унесло течением*. Такие предложения представляют собой расширенную схему предложения *Лодку унесло*, они «весьма частотны» [Белошапкина 1997: 736] и, на наш взгляд, передают несколько иную денотативную ситуацию, нежели трансформы *Лодка унесена течением* и *Лодку унесло течение* (см. ниже).

Как можно заметить, в пределах одного высказывания наблюдается два компонента, которые потенциально претендуют на роль субъекта не только в силу своей способности трансформироваться в номинатив, но и в силу своей линейной позиции в предложении. Подтверждение этому — перевод: в итальянских предложениях чаще всего именно начальный — тематичный — компонент представлен в виде подлежащего-субъекта. Наконец, за русским аккузативом, как было показано, тоже закреплена субъектная функция, например, в высказываниях, представляющих концепты «субъект и его имя» (*Меня зовут Иван*), «субъект и неконтролируемое воздействие» (*Меня знобит*), а также в полупредикативных построениях (*Я прошу тебя помочь мне*, см. ниже «Субъект полупредикативных конструкций»).

В рассматриваемых построениях реализуется концепт «взаимодействие двух квазисубъектов»

Рассмотрим примеры.

- 1) Крышу сорвало ветром. *Il tetto è stato tolto dal vento.*
- 2) *Меня ударило током.* *No preso la scossa.*
- 3) Корову убило молнией. *La mucca è stata colpita dal fulmine.*
- 4) Течением унесло лодку. *La corrente ha portato via la barca.*
- 5) *Прохожего* сбило машиной. *Il passante fu investito da una macchina.*

6) До костей (меня. — Ю.Р.) проело *кипяточком*. Я теперь вою, вою, да разве воем поможешь (Булгаков). *Quella maledetta acqua bollente m'ha pelato fino all'osso! Adesso urlo, ma a che mi serve urlare.*

7) Наклонив голову, бросилась барышня в атаку, прорвалась в ворота, и на улице начало *ее* вертеть, потом завинтило *снежным винтом*, и она пропала (Булгаков). *La dattilografa chinò la testa e sfidò la tormenta, uscendo dal portone; in strada il vento la ghermì, la fece girare come una trottola, poi la risucchiò in un turbinio sfavillante di neve.*

8) *Бревном* мне переломило ногу (Гайдар). *Una trave mi spezzò una gamba.*

Как видно из примеров, в итальянских предложениях представлены варианты концепта «субъект и его признак» и, соответственно, субъект действия (2, 4, 6, 7, 8) и субъект-протагонист (1, 3, 5).

В предложениях с двумя квазисубъектами речь, как правило, идет о взаимодействии предмета или человека с силами природы (1, 3, 4, 7) или с артефактами, в том числе управляемыми людьми (2, 5).

Рассмотрим различия между предложениями *Прохожего сбilo машиной* и *Прохожего сбila машина* «*Il passante è stato investito da una macchina*». В первом предложении внимание сфокусировано на *прохожем* и гипотетическим продолжением сообщения может быть: *Прохожего сбilo машиной. Он ранен (Его уже отвезли в больницу)* «*È stato ferito, È stato portato all'ospedale*». Второе предложение, напротив, предполагает иное продолжение, сконцентрированное на *машине*: *Прохожего сбila машина. Ее уже ищут (Водитель говорит, что он не виноват)* «*La polizia la sta cercando; Il conducente dice che la colpa non è stata sua*». Что касается предложения *Прохожий был сбit машиной*, то оно может появиться в газетной заметке, поскольку пассивная конструкция переносит сообщение из регистра обычного общения в контекст официальный: *Прохожий был сбit машиной, когда пытался перейти улицу на красный свет* «*Il passante è stato investito da una macchina mentre cercava di attraversare la strada col rosso*».

Итак, во-первых, разные субъекты (субъект действия, субъект-протагонист) по-разному связаны с контекстом в пределах построений с действительным залогом, во-вторых, субъекты одного типа (субъекты-протагонисты) по-разному относятся к кон-

тексту в предложениях с активным и пассивным залогом. В конечном счете, наличие в русском языке нескольких моделей для выражения, казалось бы, идентичного содержания, на самом деле дает возможность изображения более точной картины мира. То есть, «субъективной», «импрессионистической», «феноменологической» картины мира, которую в данном случае видит А. Вежицкая [1996: 73], здесь нет и в помине. Напротив, именно эти эпитеты можно отнести к интерпретациям А. Вежицкой.

Остановимся на трактовке квазисубъектных фраз, предлагаемой этим автором, подробнее. Во-первых, они рассматриваются в разделе, носящем название «Иррациональность» (подраздел «“Иррациональность” в синтаксисе»). В качестве иллюстрации иррациональности приводятся следующие примеры: *Его переехало трамваем, Его убило молнией*. Эти конструкции «предполагают, что мир в конечном счете являет собой сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы» [там же]. (Мне кажется, что мистический агностицизм А. Вежицкой в случае с трамваем и прохожим неуместен: причина происшествия всегда может быть с большей или меньшей степенью точности установлена.)

Между тем все грамматические формы в приведенных фразах ясны и прозрачны и выстраиваются в определенные ассоциативные ряды: *его*, с одной стороны, прямое дополнение при переходном глаголе, с другой, своеобразный субъект при глагольной форме 3-го лица ед. числа (*его тошнило, крутило, качало*); форма *трамваем* — с одной стороны, имеет инструментальное значение (*ударить камнем, молотком, палкой*), с другой, агентивное — в пассивных оборотах (*рабочими построен дом, журналистом обнаружены новые факты*). В чем же заключается иррациональность этих построений? В отсутствии подлежащего? Тот факт, что в этих предложениях нет подлежащего (при их потенциальной возможности трансформироваться в двусоставные конструкции), говорит лишь о гибкости русского синтаксиса и его способности по-разному представлять и дифференцировать ситуации, которые изображаются в других языках как одна недифференцированная ситуация — в силу ограниченных возможностей синтаксиса.

Приведем еще одну цитату: «Чтобы показать точнее значение описываемых конструкций, я бы предложила для них следующие толкования:

Ego убило молнией.

что-то случилось в том месте в то время
не потому, что кто-то хотел этого
(была вспышка молнии)
нельзя было сказать, почему
поэтому он был убит (он умер)» [там же: 75].

Судя по этому толкованию, в англосаксонском мире дело должно обстоять совсем не так, и молния находится под контролем индивида и появляется по его воле; поэтому индивид знает — благодаря подлежащей модели (He was killed by the lightning), почему он убит. Если же судить по итальянской прессе, молния настигает итальянцев так же, как и русских, «по неясным и непостижимым причинам», речь при этом идет именно о *жертвах молнии*, хотя при описании событий используются как агентивная, так и пассивная схемы. Ср. отрывок из газетного сообщения:

Vittima di un fulmine anche un'altra donna di 28 anni. Stava facendo un'escursione in montagna con degli amici sul Sas della Stria nel bellunese. È morta sul colpo. Poco distante, nel Trentino occidentale, un altro escursionista è stato colpito da un fulmine ed è gravissimo [Metro, 4.06.2001]. Еще одна *жертва молнии* — 28-летняя женщина. Она совершала с друзьями горную экскурсию в Сас делла Стриа в районе Беллуно. *Она погибла на месте.* Неподалеку, в западном Трентино, другой турист был поражен молнией и находится в очень тяжелом состоянии.

2.11. Субъект состояния природы или внешней среды

В особый класс можно объединить конструкции, выражающие когнитивный концепт «состояние природы или внешней среды». Это построения типа *nevica* «идет снег», *piove* «идет дождь», а также: *è presto* «рано», *è tardi* «поздно»; *fa freddo* «холодно», *fa caldo* «тепло», *fa bello (fa bel tempo)* «хорошая погода», *fa brutto (fa brutto tempo)* «плохая погода»; *si fa sera* «вечереет», *si fa notte* «темнеет»; *c'è nebbia* «туман», *c'è vento* «ветрено,

ветер». Под этим когнитивным концептом как в итальянском, так и в русском языке объединяются разнородные по формальному признаку структуры: «принципиально односоставные» — с глагольной формой третьего лица (*piove, nevica, темнеет, вечерет, светает*), наречные и номинативные построения, характерные для русского языка (*ветрено, дождливо, слякоть, туман*), двусоставные фразеологизированные структуры с инверсией главных членов (*идет дождь, si fa sera*), этимологически двусоставные фразеологизированные выражения, воспринимающиеся как безподлежащие: *fa brutto* «плохая погода», *fa bello* «хорошая погода», *Faceva freddo come sempre* (Pavese) «Как всегда, было холодно».

Тем не менее во всех подобных построениях «можно предположить субъект, который, не имея эксплицитного выражения, обладает некоторыми референциальными характеристиками. В самом деле, субъект инфинитивной конструкции, обозначающей дополнительную пропозицию, должен соотноситься с субъектом основной пропозиции, то есть инфинитивное выражение, обозначающее состояние природы, может иметь место только тогда, когда в главной пропозиции есть выражение с таким же субъектом: *Fa freddo senza nevicare* «Холодно, но снега нет» [Salvi 1988: 56].

Субъект состояния природы может быть инкорпорирован в глагольную форму (пахнет = запах пахнет, дует = ветер дует [Волохина, Попова 1999: 68; Алисова 1970: 97]). При переводе таких предложений могут быть использованы двусоставные конструкции:

Запахло зимой (Чехов). *Si sentì l'odore dell'inverno* (почувствовался запах зимы);

Идите и проповедуйте эту философию в Греции, где тепло и пахнет померанцем (Чехов). *Andate a predicare questa filosofia in Grecia, dove fa caldo e l'aria odora di arancio amaro* (воздух пахнет померанцем)...

На наш взгляд, в предложениях с инверсией главных членов (типа *идет дождь, идет снег, fa bello, si fa buio* и под.) подлежащее не выполняет субъектной функции, поскольку сам факт того

или иного состояния природы в таких предложениях предстает нерасчлененным (в том числе и с языковой точки зрения — в силу связанности лексического значения компонентов), поэтому субъект состояния природы или внешней среды в предложении остается невыраженным, как и в односоставных предложениях.

Что касается предложений с прямым порядком слов, то их можно отнести к реализациям концепта «субъект и его признак», это касается предложений с прямым порядком слов, в которых слова *снег*, *дождь*, *ветер* образуют тему высказывания и в результате приобретают характер деятеля, активной самостоятельной силы, то есть субъекта действия: *Снег* идет с утра «*Nevica sin dalla mattina*», *Дождь* идет непрерывно «*Piove incessantemente*», *Ветер* дует с необыкновенной силой «*Il vento soffia con una forza straordinaria*». (В итальянских предложениях субъект действия встречаем лишь в последнем предложении.) Субъектное значение присуще словам *снег*, *дождь*, *ветер*, находящимся и в постпозиции, но лишь в том случае, если они сопровождаются определениями:

Но когда *стемнело* в лесу, некстати *подул* с востока *холодный пронизывающий ветер*, все смолкло (Чехов). *Ma quando nel bosco si fece buio e in mal punto soffì da oriente un vento freddo e penetrante, tutto tacque.*

Признавая значительное сходство в представлении концепта «состояние природы и внешней среды» в двух языках, отметим и различия. Для итальянского языка типично обозначение различных состояний среды при помощи глагола *fare (farsi)* «делать (делаться)»: *Fa tempo piovoso, fa caldo, fa molto freddo; si fa buio, si fa notte.* Для русского языка отметим синонимию синтаксических конструкций в пределах этого концепта: Мороз, Морозно, Морозит «*Fa molto freddo*»; Туман, Туманно «*C'è nebbia*»; На улице дождь, На улице дождливо, На улице идет дождь, На улице дождит «*Fuori piove*».

3. СУБЪЕКТ ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Под полупредикативными конструкциями понимаются построения с пропозициональным содержанием, предикативность которых (модально-временная установка) осуществляется с опорой на предикат основной пропозиции. Что касается отношения к лицу, то полупредикативные конструкции могут быть двух типов — с собственным субъектом и с субъектом, совпадающим с субъектом основной пропозиции [Рылов 1985: 14–17]. Первые мы будем считать абсолютными, вторые — связанными. Полупредикативные конструкции образуются на основе неличных глагольных форм и аппозитивных структур [там же]. На наш взгляд, неправомерно относить к полупредикативным построениям лишь обособленные члены предложения, как это делают авторы академической грамматики 1970 года [Грамматика совр. русского лит. языка 1970: 643]. Полупредикативные отношения возникают в русском и итальянском языках и между необособленными словоформами, например косвенной формой имени (или местоимения) и объектным инфинитивом (см. ниже), а также между дополнением и инфинитивом в конструкции *Accusativus cum Infinitivo* (в итальянском языке). Подобные построения на системном и межъязыковом уровнях обычно коррелируют с «полными» предикативными структурами.

Субъект полупредикативных конструкций можно назвать вторичным или дополнительным субъектом. Рассмотрим дополнительные субъекты, не совпадающие с субъектом основной пропозиции, то есть абсолютные субъекты. Прежде всего, они имеют место в так называемых абсолютных конструкциях, в которых неличная глагольная форма — инфинитив, герундий, причастие — сочетается с собственным субъектом в форме номинатива. Это *собственно абсолютные конструкции*. Их следует отличать от *несобственно абсолютных конструкций*, субъект которых может быть представлен косвенными формами или нулем (в таком случае он является неопределенным, генерализованным).

Собственно абсолютные инфинитивные конструкции (*frasi infinitive con soggetto in caso nominativo* «инфинитивные фразы с субъектом в именительном падеже») в итальянском языке ме-

нее распространены по сравнению с испанским языком. Чаще всего они встречаются при глаголах, выражающих мнение [Skytte, Salvi 1991: 485–486], а также при выражении предложным инфинитивом обстоятельственных или условных значений. Отметим, что абсолютные инфинитивные конструкции — принадлежность преимущественно письменного языка. Последовательность сочетания дополнительных субъекта и предиката — строго фиксированная: субъект следует за предикатом. Ср.:

Ritengo *esser Piero* uno dei nostri più validi sostenitori. Считаю, что *Пьеро* один из наших наиболее ценных сторонников.

Ci metto di più *a scaldarmi io* che a scaldare la macchina, al mattino (Calvino). Утром уходит больше времени, чтобы *разогрелся я сам*, чем чтобы разогреть машину.

Особенность субъекта итальянских абсолютных конструкций в том, что он может совпадать с основным субъектом:

Credo *esser io* uno dei loro più validi sostenitori. Думаю, что *я* один из их наиболее ценных сторонников.

Как указывалось, чаще всего абсолютная инфинитивная конструкция реализуется при глаголах мнения и говорения *affermare, aggiungere, assumere, confermare, dichiarare, dire, immaginare, intendere, pensare, ribadire, sapere, scoprire, sottolineare, spiegare*:

Ha aggiunto *esser Dante* il suo poeta preferito. Он добавил, что *Данте* его любимый поэт.

Confermo *esser Franco* il migliore studente. Подтверждаю, что *Франко* лучший студент.

Affermava infatti *esser la famiglia...* la maledizione dell'uomo (Morante). Утверждал, что именно *семья...* является проклятием человека.

В русском языке нет собственно абсолютных оборотов, поэтому эти конструкции переводятся на русский язык придаточными предложениями.

Среди несобственно абсолютных построений с инфинитивом особое место занимают конструкции Accusativus cum Infinitivo (тоже не представленные в русском языке), в которых инфинитив сочетается с аккузативным субъектом; всё построение может иметь место при глаголах восприятия — *vedere, sentire, guardare, ascoltare*:

Vedo *i bambini giocare* nel giardino. Вижу, как *дети играют* в саду.

No sentito i miei genitori piangere. Я слышал, как мои родители плакали.

Li ho sentiti piangere. Я слышал, как они плакали.

Pinocchio ... si avvicinò e sentì *pioversi addosso un'enorme catinellata d'acqua...* (Collodi) И тут на него *обрушился поток воды...*

Difatti vide *apparire sulla strada*, indovinate chi?... *La Volpe e il Gatto...* (Collodi) И действительно, он увидел, что *кто-то вышел на дорогу*. Угадайте, кто? *Лиса и Кот...*

Аккузативный субъект инфинитива может быть формально не выражен; в таких случаях в семантическом плане он воспринимается как неопределенный:

Ma non aveva ancora fatto il primo passo, che sentì *agguantarsi per le braccia...* (Collodi) Но, сделав один шаг, почувствовал, *что его схватили...*

Ma non potè finir la parola, perchè sentì *afferrarsi per il collo...* (Collodi) Однако он не смог договорить, так как *был схвачен за шиворот...*

Предложения с рассматриваемой конструкцией тоже имеют жесткую структуру: инфинитив следует непосредственно за существительным либо за глаголом восприятия; в последнем случае с косвенной формой местоимения согласуется причастие сложного сказуемого. На русский язык построение Accusativus cum Infinitivo переводятся в основном как придаточные предложения с союзом *как*, сочетающимся «преимущественно со словами, называющими восприятие, ощущение» [Белошапкина 1970: 704], таким образом, своеобразие конструкции Accusativus cum Infinitivo находит соответствие и в русском языке, но на уровне предикативном. Ср. перевод приводимых В. А. Белошапкиной фраз на итальянский язык:

Мать не заметила, *как сын ушел*. La madre non vide (non notò) *suo figlio andare via*.

Было видно, как человек пробежал по аллее. Si vide l'uomo correre per il viale.

При переводе с итальянского языка предложений с Accusativus cum Infinitivo возможно использование не только придаточных предложений с *как*, но и других предикативных построений с глаголом в личной форме (см. выше).

Дополнительный несобственно абсолютный субъект реализуется в обоих языках при так называемом объектном инфинитиве, зависящем от глагола волеизъявления, воленарявленного или конкретного адресованного действия, интеллектуального общения и некоторых других глаголов [Шведова 1970: 513–514], которые можно в целом определить как каузативные, то есть вызывающие дополнительное действие другого субъекта в пределах этой же предикативной структуры [Buccioni 1994: 205]:

Врач велел (сказал, посоветовал) *пациенту принимать* лекарство. Il medico ha ordinato (ha detto, ha consigliato) *al paziente di prendere la medicina.*

Pietro comandò (ordinò) a *Maria di andarsene*. Петр приказал (велел) *Марии уйти*.

Я попросил (заставил) *его прийти*. Gli ho chiesto (l'ho costretto a) *di venire*.

Как в русском, так и в итальянском языке конструкции данного типа трансформируются в придаточные предложения цели:

Врач велел (сказал, посоветовал) пациенту, чтобы *он принимал* лекарство.

Il medico ha ordinato (ha detto, ha consigliato) che il paziente *prendesse* la medicina.

Глаголы адресованного действия и интеллектуального общения в их прямом значении подобных трансформаций обычно не допускают:

Я помог *сыну сделать* уроки. Ho aiutato mio figlio a fare i compiti.

Я научил *соседа играть* в теннис. Ho insegnato *al vicino a giocare* a tennis.

*Я помог сыну, чтобы он сделал уроки. *Ho aiutato mio figlio affinché facesse i compiti.

Дополнительный субъект при объектном инфинитиве (такой инфинитив в итальянском языке сочетается с предлогами) может быть выражен, как видно из примеров, дативом и аккузативом. При этом русскому дативу может соответствовать прямой объект в итальянском (помогать — aiutare), а аккузативу — косвенный (научить — insegnare).

Основной же субъект может быть неопределенным и формально не обозначенным:

Gli fu ordinato di andarsene. Ему было приказано уйти.
(Io) fui pregato di andarmene. Меня попросили уйти.

Наконец, абсолютный субъект дополнительной предикации, будучи формально не обозначенным, может быть генерализованным или неопределенным:

Aveva capito che quel signore era uno con la retorica del nottambulo e che a non riconoscerlo a primo acchito, lo si faceva restar male (Calvino). Она поняла, что это был господин с привычками полуночника, и если не поймешь это сразу же, он обидится.

Ma al telefono si prende solo l'appuntamento per poi venire in ufficio (Metro 25.V.2001). Но по телефону только назначается время, чтобы потом прийти в отделение.

La canzone serve molto bene a imparare i verbi (Calvino). Песня очень полезна, чтобы заучивать глаголы.

Vuole essere mandato in vacanza. Хочет, чтобы его отправили в отпуск;

Dice di esser stato mandato in vacanza. Говорит, что его отправили в отпуск.

Gli farò telefonare (= Farò in modo che gli telefonino). Я сделаю (устрою) так, чтобы ему позвонили.

Предложный инфинитив, присоединяясь к существительному, может означать его квалификативную характеристику и в то же время быть предикатом неопределенного субъекта:

È un'occasione da non perdere. Это случай, который нельзя упустить.

Nei corridoi dell'ufficio sono stipati 150 sacchi di posta ancora da aprire (Metro 25.V.2001). В коридорах почтового отделения скопилось 150 мешков с почтой, которые надо вскрыть.

В русском языке абсолютным оборотам обычно соответствуют придаточные предложения, хотя возможно представление их содержания в виде предложных синтаксем:

L'inchiesta continua e, a sentire gli inquirenti, sta continuando bene (Metro 25.V.2001). Расследование продолжается и, по словам следователей, неплохо.

Non si tratta solo *di proteggere* la natura (ibidem). Речь не идет только о *защите* природы.

Разные субъекты — абсолютный (1a, 2a) и связанный (1b, 2b) — представлены во внешне сходных конструкциях с одними и теми же глаголами в основной пропозиции:

1a) Dissi a *Piero di andarsene*. Я сказал (попросил) *Пьеро уйти*.

1b) Dissi a Piero *di essermene andato*. Я сказал Пьеро, что *я ушел*.

2a) Persuasi Piero *ad andarsene*. Я убедил Пьеро уйти.

2b) Persuasi Piero *di essermene andato*. Я убедил Пьеро, что *я ушел*.

В целом же итальянским предложным инфинитивным конструкциям с собственным субъектом очень часто соответствуют придаточные предложения:

Ti voglio premiare per essere stato bravo. Я хочу наградить тебя за то, что *ты правильно вел себя*.

(Io) speravo *di essere stato promosso*. Я ожидал, что меня продвинут.

(Lei) era sicura *di essere stata prescelta*. Она ожидала, что ее *выберут*.

Связанный субъект, то есть субъект дополнительной пропозиции, совпадающий с субъектом основной пропозиции, может соотноситься с инфинитивным полупредикатом:

Maria sembra amare Pietro. Мария, кажется, любит Петра (букв.: *Мария имеет вид любить Петра).

Ho promesso a Piero di aiutare sua figlia. Я пообещал Пьеро помочь его дочери.

Ho minacciato Piero *di espellerlo* dal partito. Я пригрозил Пьеро исключить его из партии.

Pare, infatti, che durante la guerra del Peloponneso le ateniesi e le spartane si siano messe d'accordo e *abbiano minacciato* i rispettivi mariti *di non fare* più l'amore (De Crescenzo)... Действительно, во время пелопоннеской войны афинки и спартанки сговорились и *пригрозили* своим мужьям, что они больше *не будут делить* с ними ложе любви...

Gianni promise a Piero di andarsene (che lui — Gianni — se ne sarebbe andato). *Джанни* пообещал Пьеро *уйти* (Джанни пообещал Пьеро, что уйдет).

Riferii a Piero di essermi licenziato (che mi ero licenziato). Я сообщил Пьеро, что (я) *уволился*.

В итальянском языке больше конструкций со связанным инфинитивным субъектом, чем в русском. В частности, имеется целая группа глаголов сообщения (*riferire, raccontare, predire, dire, annunciare, indicare, informare, ecc.*), а также глаголы убеждения (*persuadere, convincere*). В русском языке построению на базе указанных глаголов со связанным субъектом соответствует придаточное дополнительное предложение:

Solo uno su quattro degli intervistati sostiene di avere un salvavita (Metro 25.V.2001). Лишь каждый четвертый из опрошенных подтверждает, что *у него имеются* жизнеспасающие устройства.

Gianni ha raccontato di aver trovato lavoro. Джанни рассказал, что *нашел* работу.

Persuasi Piero di essermi stancato. Я убедил Пьеро, что *я устал*.

Своеобразна связанная конструкция на основе глагола *essere*, очень частотная в языке прессы:

A raccontare l'episodio è il padre di uno dei ragazzini (Metro 25.V.2001)... Об этом эпизоде *рассказал отец* одного из ребят...

A raccontare la fortunata vicenda dello scommettitore è stato il Sun (ibid.). Об этом счастливом случае с игроком *рассказала газета Сан*.

Обычно субъект связанной пропозиции имеет то же значение, что и субъект основной пропозиции (чаще всего субъект действия), но возможно и совмещение разных значений субъекта. Так, в (1) субъект наличия (*quattro persone*) основной пропозиции является одновременно субъектом действия дополнительной; в (2) субъект действия (*io*) выполняет также функцию протагониста; напротив, в (4) протагонист основной пропозиции совмещает роль субъекта действия дополнительной пропозиции; в (3) субъект (*io*) – субъект действия и субъект квалификации.

1) È vero che *a smaltirli ci sono solo quattro persone* (Metro 25.V.2001)? Правда, что для того, чтобы *разобрать* их (мешки с почтой. – Ю.Р.) *имеется* всего четыре человека?

2) Informai Piero di non essere tra i prescelti (che non ero...). Я проинформировал Пьеро, что меня не выбрали (что я не выбран).

3) *Ho convinto Piero di non esser colpevole*. Я убедил Пьеро, что *я не виновен*.

Связанная конструкция с субъектом действия, «накладывающимся» на субъект-протагонист, может как бы подводить итог, комментировать содержание основной пропозиции:

4) I rapinatori sono stati arrestati così *da guadagnarsi* la prima pagina del quotidiano (Metro 25.V.2001). Грабители были задержаны и в результате *заслужили*, чтобы попасть на первую страницу газеты.

В пределах одного предложения могут сочетаться несколько инфинитивных оборотов, которым, как правило, соответствуют полные предикативные построения:

A sentirsi chiamar Polendina, compar Geppetto diventò rosso come un piperone dalla bizza (Collodi)... Когда *дядюшка Джеппетто услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой*, он от гнева побагровел, как перец...

A lasciarli dire, tutti si metterebbero in capo *di essere* i nostri babbi e i nostri maestri (Collodi)... *Дай только волю*, каждый обязательно полезет к тебе в друзья и в наставники (точнее: все будут утверждать, что *они наши отцы или наставники*)...

Рассмотрим субъект герундиальных оборотов. Герундиальные собственно абсолютные обороты не менее распространены, чем инфинитивные, хотя и они принадлежат книжному языку (*stile alto*), как и инфинитивные обороты; отметим также, что у герундиальных абсолютных конструкций нет ограничений на сочетаемость с глаголом основной пропозиции ([Lonzi 1991: 572–573; некоторые из приводимых ниже примеров взяты из этой работы]). Внутри построения жесткий порядок слов: субъектная синтаксема следует за герундием или герундиальной частью его сложной (перфектной) формы. И еще одно отличие от инфинитивных оборотов: герундиальные структуры просодически обособлены:

Spingendola Giovanni, la macchina forse ripartirebbe. *Если бы машину толкнул Джованни*, она бы завелась.

Pur avendomi tu aiutato, non sono andata lontano. *Хоть ты мне и помог*, я далеко не продвинулась.

Avendogli Giovanni dato una mano, Paolo è riuscito a far ripartire la macchina. Поскольку *помог Джованни*, Паоло удалось завести машину.

Обособления герундия не происходит, если он находится в конце предложения и соотносится с собственным субъектом — предложной синтаксемой пассивной конструкции:

La macchina è stata fatta ripartire *da Paolo spingendola*. Машина завелась, когда *Паоло ее толкнул*.

La decisione era stata presa *da Paolo viaggiando* negli Stati Uniti. Решение было принято Паоло, когда *он был в поездке* в Соединенные Штаты.

Ma ti restano pochi minuti di vita *avendo tu ricusato di bere la medicina* (Collodi)... Но ты будешь мертв через несколько минут, *потому что не хочешь выпить лекарство...*

Субъект абсолютной конструкции в косвенной форме местоимения — вернее указатель на субъект, «контролер» — дистантен по отношению к герундию:

Mi è successo sciando. Это со мной произошло, когда *я катался* на лыжах.

Rileggendola, la tua frase *mi è dispiaciuta*. Когда *я снова прочитал* твою фразу, она мне не понравилась (*Перечитывая твою фразу, она мне не понравилась).

В других случаях герундий соотносится с основным субъектом, образуя связанную конструкцию:

Abbiamo incontrato Paolo uscendo. *Выходя*, мы встретили Паоло.

Своеобразие герундиальных построений, например с уступительным союзом *pur*, в том, что они могут быть как абсолютными (1), так и связанными (2) — в зависимости от окружения:

1) *Pur essendo colpevole*, l'hanno liberato. *Хотя он был виновен* (несмотря на его вину), его освободили.

2) *Hanno fiducia nel futuro, pur essendo fatalisti* (Metro 25.V.2001). Они верят в будущее, *даже будучи фаталистами*.

Значения абсолютных герундиальных оборотов разнообразны — условное, уступительное, причинное и очень часто временное.

Субъект связанных герундиальных и деепричастных оборотов совпадает с субъектом основной пропозиции:

Poi, crescendo, ho capito che la petite différence non era solo quella (De Crescenzo). Потом, *подрастая*, я понял, что маленькая разница не только в этом.

В русском языке деепричастные обороты могут быть только связанными:

1) Дома у себя читал он всегда *лежа* (Чехов). A casa sua leggeva sempre *stando disteso*.

2) До рассвета простоял он среди комнаты, *не шевелясь и присушиваясь* (Чехов). Fino all'alba stette in piedi in mezzo alla stanza, *senza muoversi e tendendo l'orecchio*.

3) Он с полгода ходил без места, *питаясь только хлебом и водой* (Чехов). Per sei mesi egli rimase senza posto, *cibandosi solo di pane e acqua*.

Русские деепричастные обороты переводятся на итальянский язык связанными герундиальными оборотами, реже инфинитивными (3) — при переводе деепричастия с отрицанием. Ср.:

Он говорит, *не думая*. Parla *senza pensare*.

Он ушел, *не поев*. Se n'è andato senza aver mangiato.

Э. Я. Кушкина [1993: 74] отмечает также возможность перевода русских деепричастий личными формами глагола: «Случаи передачи русского деепричастия НСВ (несовершенного вида. — Ю.Р.) итальянскими финитными глаголами довольно часты»:

Мать, зорко *следя* за ним, видела, что смуглое лицо сына становится острее (Горький)... La madre lo *teneva d'occhio* e s'accorgeva che il volto bruno del figlio diventava sempre più magro.

Он принимал мячи, гортанно *подсчитывая* количество очков (Паустовский). Riceveva la palle, *contava* i punti con voce gutturale.

Рыбаки умолкали в его присутствии, *отходя* в сторону, как от замкнутого (Грин). I pescatori subito tacevano e *si scansavano* come al passaggio d'un appestato.

Финитной формой может переводиться и деепричастие совершенного вида [там же: 81]:

Поставив ковш на стол, она молча опустилась на колени перед образами (Горький). Poi, la *posò* sulla tavola e s'inginocchiò davanti alle sante immagini per pregare tacitamente.

12-летний сын Маннерса Хин, *заметив*, что отцовская лодка бьется под мостками о сваи, ломая борта, пошел и сказал об этом отцу (Грин). Kin, il figlio dodicenne di Manners, *s'era accorto* che la barca paterna rischiava di spezzarsi contro le palafitte sotto la passerella, e corse ad avvertire il padre.

Наконец, Э. Я. Кушкина отмечает своеобразную «мену ролей», когда русское деепричастие передается в переводе финитным глаголом, а финитный глагол — герундием [там же: 82]:

Жеребцов *шел, оглядываясь* по сторонам (Паустовский). *Caminando, Z'erebc'ov si guardava* intorno.

Созвездие Гончих Псов играло далеким светом за стеклами, и Мэро, *взглянув* на него, *подумал*, что Бриэк лежит как раз в той стороне (Паустовский). *Nel cielo lassù, la Costellazione dei Cani Cacciatori scintillava d'una luce lontana, e Méraux la guardò pensando che Bric si trovava proprio da quella parte.*

К сказанному можно добавить, что, по нашим наблюдениям, при переводе русских предложений с однородным сказуемым одна из личных форм часто преобразуется в герундий, что показывает возможность изоморфизма на межъязыковом уровне первичной и вторичной предикации (подтверждаемая также переводом итальянских полупредикативных конструкций на русский язык при помощи придаточных предложений), а также тенденцию итальянского синтаксиса чередовать личные и неличные формы глагола (resp., полные и неполные предикаты). В таких случаях русскому субъекту множественного предиката (однородного глагольного сказуемого) соответствует субъект, совмещающий функции субъекта предиката и полупредиката:

Бывало, всё сидит в клубе, *нервно теребит бородку* и перелистывает журналы и книги (Чехов)... *Soleva sempre starsene seduto al circolo e, tormentandosi nervosamente la barbetta, sfogliare riviste e libri.*

Вечером он не зажигал у себя огня, а ночью не спал и *все думал о том*, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму (Чехов). *La sera in camera sua non accese il lume e la notte non dormì, pensando sempre che lo si potesse arrestare, mettere in catene e schiaffare in prigionie.*

Доктор, полный старик, с длинной седой бородой, долго осматривал преосвященного и *все покачивал головой и хмурился* (Чехов)... *Il dottore, un vecchio grasso, con una lunga barba canuta, esaminò a lungo il Reverendissimo, scotendo sempre il capo e aggrottando le ciglia.*

При переводе герундиальных построений с абсолютным временным значением с итальянского языка на русский, по данным Ю. А. Стуликовой [2000: 5, 10], чаще всего используется финитный глагол, а деепричастие — как дополнительный эквивалент.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что коммутация в межъязыковом плане неличной и личной форм глагола — при возможности сохранения при переводе исходной модели — свидетельствует о предикативной «силе» итальянского герундия и русского деепричастия, более отчетливой, нежели у других неличных форм.

Русское деепричастие не может иметь собственный субъект, то есть быть абсолютным. Ср. хрестоматийный пример неправильного использования деепричастного оборота в абсолютном значении:

*Подъезжая к городу, с меня слетела шляпа.

В итальянском же языке такая конструкция вполне обычна:

Avvicinandomi alla città, se ne volò via il cappello.

Если субъект основной пропозиции генерализованный или неопределенный, то такой же субъект должен быть и у русского деепричастного полупредиката; для итальянского герундия это не обязательно:

Tолько постоянно практикуясь, можно хорошо выучить язык. È solo facendo molta pratica che uno impara bene una lingua / È solo facendo molta pratica che si impara una lingua.

Герундиальные полупредикативные обороты могут подчинять инфинитивные, что усиливает синтаксическую компрессию и позволяет в пределах одного предложения обозначить несколько событий:

Non avendo noi da dargli nemmeno una lisca di pesce, che cosa ha fatto l'amico mio, che ha davvero un cuore di Cesare (Collodi)? А у нас, как назло, не было даже рыбной косточки для него (чтобы дать ему. — Ю.Р.). И что же сделал мой друг, в груди которого бьется поистине геройское сердце?

Ma ti restano pochi minuti di vita avendo tu ricusato di bere la medicina (Collodi)... Но ты будешь мертв через несколько минут, потому что не хочешь выпить лекарство...

Allora Pinocchio, figurandosi di aver coraggio, si avvicinò a pochi passi di distanza (Collodi)... Наконец Пиноккио расхрабрился (точнее: вообразив, что он храбрый), приблизился к Змее на несколько шагов...

Абсолютные конструкции с причастием прошедшего времени образуются на основе глаголов, чаще всего непереходных (но могут использоваться и переходные глаголы), содержащих сему завершенности действия [Bertuccelli Papi 1991: 593].

Finita la guerra, tornarono a casa. Когда война закончилась, они вернулись домой.

Arrivato Gianni, la festa riprese. Когда прибыл Джанни, вечеринка оживилась.

Probabilmente, *data la mia età*, temeva di non essere capito (De Crescenzo). Вероятно, *учитывая мой возраст*, он боялся быть непонятым.

E ripresa l'ascia in mano, tirò giù un solennissimo colpo sul pezzo di legno (Collodi). *И он опять взялся за топор* (точнее: *и снова взяв топор в руку*) и нанес превосходнейший удар по деревяшке.

Intanto, *posata da una parte l'ascia*, prese in mano la pialla (Collodi). *Отложив топор в сторону*, он взял рубанок.

E la sua meraviglia fu grandissima quando, *tirata fuori la lanterna di sotto il pastrano*, s'accorse che, invece di una faina, c'era rimasto preso un ragazzo (Collodi). Каково же было его изумление, когда он, *вынув из-под плаща фонарик*, увидел, что вместо куницы попался мальчик!

Абсолютные причастные конструкции с переходным глаголом в определенном смысле сближаются со связанными герундиальными, и при переводе таких предложений субъект причастного оборота выступает как объект деепричастия (см. четыре последних примера).

Абсолютные причастные конструкции — необходимый атрибут любого бюрократического текста, касающегося решения какой-либо организации, разрешения, запрещения и т. п. Например, документ, разрешавший мне работать в Италии (*Autorizzazione al lavoro*), начинался так (приводится в сокращенном виде):

Vista l'istanza presentata in data ... dalla Università degli Studi di Roma «La Sapienza»;

Visto l'impegno ad offrire un contratto di lavoro a tempo pieno, non ridicibile a part-time;

Visto l'impegno a non licenziare dipendenti con la stessa qualifica professionale;

Visto l'impegno a non cambiare mansioni nell'arco di due anni dalla data di autorizzazione;

SI AUTORIZZA

L'assunzione del cittadino extracomunitario... con la qualifica di...

(Принимая во внимание заявление, представленное Римским университетом «Ла Сапиенца»; принимая во внимание намерение предоставить контракт на условиях полной занятости, не сводимой к частичной; принимая во внимание намерение не увольнять служащих с аналогичной профессиональной квалификацией; принимая во внимание намерение не менять обязанности в течение двух лет, начиная с момента выдачи разрешения, РАЗРЕШАЕТСЯ прием гражданина... не являющегося гражданином Европейского Сообщества, в качестве...)

Одна и та же структура может интерпретироваться по-разному — как связанная (1) или абсолютная (2) причастная конструкция — в зависимости от того, в каком значении задействован глагол: переходном или непереходном. М. Бертуцчелли Папи приводит по этому поводу пример с «эргативным» глаголом *affondare* «топить, тонуть» [ibid.: 594]:

1) *Affondata la nave*, il sommergibile si allontanò in cerca di altri obiettivi. *Потопив корабль*, подводная лодка удалилась на поиск других объектов.

2) *Affondata la nave*, l'equipaggio si salvò a nuoto. Когда *корабль потонул*, экипаж спасся вплавь.

В абсолютных структурах могут использоваться и возвратные формы причастия — явление, характерное для бюрократического языка:

Dichiaratasi aperta l'udienza, si sono presentati gli imputati. Когда *слушание дела было объявлено открытым*, обвиняемые предстали перед судом.

Субъект абсолютного причастия может быть не представлен отдельным словом в пределах конструкции, но обозначен в окончании причастия (1) или в окончании и косвенной форме местоимения в составе основной пропозиции (2):

1) *Appena usciti*, si mise a piangere. Как только *они вышли*, она заплакала.

2) *Appena laureata*, le fu proposto un lavoro all'estero. Как только *она защитила диплом*, ей была предложена работа за границей.

С переходными глаголами обычно образуются связанные конструкции (1), хотя возможны и абсолютные (2):

1) *Conosciuta Maria, ricominciai a studiare. Познакомившись с Марией*, я снова стал учиться.

2) *Conosciuta Maria, la mia vita cambiò. Когда я познакомился с Марией*, моя жизнь изменилась.

В целом, интерпретация причастного оборота как связанного или абсолютного в итальянском языке зависит не от собственно формальных признаков конструкции, как например в испанском языке [Рылов 1985: 14–17] (хотя формальные признаки тоже имеются — постпозиция дополнительного субъекта по отношению к причастию и просодическое обособление), а от окружения и контекста:

Una volta scesa dal treno, Maria dimenticò tutto. Выйдя из поезда, Мария все забыла.

Una volta scesa dal treno, a Maria accadde una cosa strana. Как только Мария вышла из поезда, с ней произошла странная вещь.

Иногда, правда, контекст позволяет двойное толкование причастного оборота — как абсолютного, так и связанного:

E preso il bicchiere con tutt'e due le mani, lo vuotò in un fiato (Collodi). И он схватил обеими руками стакан и опорожнил его единым духом.

Собственно абсолютные причастные обороты выражают временные отношения и переводятся на русский язык придаточными времени, в то время как связанные — деепричастными оборотами (хотя, как видно из примеров, переводчики прибегают и к построениям с полной предикацией). Исключение составляют абсолютные причастные обороты в основном в образцах бюрократического языка с причастиями *visto, dato*, которые тоже переводятся деепричастными оборотами.

В русском языке собственно абсолютных причастных оборотов нет, но в предложении между косвенной формой имени и причастием возникают полупредикативные отношения с субъектом, не совпадающим с субъектом основной пропозиции; полупредикативная конструкция при этом может быть развернута в придаточное определительное предложение, в котором роль субъекта выполняет субститут имени союзное слово *который*:

Я подошел к столу, накрытому белой скатертью (который был накрыт белой скатертью). Mi avvicinai al tavolo ricoperto da una tovaglia bianca.

Все эти предметы помещались на маленьком мраморном столике, уютно присоединившемся к громадному резного дуба буфету, изрыгающему пучки стеклянного и серебрянного света (Булгаков). Tutto questo era sistemato su un tavolino di marmo, accostato in maniera invitante all'enorme buffet di quercia intagliata, sfavillante di cristalli e di argenteria.

Среди связанных построений с причастием прошедшего времени в итальянском языке отметим своеобразную конструкцию с союзом *se*, которая при переводе на русский язык «развертывается» в придаточное условное предложение с генерализованным субъектом (в то время как исходный итальянский полупредикат соотносится с субъектом-протагонистом):

Questo piatto, *se fatto in modo corretto*, è molto buono. Это блюдо, *если его правильно приготовить*, очень вкусное.

Ma, riassicurano gli esperti, *se riconosciuta, affrontata e curata* in età infantile, questa fastidiosa malattia può essere sconfitta definitivamente (Metro 25.V.2001). Но, утверждают эксперты, *если эту неприятную болезнь выявить, серьезно подойти к ней и лечить* в детском возрасте, ее можно окончательно победить.

Связанные конструкции с причастием настоящего времени — принадлежность бюрократического (1–2) или книжного языка (3); если субъектный компонент такой конструкции находится в позиции объекта, то возникает не собственно абсолютное построение со своим собственным субъектом (2):

1) Ogni *disposizione comportante* disagi per gli utenti deve essere abolita. Любое *распоряжение, приносящее* неудобства пользователям, должно быть отменено.

2) La legge prevede *le nuove norme concernenti* gli stranieri. Закон предусматривает новые *правила, касающиеся* иностранцев.

3) Il quadro *raffigurante il giudizio universale* è l'opera di un pittore sconosciuto. Картина, представляющая страшный суд, произведение неизвестного художника.

Как видно из приведенных выше примеров, итальянские связанные причастные конструкции переводятся на русский язык либо причастными, либо деепричастными связанными оборотами, реже придаточными предложениями. Ср. также:

Socrate è seduto al centro della cella, *attorniato da tutti i discepoli* che lo ascoltano in adorazione (De Crescenzo). Сократ сидит в центре камеры, *окруженный всеми учениками*, которые его с обожанием слушают.

Analizzatosi attentamente, Gianni riconobbe di aver sbagliato. *Проанализировав себя внимательно, Джанни* признал, что ошибался.

Appena laureato, andò all'estero a cercare lavoro. Как только *он закончил университет, он* уехал за границу искать работу.

E tiratisi di nuovo la piccola bara sulle spalle, uscirono di camera *bofonchiando e mormorando fra i denti* (Collodi). И они, *сердито ворча*, покинули комнату. (Буквально: *И снова водрузив на плечи маленький гроб*, они покинули комнату, *ворча и бормоча сквозь зубы*).

Имеются также случаи, когда причастие, входя в состав фразеологического сочетания, теряет глагольные признаки и, соответственно, способность выражать полупредикативные отношения, как в случае активного причастия настоящего времени *battente* в выражении *nave battente bandiera panamense* «корабль под панамским флагом» [Beninca, Cinque 1991: 608]:

È approdata una *nave battente bandiera statunitense*. Причалил корабль под американским флагом.

В то же время на основе прилагательных могут быть образованы обороты, подобные абсолютным причастным:

Se tutti i gatti ti somigliassero, *fortunati i topi* (Collodi)! Если бы все кошки были такие, как ты, *можно было бы позавидовать мышам!*

Что касается обособленных приложений, то их субъект либо связанный — совпадающий с субъектом основной пропозиции, либо несобственно абсолютный, выраженный именем в косвенной форме. В функционировании обособленных приложений в русском и итальянском языках много общего. Построения с обособленными приложениями могут быть преобразованы в отдельные предложения сочинительного ряда:

Ivan, mio друг детства, работает в университете (= Иван мой друг детства, он работает в университете). *Ivan, il mio amico d'infanzia*, lavora all'università.

Вчера я случайно встретил *Ивана, друга детства* (= Вчера я случайно встретил Ивана, он друг детства). *Ieri ho incontrato per caso Ivan, il mio amico d'infanzia*.

Доктор, *полный старик, с длинной седой бородой*, долго осматривал преосвященного и все покачивал головой и хмурился (Чехов)... *Il dottore, un vecchio grasso, con una lunga barba canuta, esaminò a lungo il Reverendissimo, scotendo sempre il capo e aggrottando le ciglia...*

Следующую ночь в кабинете профессора в зеленом полумраке сидели двое — *сам Филипп Филиппович и верный, привязанный к нему Борменталь* (Булгаков). La notte seguente, il professore e il suo fedele, affezionato Bormental' rimasero a lungo insieme nella penombra verde dello studio. (Перевод не точный, в нем не представлена полупредикативная конструкция; на наш взгляд, ее следует сохранить; более адекватным был бы следующий вариант: La notte seguente, nella penombra verde dello studio ci stavano *due persone: il medesimo Filipp Filippovic' e il suo fedele, affezionato Bormental'.*)

Лавки были уже заперты, и только у купца *Еракина, миллионера*, пробовали электрическое освещение (Чехов)... Le botteghe erano già chiuse e solo in casa del mercante *Jerakin, un milionario*, si stava provando l'illuminazione elettrica...

Его гормоны (гипофиза. — Ю.Р.) можно назвать важнейшими в организме — *гормонами облика* (Булгаков). *I suoi ormoni* possono essere definiti come i più importanti dell'organismo: *gli ormoni* della conformazione.

Я заботился совсем *о другом, об евгенике, об улучшении* человеческой породы (Булгаков). Io mi occupavo *di tutt'altro: di eugenetica, di come perfezionare* la specie umana.

Итак, для русской и итальянской языковой картины мира характерно представление фактов действительности в сжатом, компрессивном виде, то есть в виде полупредикативных построений. В целом можно констатировать, что в итальянском языке такие построения более частотны (об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что при переводе на итальянский язык русских однородных глагольных сказуемых часть из них передается герундием) и более разнообразны как в формальном, так и в семантическом плане. Сфера полупредикативности является более разработанной в итальянском синтаксисе; это одна из его семантико-синтаксических доминант. В частности, имеются собственно абсолютные конструкции — то есть конструкции с собственным номинативным субъектом — на основе инфинитива, герундия или причастия, а также конструкция Accusativus cum Infinitivo, не имеющие аналога в русском языке и переводимые на русский язык при помощи придаточных предложений.

Общим для итальянского и русского языков является наличие несобственно абсолютных конструкций с собственным субъектом в косвенной форме, возникающих либо на основе глаголов с определенной — каузативной — семантикой, то есть закрепленных за определенной моделью предложения, либо на основе синтаксической позиции субъекта (причастные обороты, обособленные приложения). Итальянским несобственно абсолютным построениям в русском языке соответствуют или аналогичные построения, или придаточные предложения.

Больше сходства между связанными конструкциями. Тем не менее среди связанных полупредикативных конструкций в итальянском языке имеются весьма своеобразные структуры (*il piatto se fatto in modo corretto*), переводимые придаточными предложениями. В ряде случаев трактовка одной и той же итальянской конструкции как несобственно абсолютной или связанной зависит от окружения, от субъекта основной пропозиции; соответственно, перевод этой конструкции на русский язык будет разным:

Avvicinandomi alla città, se ne volò via il cappello (абсолютная конструкция) / *Avvicinandomi alla città, ebbi un incidente* (связанная конструкция). *Когда я приближался к городу, с меня слетела шляпа* / *Приближаясь к городу, я попал в аварию.*

Scesa dal treno, le accadde una cosa strana (абсолютная конструкция) / *Scesa dal treno, prese un taxi* (связанная конструкция). *Когда она вышла из поезда, с ней произошла странная вещь* / *Выйдя из поезда, она взяла такси.*

Наконец, в пределах одной неличной глагольной конструкции, зависимой от глагола основной пропозиции, возможно сочетание двух конструкций — связанной и абсолютной, сжато представляющих сразу два события и, следовательно, действия разных субъектов:

A sentirsi chiamar Polendina per la terza volta, Geppetto perse il lume degli occhi e si avventò sul falegname (Collodi). *Когда Джеппетто в третий раз услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой, он потерял последние крохи разума, бросился на столяра...*

Geppetto vedendosi guardare da quei due occhi di legno, se n'ebbe quasi per male (Collodi)... Уловив пристальный взгляд деревянных глаз

(точнее: Видя, что его рассматривают деревянные глаза), Джеппетто почувствовал себя не в своей тарелке...

Способность субъекта подобных конструкций выступать то в качестве абсолютного, то связанного, а также наличие разнообразного арсенала полупредикативных построений, порой сочетающихся друг с другом, обеспечивают гибкость и выразительность итальянского синтаксиса, заключающуюся в возможности обозначать в пределах одного высказывания взаимоотношения различных субъектов и предикатов. Таким образом, синтаксическая компрессия является одной из семантических доминант итальянского языка. Отметим также яркую стилистическую окраску ряда полупредикативных конструкций, особенно собственно абсолютных, часто используемых в бюрократическом языке.

4. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Прежде всего, в русском и итальянском языках можно констатировать целый ряд сходств, касающихся функционирования и манифестаций субъекта. Так, ведущей в обоих языках является номинативная модель, представляющая синтаксический концепт «субъект и его признак», в рамках которого реализуются субъект действия и субъект признака. В манифестации этого концепта в обоих языках тоже много общих черт. Во-первых, местоименный субъект может опускаться, оставаясь выраженным лишь глагольной флексией. Во-вторых, последовательность субъекта и предиката может варьировать и в сочетании с объектом, а также полупредикатами русский и итальянский языки часто представляют не линейное изображение действительности в виде схемы SVO, а объемное.

Общими являются также субъекты наличия, субъект-протагонист и инструментальный субъект, генерализованный субъект, неопределенно-генерализованный субъект действия, неопределенный субъект, субъект состояния природы и внешней среды, субъект полупредикативных построений, в некоторой степени субъект состояния. Дистрибутивные же свойства общих для обоих

языков субъектов, их распространенность и функциональная значимость весьма различны.

Так, субъект признака (номинативный субъект) более распространен в итальянском языке и «поглощает» всю сферу, соответствующую специфическим русским субъектам обладания или наличия предмета, субъекта именованя, возраста, количественной характеристики, квазисубъектов, и, в значительной мере, субъекта состояния, который можно признать в итальянском языке периферийным субъектом. В результате можно отметить, что, несмотря на то, что в обоих языках номинативный субъект является преобладающим, в итальянском языке он предстает как семантико-синтаксическая доминанта.

Имеются и другие различия, например, концепт «наличие субъекта» в итальянском языке не противопоставлен концепту «отсутствие субъекта»; оба реализуются в рамках одной модели в пределах более общего концепта «субъект и его признак». В русском же языке — это разные концентры и разные субъекты. Полупредикативные субъекты гораздо разнообразнее по форме и употребительнее в итальянском языке и тоже «поглощают» определенную часть русского субъекта признака.

Специфические типы субъекта в итальянском языке в основном реализуются в сфере полупредикативных построений (субъект собственно абсолютных инфинитивных, герундиальных, причастных построений; субъект конструкции *Accusativus cum Infinitivo* и др.). Как уже отмечалось, разработанность сферы полупредикативности — одна из характерных черт итальянского синтаксиса, отражающаяся на статусе субъекта. В качестве особого субъекта можно отметить также субъект представления с *esso* и неопределенно-генерализованный субъект квалификации.

В целом же, в русском языке типов субъекта больше, особенно реализующихся в бесподлежащих предложениях. Дифференциация и плюрализм субъектов, отражающих различные ситуации, зафиксированные формальными средствами, представляют ведущую семантическую доминанту русского синтаксиса.

Если в итальянском языке шире представлена сфера субъекта признака (действия), то в русском важнейшее место занимает

также сфера субъекта состояния, ориентированного на внутреннее состояние — душевное или физическое. Субъект состояния может быть противопоставлен субъектам действия и квалификации (*мне весело / я веселюсь / я весел*), но далеко не всегда: *мне жарко / *я жарок*. Разработанность сферы субъекта состояния составляет ярчайшую черту русской языковой картины мира и позволяет — на фоне других языков, в том числе итальянского — признать субъект состояния семантической доминантой, хотя по распространенности в русском языке дативная модель явно уступает номинативной.

Существенные различия между двумя языками имеются в сфере неопределенно-личного / генерализованного субъекта, которая в итальянском языке более разработана по сравнению с русским языком (так же, как в прономинальной сфере шире представлена семантика *ogni, ognuno, ciascuno, qualsiasi, qualunque, chiunque* «каждый, любой»). «Язык располагает различными способами, позволяющими избежать спецификации субъекта», — пишет по этому поводу Дж. Сальви [Salvi 1988: 98]; существует целый ряд построений для обозначения синтаксических концептов с генерализованным и/или неопределенным субъектом — как двусоставных, так и односоставных, создающих семантическую сферу неопределенноличности / генерализованности, которая противопоставлена сфере определенноличности. Неопределенно-личный и генерализованный субъекты часто подразумевает определенно-личный субъект — обычно непосредственных участников коммуникации, которые по разным причинам в высказывании не обозначены. С другой стороны, следует отметить, что с неопределенно-личными и генерализованными построениями в известном смысле смыкаются пассивные конструкции с устраненным субъектным дополнением (об этом, в частности, свидетельствуют переводы на русский язык и трудности при трактовке некоторых конструкций с *si*). В результате, с одной стороны, типы субъектов четко противопоставлены друг другу, а с другой стороны, между ними прослеживается определенная взаимосвязь, обеспечивающая наличия континуума самых разнообразных нюансов отношений между различными типами субъектов и их признаками.

Одно и то же реальное лицо может представлять различные субъекты — в зависимости от изменения его положения в мире относительно других субъектов, явлений:

Иная машинисточка получает по IX разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей фильдеперсовы чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей издевательств надо вынести. (...) Да... Прибежит *машинисточка* (в столовую. — Ю.Р.), ведь за 4,5 червонца в Бар *не пойдешь*. Ей и на кинематограф не хватает. (...) Ей разве такой стол нужен? У нее и верхушка правого легкого не в порядке, и женская болезнь на французской почве, на службе с нее вычли, тухлятиной в столовой накормили, вон она, вон она (Булгаков)... *Una dattilografa* di categoria nona guadagna quarantacinque rubli. Le calze di seta, d'accordo, glielie regala l'amante; ma quanti bocconi amari *deve* ingoiare, per quelle calze! (...) Comunque, *la dattilografa* ci sta. E ti credo, con quarantacinque rubli al mese, al Bar *non ci si va*. Con quarantacinque rubli al mese non ci scappa neanche *il cinema*. (...) E poi, in fin dei conti, credete veramente che *lei* ne abbia bisogno di quella roba? *Ha* qualcosa all'apice del polmone destro, e una malattia femminile di origine francese; e poi le fanno le ritenute sullo stipendio, alla mensa le ammanniscono il cibo avariato. Toh, eccola li che esce...

В заключение еще раз подчеркнем, что при внешнем сходстве номинативной (подлежащно-сказуемой) модели в двух языках, представляющей мир как субстанции и их признаки (действия, качественные характеристики), ее функциональное наполнение различно на фоне доминирования номинативного субъекта в итальянском языке и плюрализма субъекта в русском. При этом понятие субстанции остается открытым: любое явление, материальное или нематериальное, обозначенное как существительным, так и любой другой частью речи, наше сознание может представить как протагониста, как источник признака.

Глава III

Семантические доминанты глагольной и оценочной сферы

ДОМИНАНТЫ ГЛАГОЛЬНОЙ СФЕРЫ

В глагольной системе итальянского языка особое место занимает глагол *fare* «делать» — универсальный заместитель любого глагола при субъекте действия, своеобразное глагольное местоимение — *verbo vicario*, согласно итальянской грамматической терминологии [Salvi 1988: 82]. В русистике тоже существует мнение о местоименном характере русского глагола *делать*, имени действия [Шведова, Белоусова 1995: 9], хотя разница между двумя глаголами огромная: итальянский глагол занимает 17 место по частотности употребления среди всех слов итальянского языка (индекс 10121) и в этом отношении следует за наиболее употребительными служебными словами (артиклями, союзами, предлогами, вспомогательными глаголами *essere* и *avere*, вопросительным местоимением *che*, утвердительной и отрицательной частицами): *il, di, essere, e, a, un, in, avere, non, che, si, da, lo, che* (союз), *per, con* [Sciarone 1977: 109]. Согласно частотному словарю разговорной речи, относящемуся, правда, к более позднему периоду, «рейтинг» глагола *fare* еще выше — 15 место [De Mauro 1993]. Для сравнения: русский глагол *делать* — занимает по частотности 151 место [Частотный словарь русского языка 1977].

Fare может замещать другие глаголы не только в вопросительных предложениях (— Что он делает? — Спит, гуляет, идет сюда и т. д.), но и как единица с конкретным лексическим значением. Например, в комментариях прямой речи глагол *fare* может использоваться в качестве глагола говорения:

«Una moto si aggiusta» mi fece (Pavese) — Мотоцикл можно починить, — ответил он.

— Bello! — fece Stefania, carezzando il cane. — È un setter (Calvino)? — ?расавец, — сказала Стефания, поглаживая собаку. — Это сеттер?

– Ecco che la signora mi capisce, – *fece* l'operaio (Calvino). – Вот синьора меня понимает, – *сказал* рабочий.

В подобных контекстах *fare* встречается и в переводных текстах:

– Хм, – озабоченно *хмыкнул* Филипп Филиппович, всматриваясь в зрачки гостя (Булгаков) «Uhm», *fece*, preoccupato Filipp Filippovic', esaminando le pupille dell'ospite.

Fare может выступать в качестве синонима огромного числа глаголов и, соответственно, заменять множество других глаголов: *fare una camicia* = cucire, confezionare una camicia «(с)шить рубашку»; *fare una casa* = edificare una casa (stanno facendo una casa) «(по)строить дом»; *fare la minestra* = cucinare la minestra «(с)варить суп»; *fare un discorso* = pronunciare un discorso «произнести речь»; *fare un libro* = scrivere un libro «(на)писать книгу»; *fare* = partorire (la gatta *ha fatto* tre gattini «кошка принесла трех котят») родить; *fare un contratto* = stipulare «заключить контракт»; *fare acqua* «запаситься водой», *fare benzina* «заправиться бензином», *fare legna, fieno* «заготавливать дрова, сено» = raccogliere «запасаться, заготавливать»; *fare i piatti* = lavare i piatti «мыть посуду»; *fare la barba* = radere «брить (бороду)»; lo fecero sindaco = eleggere «его избрали мэром»; lo fecero direttore = nominare «его назначили директором»; *ha fatto* due anni di carcere = passare «он отсидел два года в тюрьме»; *Ti facevo a Milano e invece sei qui!* = credere «Я думал, что ты в Милане, а ты здесь!»; *Questa città fa duecentomila abitanti* = avere, contare «Этот город насчитывает двести тысяч жителей»; *Questa casa non fa per noi* = convenire «Этот дом нам не подходит».

Имеется целый ряд в различной степени фразеологизированных сочетаний: *fare coraggio* «подбадривать»; *fare luce* «посветить»; *mi fa male* la testa «у меня болит голова»; il fumo *mi fa male* мне плохо от дыма; la notizia *ha fatto* molta impressione «сообщение произвело большое впечатление»; *fare paura* «пугать»; *fare piacere* «доставлять удовольствие»; *fare silenzio* «молчать»; *fare l'avvocato*, *fare l'operaio* «быть адвокатом, быть рабочим»; *fare del tennis* «заниматься теннисом»; *fare lo stupido* «валять дурака»; *fare l'ingenuo* «строить из себя наивного»; *fare a meno*

«обходиться»; *fare in tempo* «успеть», *farsi una donna* «переспать с женщиной», *fare storie: non fare storie* «без историй» (не усложняй ситуацию). Мы привели лишь небольшую часть примеров, иллюстрирующих особенности глагола *fare* как лексической единицы (см. словари: [Ковалев 1999; Черданцева, Рецкер, Зорько 1982]), но этого достаточно, чтобы убедиться в его ярком своеобразии.

Итальянские выражения с *fare* + «субстантивная синтаксема (с возможными распространителями)» очень часто обозначают не действие, переходящее на объект, а характеристику субъекта или действия, как выражения *fare brutta (bella) figura* «произвести хорошее (плохое) впечатление, выглядеть хорошо (плохо) в чьих-то глазах», *fare la bella vita* «предаваться развлечениям, жить припеваючи», *fare la vita da schiavo* «жить рабской жизнью», *fare la bocca* «привыкнуть», *fare la fame* «голодать», *farla franca* «выйти сухим из воды»; в русском языке подобных выражений с глаголом *делать* нет.

Остановимся на функциях этого глагола. На основе глагола *fare* образуется так называемые рестриктивные конструкции *non fa (altro) che* + Inf., *non fa (altro) se non* + Inf. (об аналогичных построениях в испанском языке см.: [Филиппова 1996]):

Non fa che mangiare, Non fa altro che mangiare, Non fa altro se non mangiare «Он только и *делает*, что ест».

Как видим, в итальянской конструкции один предикативный центр — личная форма глагола *fare*, в то время как действие, находящееся в поле рестрикции выражено инфинитивом; в русском же языке — оба глагола в личной форме. Рестриктивная конструкция реализуется лишь при агентивном субъекте, к тому же не все глаголы подвержены рестрикции:

**Non fa altro che preferire la birra* «*Он только и *делает*, что предпочитает пиво».

Глагол *fare* — как и косвенные формы местоимения — может выполнять роль своеобразной глагольной репризы в предложении, обозначающем одно и то же действие, что и предшествующее предложение, то есть замещать глагол предшествующей про-

позиции. В русском предложении соответствующий глагол *делать* обычно опускается:

Io ho dato una mela al bambino, e anche tu *l'hai fatto*. «Я дал ребенку яблоко, ты тоже (это *сделал*)»;

Pietro scrive poesie e anche tu lo *fai*. «Петр пишет стихи, ты тоже».

Abbiamo invitato Paolo, ma *fare* ciò è stato un errore. «Мы пригласили Павла, но это (делать это) было ошибкой».

Ha venduto il suo appartamento e dopo che *ha fatto* questo, si è messo a cercarne un altro. «Он продал свою квартиру и после этого стал искать другую».

L'ho sempre rispettato, *l'hai fatto* anche tu. «Я его всегда уважал, как и ты».

Иногда при переводе на русский язык предложений с репризой *fare* повторяется глагол основной пропозиции:

Io ci vado, *fa'* così anche tu. Я поеду, поезжай и ты; Lui compra una macchina, *fa'* così anche tu. Он покупает машину, купи и ты; Beve come non *aveva* mai *fatto* prima. Пьет, как никогда не пил раньше.

Лишь в отдельных случаях при переводе используется реприза глагола *делать* в русском языке:

Lui ha trascurato gli studi; tu *non fare* così. Он забросил учебу, ты так *не делай*; Abbiamo sempre mangiato carne bovina, ma d'ora innanzi non *lo faremo* più. Мы всегда ели говядину, но больше не будем (больше мы этого *делать не будем*).

Реприза не распространяется на отрицание, в том смысле, что обе части высказывания оказываются противопоставленными по отношению к отрицанию; в русском высказывании общее отрицание может заменяться на частное:

Io non ho dato una mela al bambino, ma tu *l'hai fatto*. Не я дал ребенку яблоко, а ты.

Io non ho detto niente, è stato lui che *l'ha fatto*. Я ничего не сказал, а вот он — да (Не я это сказал, а он).

С глаголом *fare* образуются и плеонастические построения (напоминающие конструкции с местоименным плеоназмом (о местоименной репризе и плеоназме см. [Рылов 1985: 71–74]), то есть построения с избыточным глаголом *fare*, столь характерные для итальянского языка и реализующиеся в вопросительных

предложениях; глагол *fare* при этом выступает в личной форме и подчиняет смысловой глагол в форме инфинитива при помощи предлога *di* или *a*. При переводе на русский язык глагол *fare* опускается и инфинитив передается личной формой глагола:

Lo fai volentieri, a studiare la matematica? Ты охотно занимаешься математикой?

Lo fai spesso a telefonare ai tuoi genitori? Ты часто звонишь родителям?

Come fai a saperlo? Откуда ты это знаешь?

Come fai a prepararlo? Как ты это готовишь?

Come fai a dire queste cose? Как ты можешь говорить такое?

Come faccio ad andare a Rimini? Как мне доехать до Римини?

Come fai a dirlo, se non l'hai nemmeno assaggiata? (Collodi) Как ты можешь так говорить, если даже не попробовал?

На основе глагола *fare* осуществляется и эмпфаза глагольного признака. При этом подчеркиваемое действие выражено инфинитивом, финитная же форма глагола *fare* является предикативным центром. В русском языке в аналогичных случаях обе глагольные формы — личные:

Quello che ha fatto è stato di spedirle un telegramma. То, что он сделал, так это послал ей телеграмму.

Наконец, *fare* (наряду с глаголом *lasciare*) может переводить непереходные глаголы в разряд переходных и выступать в качестве каузативного глагола. Ср.: *far cadere* «уронить»; *far entrare* «впустить»; *far venire* «вызвать»; *Chi te lo fa fare?* «Кто тебя заставляет?»; *Li ho fatti tacere* «Я заставил их замолчать»; *No fatto giocare i bambini* «Я занял детей игрой».

Если каузируемый глагол переходный, то инфинитив подчиняет прямое дополнение без предлога; оно может замещаться косвенной формой местоимения:

Paolo fa invitare Piero. Павел заставляет пригласить Петра (делает так, чтобы пригласили Петра); *Paolo lo fa invitare.* Павел заставляет пригласить его.

Косвенное дополнение присоединяется к инфинитиву каузируемого глагола при помощи предлогов *a* или *da*:

- 1) Paolo fa mangiare la minestra *a Piero* (*gli fa mangiare la minestra*);
- 2) Paolo fa mangiare la minestra *da Piero*. Павел заставляет Петра есть суп [Skytte, Salvi 1991: 499–500].

В 1) косвенное дополнение подчинено глаголу *fare* в форме, соответствующей дативу и замещаемой дативом местоимения *gli*; в 2) подчинено инфинитиву в форме агента пассивной конструкции. Естественно, предлоги несколько модифицируют синтаксическое значение косвенного дополнения.

Предложения типа 2) возможны, на наш взгляд, не только потому, что агент каузации напоминает агента пассивной конструкции, но и потому, что возможно сочетание каузативной конструкции с пассивной:

Piero si è fatto spedire un pacco dai genitori. Петр заставил родителей послать ему посылку.

Каузативная конструкция позволяет одному субъекту активно вмешиваться в действия другого: *Perduto per perduto, tanto vale che mi faccia arrestare per oltraggio alla forza pubblica* (Могавиа)... Была ни была, уж лучше пусть меня арестует полиция за нарушение порядка (букв.: уж лучше он заставит арестовать меня полиции).

Особое место и особая роль глагола *fare* в глагольной системе итальянского языка, его экспансия и универсальность, заключающаяся в способности вступать в отношения синонимии (resp. взаимозамены) с огромным числом глаголов, отнюдь не означают бедности этой системы. Напротив, Ф. Фоки, автор памфлетов на тему функционирования итальянского языка в современном обществе, саркастически констатирует тот факт, что бюрократический язык всячески избегает глагол *fare*, чему способствуют и учебники по стилистике, рекомендующие вместо *fare* глагол *effettuare* «осуществить»: «Идет ли речь о платеже, рецепте, осмотре места происшествия, походе в гости, экскурсии, краже или самоубийстве. К сожалению, это правда: Он подверг себя смерти, сбросившись ... и *osuccessiviv* головокружительный полет с высоты восьмидесяти метров, — как писалось в свое время газетной хронике» [Fochi 1966: 131–132]. В качестве рекомендуемых синонимов *effettuare* обычно даются *esplicare*, *espletare* [ibid.].

В сфере русского глагола действует иная, не менее яркая доминанта — активное приставочное словообразование. Что касается итальянского языка, то активных процессов подобного рода у глагола не наблюдается, в отличие от сферы имени, где активны префиксы *anti-*, *retro-*, *semi-*, *sopra-*, *sovra-*, *sub-*, *sotto-*, *pre-*, *post-*, *inter-*, *para-*, *pluri-*, *poli-*, *iper-*, *extra-*, *super-*, *ultra-* и др.: *semiselvaggio*, *sopratassa*, *subletteratura*, *sottoprodotto*, *preguerra*, *postumbertino*, *ipermercato*, *retrovisivo*, *interministeriale*, *paramilitare*, *pluriennale*, *polisportivo*, *supertestimone*, *ultrapotere* [Fochi 1966: 36–59]. В последние годы появилось слово *extracomunitario* — гражданин страны, не принадлежащей Европейскому сообществу.

Библиография, посвященная русским глагольным приставкам, обширна. Наиболее полное изложение взглядов на проблему глагольных приставок, отражающее современное состояние проблемы, содержится в монографии Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой «Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения» [Волохина, Попова 1993: 3–21]. Отметим, вслед за авторами указанной монографии, некоторые особенности приставочных глаголов.

Во-первых, «практически все приставки входят в связанные основы, т. е. такие, которые без приставки не существуют или имеют без приставки другое значение» [там же: 154]. В ряде случаев только приставки определяют значение глагола: *нанять*, *принять*, *обнять*, *занять*, *понять*, *донять*, *унять*, *снять*, *разнять*, *отнять*, *поднять*, *перенять*, *пронять* (с возможным последующим усложнением значения другими приставками: *перезанять*, *подзанять*, *недопонять*, *переснять*, *недоснять*). В последнем случае могут возникнуть трудности при переводе глагола на итальянский язык. Так, в словаре В. Ковалева слово «перезанять» интерпретируется следующим образом: *prendere in prestito* (spec. per restituire il debito a un altro) «взять в долг (обычно чтобы возместить долг другому)» [Kovalev 1999].

Во-вторых, интересны наблюдения над синонимией приставок и приставочных глаголов; они для нас особенно важны, поскольку сопоставление с другими языками способно выявить иные аспекты проблемы. Синонимия приставок «возникает по

причинам, случайным для системы, но, включаясь в систему, синонимия приставок существенным образом на нее влияет» [Волохина, Попова 1993: 159]. В одних случаях «она возникла из-за включения в восточнославянский инвентарь приставок нескольких южнославянских граммем (*вы/из, с/низ*)»: *вытоптать/истоптать* траву, *выпечь/испечь* пирог, *свергнуть/низвергнуть*, *свести/низвести*.

Во всех других случаях авторы предпочитают говорить о квазисинонимии, то есть контекстуальной синонимии, основанной, в первую очередь, на общности корня и «совпадающей ситуации», «для которой небольшие детали ее осуществления, различаемые приставками, не существенны» [там же: 159–160]: *повалить* и *свалить* *дерево* («*повалить* — вдоль, по всей длине ствола, *свалить* — сверху вниз, с основания, с корня»), *поставить под кран* и *подставить под кран* («В этой паре синонимия обеспечивается предложно-падежной формой. Приставка *под-* дублирует сему предлога «ниже», а приставка *по-* эту сему не дублирует, а указывает на плоское основание места действия»), «*Посыпать яблоко сахаром* (сверху) и *обсыпать яблоко сахаром* (со всех сторон) можно в реальной действительности совершенно одинаково, и все-таки разные приставки акцентируют разные детали этого действия» [там же].

К этому анализу можно добавить, что объемное и детализированное видение процесса, действия — характерная черта русской языковой картины мира. Дело не только в том, что практически каждое глагольное действие может быть представлено двумя глаголами, образующими видовую пару и по-разному соотносящимися с действительностью, но и в том, что приставки привносят в значение глаголов яркий этнический компонент. Например, такие разные для русского восприятия действия, как

Я вынес книги из комнаты в коридор,
Я перенес книги из комнаты в коридор,
Я принес книги из комнаты в коридор,
Я унес книги из комнаты в коридор,
Я отнес книги из комнаты в коридор,
Я занес книги из комнаты в коридор,
Я донес книги из комнаты в коридор,

Я *снес* книги из комнаты в коридор,
 Я *пронес* книги из комнаты в коридор,
 Я *понес* книги из комнаты в коридор,
 Я *нанес* книг из комнаты в коридор,
 Я *наносил* книг из комнаты в коридор,
 Я *поднес* книги из комнаты в коридор,
 Я *внес* книги из комнаты в коридор

для итальянского мироощущения — практически одно и то же: *Ho portato i libri dalla stanza al corridoio*. Непереводаемость или необязательность при переводе, как указывалось, одно из важнейших свойств семантических доминант. В отдельных случаях, правда, в перевод — в зависимости от контекста — можно внести уточнения. Например, «Я *перенес* книги из комнаты в коридор» можно представить как «Я *снова отнес* книги из комнаты в коридор» (*Ho riportato i libri dalla stanza al corridoio*), а «Я *понес* книги из комнаты в коридор» — как «Я *начал (от)носить* книги из комнаты в коридор» (*Ho cominciato a portare i libri dalla stanza al corridoio*). Таким образом, сопоставление разных языков дает нам возможность по-новому взглянуть на проблему синонимии глагольных приставок.

В свою очередь, аналогичная ситуация в итальянском языке может быть передана рядом предложений с различными временными формами глагола, по-разному соотносящимися с действительностью:

Ho portato i libri dalla stanza al corridoio.
 Portai i libri dalla stanza al corridoio.
 Avevo portato i libri dalla stanza al corridoio.

Русским приставочным глаголам часто соответствуют лексические лакуны, поэтому передача их значений описательным образом — обычная практика перевода и словарей. Это касается как «прозрачных» образований типа *вбежать/выбежать*, *влететь/вылететь* (которые переводятся *entrare/uscire correndo*, *entrare/uscire volando*, то есть «войти/выйти бегом, войти/выйти на лету»), так и таких шедевров словообразования советской эпохи, как *недопоставить*, *недоукомплектовать*, *недоучесть* (*fornire meno del dovuto, non dotare (munire) delle necessarie attrezzature, non prendere nella debita considerazione*).

Приставочные глаголы могут иметь причудливые — с точки зрения других языков — значения: *подзаправиться* «rifornirsi un po' di benzina» (добавить в бак бензина на заправочной станции); *переполнить* «far bere troppi alcolici» (напоить большим количеством алкогольных напитков); *перехаживать* (о беременной женщине) «avere una gravidanza più lunga del normale» (иметь беременность более продолжительную, чем обычная).

Итак, в русской языковой картине приставочные глаголы играют особую роль, заключающуюся в детализации действия, в создании многочисленных нюансов и дополнительных смыслов, в фиксировании в одном слове сложного процесса. В сочетании с видовым значением у приставочного глагола возникает чрезвычайно объемное значение, отражающее протекание действия во времени и пространстве, его качественную или количественную характеристику, что является важным для русского менталитета.

Что касается итальянского языка, то доминирующее положение глагола *fare* в глагольной сфере тоже, безусловно, сказывается на мироощущении итальянцев. С одной стороны, *fare* указывает на активное отношение к внешней действительности, что отражается и на национальном характере итальянцев — активном и предприимчивом. С другой стороны, очень часто выражения с *fare* не обозначает воздействия на объект, а скорее ориентированы на субъект, на его характеристику или его действие: *fare la bella vita* «предаваться развлечениям, жить припеваючи», *fare una brutta figura* «произвести плохое впечатление, выглядеть плохо в чьих-то глазах», *far piacere* «доставлять удовольствие» (*mi fa piacere*); *fare la fame* «голодать» (см. также примеры в начале очерка). Не случайно субстантиват *fare* может означать и манеру поведения, образ жизни: *Non mi piace il tuo fare* «Мне не нравится, как ты ведешь себя». Наконец, экспансия *fare*, его способность к замещению практически любого глагола и очень часто — к его синонимической замене (Ho bevuto una birra — *Mi sono fatto* una birra, Studio la matematica — *Faccio* la matematica, Frequento il terzo anno di medicina — *Faccio* il terzo anno di medicina и т. д.; см. также примеры в начале очерка) приводят к универсализации действия. Таким образом, в исследуемых языках в глагольной сфере действуют, можно сказать, две

противоположные тенденции — детализации и универсализации действия, что в обоих случаях приводит к межъязыковой лакунарности: в частности, значения русских приставочных глаголов часто передаются описательно, а сфера использования *fare* оказываются гораздо шире по сравнению с соответствующим русским глаголом.

В целом, сочетание доминирующего агентивного субъекта с глаголом *fare* подчеркивает активное мироощущение итальянцев, в то время как разнообразие способов представления синтаксического субъекта и диверсификация внешне сходных действий, выраженных приставочными глаголами несовершенного или совершенного вида, отражают «нацеленность» русских на детализацию и объемное представление процесса.

ДОМИНАНТЫ ОЦЕНОЧНОЙ СФЕРЫ

Для итальянского языка и для итальянской языковой картины в целом характерна завышенная оценка. Высказывания типа *È una ragazza bellissima, bravissima, dolcissima* (букв.: она красивейшая, умнейшая, приятнейшая девушка) обычны в речи итальянцев. Выражение завышенной оценки — важнейшая доминанта адъективной сферы и представлена рядом активно используемых средств — формами превосходной степени (абсолютной и относительной: *il più gentile/gentilissimo*); наречиями степени *molto, tanto, assai, così* (*è molto/tanto/assai/così gentile*); словом *tutto* (*è tutto contento*); повтором (*questo problema è facile facile*); префиксацией (*sono arcicontento, è straricco, il camion era stracarico, è ultramoderno, è un prodotto sopraffino, è superfortunato*).

Для выражения высшей степени адъективного признака используются также фразеологизированные сочетания из двух адъективов, в которых второй компонент является показателем суперлатива: *innamorato cotto* «сильно влюбленный (без памяти)», *rieno zeppo* «переполненный (битком набитый)», *ricco sfondato* «очень богатый (денежный мешок)», *bagnato fradicio* «промокший до нитки», *stanco morto* «смертельно усталый» [Chiuchiu, Minciarelli, Silvestrini 1990: 458–461].

Ср. также примеры:

Rialzai il colletto e rifeci il nodo in modo che la cravatta, adesso, aveva una parte *lunghissima* e una parte corta (Moravia). Я приподнял воротничок и переделал узел таким образом, что одна часть галстука оказалась *очень длинной*, а другая короткой.

Tirò giù un *solennissimo* colpo sul pezzo di legno (Collodi). Нанес *превосходнейший* удар по деревяшке.

Geppetto era *bizzossissimo* (Collodi). Джеппетто был *очень вспыльчивый* старичок.

Finalmente, *secco secco*, aggiunse che gli mandava un certo Cesarano Alfredo e buttò giù (Moravia)... Наконец, он *сухо* добавил, что посылает к нему некого Чезарано Альфредо, и повесил трубку.

Ma quando fu lì per lasciare andare la prima asciata, rimase col braccio sospeso in aria, perchè sentì una vocina *sottile sottile*, che disse raccomandandosi (Collodi)... Но не успел он занести топор, как рука его так и повисла в воздухе — из полена послышался *тонкий*, умоляющий голосок...

Allora entrò in bottega un vecchietto *tutto arzilla*, il quale aveva il nome Geppetto (Collodi)... В мастерскую вошел старый, но *еще бодрый* (букв.: *весь бодрый*) человек по имени Джеппетто.

A queste ultime parole, Pinocchio saltò su *tutt'infuriato* (Collodi)... При последних словах Пиноッキо вскочил, *разъяренный*...

Как видим, при переводе итальянских фраз с суперлативом на русский язык значение завышенной оценки в ряде случаев вообще не передается.

Категория суперлатива настолько сильна в итальянском языке, что способна «переходить» и на имена существительные, которые могут сочетаться с суффиксом *-issimo/a*, приобретая при этом гиперболизированное значение: *saldissimi* «распродажа по бросовым ценам»; *occasionissima* «исключительная возможность»; *canzonissima* «телевизионная программа, посвященная лучшим песням»; *campionissimo* «неоднократный чемпион, суперчемпион»; *finalissima* «решающая игра»; *padronissimo* «человек, превосходно владеющий ситуацией»; *donnissima* «настоящая женщина»; *affarissimo* «выгодная сделка»; *governissimo* «правительство, поддерживаемое большинством партий»; *poltronissima* «место в первом ряду». Такое использование суперлативного суффикса характерно для языка рекламы, спорта, политики [Storni 1994: 45].

Завышенная оценка — не только доминанта адъективной сферы, но и ярчайшая характеристика поведения итальянцев; выражение завышенной оценки сопровождается своеобразными жестами, не имеющими аналога у русских.

К доминантной сфере завышенной оценки относится также употребление увеличительных суффиксов, которым, как правило, нет соответствия в русском переводе:

Per l'appunto era una nottataccia d'inferno. Tuonava forte forte, lampeggiava come se il cielo pigliasse fuoco, e un ventaccio freddo e strapazzone, fischiando rabbiosamente e sollevando un immenso nuvolo di polvere, faceva stridere e cigolare tutti gli alberi della campagna (Collodi). На дворе была ужасная зимняя *ночь*. Гром оглушительно гремел, молнии догоняли одна другую... Холодный, порывистый *ветер* свирепо завывал, вздымая огромные облака пыли и заставляя деревья на полях плакать и стонать.

Другая наиболее яркая черта итальянского языка в сфере прилагательного — доминирование двух оценочных слов: *bello* и *bravo*. Первое относится к людям и предметам, второе — преимущественно к людям, реже к животным и совсем редко используется по отношению к предметам (в составе фразеологизмов). Особенно часто встречаются эти слова в разговорной речи, в телевизионных ток шоу; это, как представляется, наиболее частотные прилагательные, используемые в оценочной сфере. При этом их употребление с точки зрения русских стереотипов представляется весьма своеобразным, не всегда «улавливаемым».

В то же время синонимичное прилагательное *buono*, тоже частотное, причем во всех регистрах речи, для русских не представляет особых трудностей, совпадая даже в большинстве переносных значений с адъективом «хороший» (*orega buona* «хорошее — доброе — дело», *un'anima buona* «хорошая — добрая — душа», *di buona famiglia* «из хорошей — порядочной — семьи»), хотя и имеет специфические, по сравнению с русским прилагательным *хороший*, семантические особенности, например, в фразеологизированных выражениях *a buon diritto* «с полным правом», *ho le mie buone ragioni* «у меня свои веские причины», *la buona stagione* «теплое время года», *di buon' ora* «рано утром», *un poco di buono* «подозрительная личность» (*questa ragazza è un poco di buono*

«от этой девицы лучше держаться подальше»), *cosa fai di buono?* «Что готовишь?» и др. Кроме того, *buono* означает *добрый*: una persona buona «добрый человек», а применительно к пище *buono* означает «вкусный». Это прилагательное используется и в пожеланиях, не принятых в русском узусе: Buon lavoro! («Желаю вам, тебе) хорошей работы!»), Vi auguro una buona visione! («Желаю вам хорошего просмотра!») (слова телеведущей программы *Bellissimi* после того, как она представила очередной фильм).

Прилагательное *bello* означает более высокую степень признака по сравнению, например, с *carino*: — Ti credi proprio bella? — Bella, no, ma carina, sì «— Ты считаешь себя красивой? — Красивой, нет, но хорошенькой, да». В основном значении этому прилагательному в русском языке соответствуют *красивый, прекрасный, хороший*: una bella casa «красивый дом», una bella donna «красивая женщина», che bello! «как красиво!», una bella anima «прекрасная душа», un bel gesto «красивый жест», una bella gita «прекрасная экскурсия», una bella notizia «прекрасная новость», un bell'abito «красивое платье», ha una bella posizione «у него прекрасное положение», oggi fa bel tempo «сегодня прекрасная погода», un bel film «прекрасный (хороший, интересный) фильм», un bel libro «прекрасная (хорошая, интересная) книга». При переводе данного слова русское прилагательное *красивый*, как правило, характеризует внешний вид, *прекрасный* — содержание. Антоним *bello* — *brutto*: bel ragazzo / brutto ragazzo, ragazzo brutto.

Сема «высшая степень качества» реализуется в ряде своеобразных выражений: una bella somma «значительная, порядочная сумма», Hai avuto una bella fortuna «Тебе здорово повезло», nel bel mezzo della festa «в самый разгар праздника», sul più bello «в самый интересный момент», Adesso viene il bello «Сейчас начнется самое интересное».

Bello, как и русское прилагательное *хороший*, легко вступает в сферу энантиосемии: Bell'amica che sei! «Хорошая же ты подруга!», Ci hai messi in un bel pasticcio «Ты нас впутал в неприятную историю», Bella roba! «Хорошенькое дело!», Ha una bell'età «У него преклонный возраст» (букв.: У него прекрасный возраст), Sei un bel cretino «Ну и дурак же ты», Non hai fatto un bel

niente «Ты так ничего и не сделал». Ср. также перевод русского высказывания: Хорош ты, Знобишин, нечего сказать (Алексеев) «Sei buono tu, Znobišin, non c'è che dire».

В усеченной форме *bell'* сочетается с причастием (в том числе в составе *passato prossimo*) при помощи союза *e*, образуя своеобразные фразеологизированные сочетания с результативным значением: Но *bell'è fatto* «Я уже закончил». Ср. также:

Tanto ormai *ho bell'e visto* che i ragazzi, a essere disubbidienti, ci scapitano sempre... (Collodi) Я убедился, что невоспитанные дети всегда попадают впросак...

Pinocchio saltò giù dal letto, *bell'e guarito*... (Collodi) А Пиноккио через несколько минут спрыгнул с кровати *здоровый и бодрый* (точнее: *уже выздоровевший*)...

В разговорном языке *bello/bella* используется как обращение, особенно в формуле приветствия *Ciao bello, ciao bella*, имплицитно при этом «короткие», фамильярные отношения либо симпатию к адресату. Наконец, субстантивированная превосходная степень этого прилагательного *bellissimi* означает что-то вроде *шедевры мирового кино* — так называется телепрограмма на одном из каналов итальянского телевидения.

Прилагательное *bravo* не имеет четкого соответствия в русском языке. Во-первых, оно означает *хороший, искусный, умелый*: un bravo cuoco «хороший повар», una brava studentessa «хорошая студентка», un alunno bravo in matematica «ученик, сильный в математике», un bravo professore «хороший преподаватель», un bravo medico «хороший врач», è il più bravo della classe «лучший ученик в классе»; Le persone famose sono bravissime a darsi delle arie (реклама вентиляторов) «Знаменитые люди умеют нагнать воздух (то есть, напустить на себя вид)»; sii bravo, mentre sono fuori «веди себя хорошо (тихо), пока меня нет». Во-вторых, *хороший, честный, порядочный*: una brava persona, brava gente, una brava moglie; — Che brave persone! — pensò dentro di sè Pinocchio (Collodi). «О, какие честные господа!» — подумал Пиноккио.

В *un bravo ragazzo, una brava ragazza* совмещается оценка способностей и поведения: молодые люди не только хорошо учатся, но и оличаются примерным поведением. В книжном языке *bravo* означает *храбрый, смелый (una brava azione)*. «Bravo!» как меж-

дометие означает *молодец!* и в значении «восклицание, одобряющее выступление артистов» заимствовано русским языком. В целом в оценочной семантике *bravo* сема одобрения является ведущей. Антонимы *bravo* — *cattivo*, *poco (non) perbene*: *bravo medico* — *cattivo medico (non preparato)*; *bravo ragazzo* — *ragazzo poco (non) perbene* «непорядочный парень».

Отсутствие отдельного прилагательного, соответствующего *bravo*, создает определенные трудности для итальянцев, изучающих русский язык. Так, одна итальянская русистка, великолепно владеющая русским языком, нашла своеобразный выход из этой межъязыковой ситуации: высказывания типа *E un bravo medico*, *È un bravo giornalista* она переводит как *Этот врач, он молодец*; *Этот журналист, он молодец*. В самом деле, в данном случае удачно передана оценочная семантика одобрения, содержащаяся в *bravo*, но изменена синтаксическая конструкция; в результате слово с атрибутивной функцией переведено в позицию предиката. Как уже указывалось, правильнее переводить подобные конструкции, используя прилагательное *хороший* (*Он хороший врач, Он хороший журналист*), тем более, что оценочная семантика одобрения ему тоже свойственна, особенно при просодическом выделении: *Он хороший врач*.

Прилагательные *bello* (красивый, прекрасный, хороший) и *bravo* (способный, хороший), выражая положительную оценку, в определенном смысле находятся в отношении дополнительной семантической дистрибуции с *buono* (имеются в виду основные, базовые значения): *buono* — хороший с точки зрения внутренних качеств, *bello* — внешних, эстетических, *bravo* — по отношению к способностям, интеллекту. Все три слова могут переводиться на русский язык одинаково — *хороший*: *un buon lavoratore* «хороший работник», *un bel film* «хороший фильм», *un bravo medico* «хороший врач». Разница между *un buon medico*, *un buon professore* и *un bravo medico*, *un bravo professore* заключается именно в приведенных выше коннотациях. В то же время, сочетание *una buona studentessa* с точки зрения преподавателей не совсем обычное по сравнению с *una brava studentessa*, хотя с точки зрения студентов *una buona studentessa* вполне допустимо в значении «студентка, которая все делает хорошо правильно с точки зрения препода-

давателя, но в действительности ничего из себя не представляет (ma non è molto brava)».

В некоторых выражениях значения данных прилагательных нейтрализуются и могут быть взаимозаменяемыми: Ho le mie buone ragioni / Ho le mie brave ragioni «У меня на это есть веские основания»; Ogni sera si fa la sua brava passeggiata / Ogni sera si fa la sua bella passeggiata «Каждый вечер он совершает свою обычную прогулку»; Ho dormito le mie buone otto ore / Ho dormito le mie brave otto ore «Я (про)спал свои положенные восемь часов».

Тем не менее, внешне сходные вопросы *Cosa fai di buono?* и *Cosa fai di bello?*, содержащие слова *buono*, *bello*, относятся к совершенно разным ситуациям: *Что готовишь?* и *Чем занимаешься?*

Иногда указанные единицы вообще не переводятся на русский язык (вспомним, что одной из характеристик семантической доминанты является «необязательная переводимость» [Падучева 1996: 178]):

Smeso che fu di nevicare, Pinocchio, col suo *bravo Abbecedario nuovo* sotto il braccio, prese la strada che menava alla scuola (Collodi)... Как только перестал идти снег, Пиноккио взял *новый букварь* под мышку и пошел в школу.

– Ah! Gli è con questo *bel garbo*, maestr'Antonio, che voi regalate la vostra roba (Collodi)? – Oh! Как вежливо вы преподносите людям свои подарки, мастер Антонио!

В русском языке, как известно, превосходная степень прилагательного не используется так часто, как в итальянском языке, особенно в разговорной речи. Более того, в Академической грамматике суперлатив вообще выводится из грамматических категорий русского прилагательного: «Прилагательные с суф. *-ейш*, *-айш* (*глупейший, чистейший, глубочайший, жесточайший*), иногда называемые превосходной степенью, по своему значению большой степени проявления признака соотносительны с другими прилагательными с аналогичным значением типа *большущий, здоровенный, превеселый, наилегчайший, распрекрасный*. Они не выражают особого морфологического значения и представляют собою словообразовательные типы» [Русская грамматика 1980, т. 1: 547]. В русском языке имеется целый арсенал средств выра-

жения высокой степени проявления признака. Это значение «может быть выражено также описательным способом с помощью сочетаний слова *самый* с формой прил. в положит. степени (*самый красивый, самый смелый*), а также с помощью сочетаний местоименн. прил. *весь* в форме род. п. ед. ч. сред. р. (*всего*) или в форме род. п. мн. ч. (*всех*) с формой прил. в сравнит. степени: *серьезнее всего, громче всех, Ты на свете всех милее, Всех румяней и белее* (Пушкин); *В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем* (Тургенев)» [там же: 547]. Кроме того, к таким средствам относятся повтор с префиксацией (*длинный-предлинный, латанный-перелатанный*), префиксы *архи-, сверх-, супер-, ультра-* (*архиглупый, сверхпрочный, суперсовременный, ультраправый*), первые компоненты сложных прилагательных *много-, все-*: *многоумный, всеядный*. В отличие от аналогичных средств итальянского языка, они не направлены на создание завышенной оценки (хотя и это возможно), а входят, в первую очередь, в общую доминанту эмоциональной оценки внешнего мира, характерную для русского менталитета. В этом можно согласиться с А. Вежбицкой, считающей, что эмоциональная сфера широко представлена в русской лексике (наряду со сферами *иррациональность* и *любовь к морали*) [Вежбицкая 1996: 33–34].

Обратимся к средствам положительной оценки в русском языке. Отметим, что итальянцы подчеркивают ее сдержанность, рапространенность ее выражения через отрицание (*неплохой, недурна собой, ничего*) и через наречия с отрицательным значением (*страшно красивая, ужасно умный*). Подобные сочетания возможны и в итальянском языке: *terribilmente bella, terribilmente bravo*, но они принадлежат отнюдь не разговорному стилю речи, а наоборот, завышенному.

Итальянцы выделяют в оценочной сфере русского языка как типично русские следующие единицы: *хороший, интересный, неплохой, ничего* (данные получены в результате опроса итальянских студентов-русистов после их пребывания в России). Во-первых, сфера прилагательного *хороший* очень широка и в определенной степени покрывает сферы *buono, bello, bravo*. Автор пособия по русскому языку для студентов университета

Ф. С. Перилло, например, считает, что русскому *хороший* соответствуют именно эти три единицы [Perillo 2000: 123–124, 306]:

Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская (Гайдар). È una bella canzone, ma non è una canzone da soldato.

Она была очень хороша собой и умна (Тургенев). Era molto bella e intelligente.

У меня *хорошая* машинка. У меня старая «Олимпия» (Васильев). Но una *buona* macchina. Но una vecchia «Olimpia».

Он *хороший* врач. È un *bravo* medico.

Другая особенность слова *хороший* — в его способности использоваться в качестве обращения (обычно в сочетании с *мой*) [ibid.: 123]:

Спасибо тебе, *мой хороший*! Спасибо за стихи и за любовь (Алексеев)! Grazie a te, *mio caro*! Grazie per i versi e per l'amore!

Прилагательное *интересный* тоже используется в русском языке чаще по сравнению с соответствующим итальянским словом *interessante* и ему может соответствовать итальянское прилагательное *bello*, если речь идет о литературном произведении или фильме: Это *интересный* роман — È un *bel* romanzo; Это *интересный* фильм — È un *bel* film. За словосочетанием *интересная женщина* стоит уникальный концепт русской картины мира, объединяющий характеристику как внешности, так и духовного склада женщины. По-итальянски тоже можно сказать *una donna interessante*, но это словосочетание не охватывает всего содержания русского, хотя и внешне совпадает с ним по значению; русскому сочетанию *интересная женщина* скорее соответствует итальянское *una donna affascinante*. Можно по-итальянски сказать и *un libro interessante, un film interessante*, но это, в первую очередь, оценка информативности, и речь идет скорее не о художественных произведениях, а, например, о книге или научно-популярном фильме на историческую тему.

Что касается *ничего*, то это слово в качестве оценочного — со значением положительной оценки — используется в присвяточной части, обычно в ответных репликах: — Ну, как тебе фильм? — *Ничего*; А она *ничего*; Отец у тебя еще *ничего*, если может петь

такие песни (Лидин). *Tuo padre ancora non c'è male, se può cantare simili canzoni.*

Нами был проведен психолингвистический эксперимент. Мы постарались смоделировать ситуацию, при которой можно было бы дать высокую оценку внешности и способностям человека. Русским студентам была предложена фотография красивой девушки с надписью, что она является лауреатом конкурса студенческих научных работ. Студенты должны были кратко прокомментировать внешность и способности девушки, при этом адресатом оценки должна быть подруга или приятель. Хотя диапазон использованных средств был велик, форм суперлатива среди них не было. Самыми распространенными оценочными словами были не прилагательные, а существительные *красавица* (в том числе, *настоящая красавица*), *умница* (встретилось также *большая умница*); далее следовали *очень красивая, красивая, очень даже ничего, ужасно красивая* (оценка внешности), (*очень/ужасно*) *способная, отличница, умненькая* (оценка способностей), а также *классная* (по всей видимости, оценка и того и другого). Таким образом, итальянской фразе *È una ragazza bellissima, bravissima* в русской языковой картине мира соответствует *Она (эта девушка) красавица и умница.*

Если в целом в итальянском художественном тексте прилагательные встречаются реже по сравнению с переводом этого же текста на русский язык (по нашим подсчетам, примерно на 15–20%), то в сфере аксиологии картина обратная: в русском языке для высшей оценки внешности и внутренних качеств человека часто используются существительные. Вспомним, что похитители в фильме Л. Гайдая «Кавказская пленница» характеризовали девушку именно при помощи субстантивной модели: *комсомолка, спортсменка*, наделяя неочечные существительные способностью выражать высшую степень проявления лучших качеств. Иными словами, *комсомолка, спортсменка, просто красавица versus bellissima, bravissima, dolcissima.*

Итак, завышенная оценка — в форме суперлатива, в том числе наиболее частотных оценочных итальянских адъективов — одна из ярких особенностей итальянского языка.

В русском языке, напротив, к числу доминантных категорий следует причислить, по нашему мнению, диминутивность. В самом деле, диминутивные образования из традиционной сферы обозначения предмета малого размера (*столик, домик, книжечка, ложечка*) и общения с детьми (*дай ручку; ну-ка, еще ложечку*) переместились в современном русском языке в сферы, где маркируют такие коннотации, как вежливость, профессиональный этикет, участие, заботу и пр. Например, в маршрутном такси можно услышать: *Водитель, пожалуйста, на остановочке*. Здесь речь не идет об остановке малого размера, а актуализируется вежливость просьбы. В речи медсестер диминутивы *ручка, пальчик, укольчик, таблеточка* — часть профессионального этикета, который распространяется не только на общение с пациентами-детьми, но и на взрослых.

Интерактивный характер русских диминутивов проявляется и в повседневном общении. Если мы сравним высказывания: *Съешь колбасы, сыра, выпей чаю* и *Съешь колбаски, сырку, выпей чайку*, то скорее всего первое высказывание мы соотнесем с ситуацией отчужденных отношений, а второе сочтем уместным в ситуации участливого отношения к адресату.

Диминутивность в современном русском языке не просто доминантная категория, но, можно сказать, и «агрессивная», поскольку сфера ее распространения постоянно расширяется, что вызывает раздражение со стороны приверженцев культуры русской речи. В меню одного из воронежских ресторанов можно обнаружить, например, такие блюда, как «*селёдочка с лучком*», «*блины с икоркой*», «*котлетки по-домашнему с молодой картошечкой*», «*шашлык из поросятинки*». Прагматика таких образований в создании ореола участия, заботы о клиенте как близком человеке.

Диминутивность как доминантная категория русского языка «пересекается» с другой доминантной категорией — неопределенностью. Например, выражение неопределенности, приблизительности времени в разговорном языке часто сочетается с диминутивностью. Ср.: *Давай созвонимся часиков в пять, Я буду где-то часикам к шести, Подойдите минуток эдак через пятнадцать* (из записей устной речи). Здесь неопределенность времени

выражается постпозицией числительного по отношению к словам *часок*, *минутка* и может усиливаться словами *где-то*, *эдак* (в то время как при выражении точного количества числительное предшествует существительному: *в пять часов*, *к шести часам*, *через пятнадцать минут*). Обращает на себя внимание тот факт, что выражение точного времени не сочетается с диминутивностью: **Давай созвонимся в пять часиков*, **Я буду к шести часикам*, **Подойдите через пятнадцать минуток..*

В итальянском языке тоже присутствуют диминутивные образования, но они не играют той роли, что в русском языке.

Часть вторая

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Глава I

Антропонимы как особый класс слов

Антропонимические традиции европейских народов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт, отличаются неповторимой самобытностью и оригинальностью, отражающей взгляд народа на мир и на место в нем индивида.

Известно, что антропонимы (имена, фамилии, а также отчества – в русском языке) являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена.

В языковой картине мира имена занимают особое место. Имена – одни из первых слов, которые усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах речи [Якобсон 1972: 98].

«Справедливо замечено, – говорится в одной из работ по испанской ономастике, – что изучение имени дает интересные наблюдения над духом народа» [Barrell: 4]. Проявления духовной жизни народа в антропонимии разнообразны. Так, если рус-

ские дохристианские (впоследствии некалендарные) имена проявляют видимую связь человека с природой, с тотемами, с устремлениями семьи; то в эпоху же раннего христианства, когда появились новые, собственно христианские имена, «они стали обозначать не столько видимую связь индивида с обществом и семьей, сколько с миром невидимым и священным» [Bortolami 1966: 439–440].

На ранних стадиях развития общества имя – неотъемлемый компонент личности, его второе «я», его душа: *Nomen, omen* (имя – судьба), – говорили в древности. Узнать имя человека значило сделать его безоружным перед силами зла. Именно поэтому у древних было принято пользоваться субститутами настоящего имени. Следы этих обычаев обнаруживаются и на более поздних этапах цивилизации. Например, в куртуазном романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» (XII в.) Эрек узнает настоящее имя жены, полученное ею при крещении, лишь в момент женитьбы.

В дореволюционной России имели хождение своеобразные именники, содержавшие характеристику носителя того или иного имени. Цитируем П. А. Флоренского: «Одним из памятников такого рода руководств, письменно закрепленным осколком целой культуры имен, можно представить известный “Реэстр о дамах и прекрасных девицах”, печатавшийся в свое время на русских народных картинках при соответственном изображении» [Флоренский 1999: 188]. Вот отрывок из этого «реэстра»:

РЕЭСТР О ДАМАХ И ПРЕКРАСНЫХ ДЕВИЦАХ

Постоянная дама Варвара.
 С поволокою глаза Василиса.
 Кислый квас Марья.
 Веселый разговор Аграфена.
 Великое ябедство Елена.
 Наглая спесь Маремьяна.
 Средняя управа Устинья.
 Толста да проста Афросинья.
 Песни спеть Дарья.
 Хороший голос Домна.
 Худое соврать Агафья.

Впролом сходить Улита.
Умильный взгляд Фекла.
Ни туды ни сюды Фетинья.
Белые белила Авдотья.
Скорая похотка Акулина.
Взглянет утешит Арина.
Промолвит накормит Марина.
Смиренная всегда Пелагея.
Всегдашняя суета Кристина.
Вправое устоять Зиннона.
Обещать не солгать Софья.
Черные глаза Улияна.
Воровской взгляд Хавронья.
Поскакать да поплясать Афимья.
Красна да румяна Маланья.
Хорошая похотка Настасья.
Приятна в любви Наталья

[там же: 189].

Во многих древних культурах имя считается настоящим духовным центром человека, в котором в символической форме скрывается его сущность [Tartamella 1995: 21–22]. З. Фрейд обращал внимание на подобное восприятие имени детьми [Freud 1989: 94]. П. А. Флоренский, говоря о детской речи, заметил, что ребенок до трех с половиной лет «не употребляет слово Я, а говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени» [Флоренский 1999: 208]. В этом автор усматривает «наиболее близкое к райскому, наиболее далекое из естественных состояний сознания», в то время как начало использования в детской речи Я символизирует «первый прорыв первородного греха» [там же].

В настоящее время имя (по крайней мере, в европейских культурах) утратило свою магическую значимость, но приобрело важное юридическое и бюрократическое значение [Lessico universale italiano XV: 361], хотя идея *omen, nomen* продолжали волновать авторов и в XX веке. Так, П. А. Флоренский считал, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 1999: 211], а итальянский исследователь В. Тартамелла связывает фамилию с судьбой ее носителя, утверждая, что

фамилия значительно влияет на поведение человека и, как следствие, на его статус в обществе. Указанный автор заявляет о создании новой научной дисциплины – психогномии [psicognomia], которая призвана заниматься влиянием фамилии на нашу интеллектуальную, профессиональную и общественную жизнь [Tartamella 1995: 130 ff.]. Издаются словари и работы, посвященные взаимосвязи между именем и характером человека. См., например: [Ведина 2000; Минцлов 1995; Хигир 1995; Величко 1955].

Антропонимическая система каждого языка образует замкнутую систему и имеет свои правила функционирования. «Равно как и остальные элементы лексики, имена собственные не могут быть правильно интерпретированы и с пользой изучены вне их системы», – пишет К. А. Мастрелле [Mastrelle 1977: XI]. Русское имя или фамилия, попадая, например, в стихию итальянских имен, не только проходит фонетическую и грамматическую обработку, но и адаптацию функциональную. Предположим, что русская женщина по имени Светлана Ивановна Петрова вышла замуж за итальянца по фамилии Rossi и живет в Италии, ее полное имя будет зарегистрировано следующим образом: Svetlana Petrova in Rossi. Соответственно, отчество будет утрачено, утрачены будут и все диминутивы типа Светочка, Светланка и пр.; скорее всего в обычной жизни ее будут называть Sveta или Lana, поскольку имя Светлана (в итальянской огласовке Zvetlana) довольно сложное для итальянца.

Предлог *in* перед фамилией мужа в составе фамилии замужней женщины (Petrova in Rossi) используется лишь в некоторых официальных документах, например в паспорте, а в водительском удостоверении может стоять лишь фамилия *Petrova*. Предлог *in* обычно опускается, и полное имя замужней женщины выглядит в списке сотрудников факультета, следующим образом: *Petrova Rossi dottoressa Svetlana*. Дети же наследуют фамилию отца.

Имена собственные не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах. Так, имена известных людей, писателей, библейских персонажей и литературных

героев являются достоянием всего человечества, и в то же время, например, фамилия Пушкин для русского человека имеет иной культурный и языковой «вес», чем для остального человечества, поскольку это не просто великий национальный поэт, имя которого окружает нас с детства в виде названий улиц, площадей, поселков, музеев, библиотек, но и герой некогда популярных анекдотов, атмосфера которых прекрасно воспроизведена Д. Хармсом. Фамилия поэта используется в речевых актах отказа: Кто это будет делать? Пушкин? Эта фамилия встречается и в речевых актах уличения: А это кто сделал, Пушкин? Ср. примеры из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: “А за квартиру Пушкин платить будет?” или: “Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?”»... В «новоязе» новых русских эта фамилия приобрела адвербиальное значение, что-то вроде «отлично», как в следующем диалоге: – Как дела? – Пушкин! (из записи устной речи). Эта фамилия, как уже отмечалось, может прономинализироваться по линии неопределенности и означать и «неизвестно кто, неизвестный человек»: «Этот Пушкин в России всегда виноват...» (неизвестно кто, нет виноватых. – Ю.Р.) (Н. Аришина. Томилино // Новый мир, 1999, № 9).

Антропонимы, с одной стороны, будучи существительными, обладают целым рядом его грамматических свойств, но проявляются они весьма своеобразно. Рассмотрим отношение антропонимов к категориям рода и числа.

Во-первых, категория рода в сфере личных имен имеет иную природу по сравнению с именами нарицательными: «Имя лица – это имя, в котором категория рода в индоевропейских языках имеет лексико-грамматическое значение, т. е. указывает на реальное различие мужского или женского пола. Имя вещи – это имя, в котором категория рода имеет грамматическое значение, т. е. указывает лишь согласовательный класс слов в языке», – справедливо считает Ю. С. Степанов [1972: 107]; более того, он предполагает в синхронном плане «первичность рода и родовых противопоставлений в именах лиц и вторичность по отношению к ним родовых противопоставлений в именах вещей» [там же].

Во-вторых, итальянские личные имена четко дифференцированы по линии рода и, в отличие от большинства нарицательных имен, регулярно образуют родовые пары: Mario / Maria, Giovanni / Giovanna, Paolo / Paola, Pietro / Pietra, Luigi / Luigia (Luigina), Giuseppe / Giuseppa (Giuseppina). Для русского именика родовые пары имен – явление довольно редкое: Александр / Александра, Валентин / Валентина, Валерий / Валерия. Подробнее проблема родовых пар будет рассмотрена ниже, здесь же хотелось бы привлечь внимание к нейтрализации рода у дериватов, образованных от подобных имен: *Саша, Шура, Валя, Валька, Валерочка* с равным правом могут относиться как к мужчине, так и к женщине; в зависимости от соотношенности с родом меняются их синтаксические свойства (*Саша пришел, Саша пришла*). В этом отношении данные формы напоминают местоимения *я, ты*.

Что касается итальянских фамилий, то категория рода у них нейтрализована: одна и та же фамилия (Rossi) может принадлежать как мужчине, так и женщине (в то время как нарицательные имена всегда относятся либо к мужскому, либо к женскому роду). Ср.: Mario Rossi / Maria Rossi. Тем не менее, изолированные фамилии могут дифференцировать пол, при этом фамилия мужчины остается без дополнительных показателей, в то время как фамилия женщины сопровождается определенным артиклем: Rossi / la Rossi, Moravia e la Morante, Sciascia e la Conti. В сфере нарицательных имен подобной корреляции – нулевой артикль в мужском роде и определенный в женском – тоже не наблюдается. Избирательное отношение к артиклю проявляют и личные имена: в литературном итальянском языке артикль может сопровождать лишь женские имена (в диалектах картина иная): la Maria, la Nella, при этом возникает оттенок близости, доверия.

Большая часть русских фамилий изменяется по родам (Иванов / Иванова, Ильин / Ильина). Фамилии, не образующие пар по линии рода, имеют двойное отношение к этой категории: одни из них нейтрализованы в этом отношении (Хитрово, Дурново, Шульга), другие (Бондарь, Супрун) реализуют эту категорию в парадигме склонения: поговорил с Иваном Бондарем и с Еленой Бондарь, то есть мужские фамилии такого типа склоняются,

женские – остаются неизменными. Отметим также, что русские и нерусские мужские фамилии на *-ин* имеют разные окончания в форме творительного падежа, соответственно, *-ым*, *-ом*: Пушкиным, но Чаплином. Подробнее об особенностях склонения русских фамилий см.: [Калауцкая 1984].

Кроме того, мужские фамилии на *-ов* склоняются в ед. ч. как существительные (за исключением творительного падежа, где используется флексия прилагательного: Иванов, Иванова, Иванову, Иванова, Ивановым, об Иванове), а женские – как прилагательные (за исключением именительного и винительного падежей, имеющих форму существительного: Иванова, Ивановой, Иванову, Ивановой, Ивановой, об Ивановой). Во множественном числе мужские и женские фамилии склоняются одинаково, принимая в им. падеже форму существительного, а в остальных – прилагательного. Таким образом, во-первых, два слова, образующие соотносительную пару по линии рода, обнаруживают в парадигматическом отношении различную категориальную принадлежность, во-вторых, элементы другой категориальной принадлежности содержатся и в пределах форм изменения фамилий как в единственном, так и множественном числе. Итак, своеобразная реализация категории рода русских фамилий тоже очевидна.

Не менее своеобразно реализуется и категория числа фамилий. Если множественное число нарицательных имен (столы, учителя) обозначает неопределенное множество, то множественное число фамилий, как правило, обозначает ограниченное множество: «Ивановы» – это либо все члены семьи, либо муж и жена. Кроме того, итальянские фамилии – в отличие от русских – во множественном числе различаются по роду. В результате, *I Santini* может означать: все члены семьи, муж и жена, мужчины этой семьи, а *le Santini* – только женщины. Форма множественного числа фамилии как в русском, так и в итальянском языках может переводить имя собственное в имя нарицательное по линии метафоры с негативным оттенком: реформы гайдаров и черномырдиных; *la politica degli Andreotti e dei Forlani*.

Особое отношение у антропонимов и к категории артикля. Так, итальянское имя сочетается с определенным и неопреде-

ленным артиклями, не образуя оппозиции по линии категории не/определенности. При этом в литературном языке определенный артикль сочетается лишь с женскими именами: *La Maria, La Nella*, внося оттенок близости, доверия [Renzi 1988: 393–394]. На севере Италии артикль сочетается и с мужскими именами, тоже внося упомянутый выше оттенок.

Артикль при имени может быть знаком особой ситуации. Например, высказывание *Questo è il Gianni della signora Maria* следует понимать так: имеется два человека по имени *Gianni*, один из них – сын синьоры Марии, то есть артикль маркирует ситуацию противопоставления. На русский язык это высказывание следовало бы перевести с использованием противопоставительного союза «а»: *А это Джанни синьоры Марии*; поэтому нельзя согласиться с Л. Ренци в том, что здесь имеет место переход имени собственного в нарицательное [ibid.: 391]. Возможно и другое – региональное – прочтение данного высказывания: в северных диалектах, где артиклевая форма мужского имени вполне обычна, артикль при имени не является сигналом речевого акта противопоставления.

Если имя сочетается с термином родства в единственном числе, то артикль факультативен: *la nonna Elena – nonna Elena; lo zio Luigi – zio Luigi*. Аналогично в сочетаниях со словами *papa* и *re*: *il papa Giovanni XXIII – papa Giovanni XXIII; il re Vittorio Emanuele – re Vittorio Emanuele*. Со словом же *regina* артикль обязателен: *la regina Elena*. Артикль никогда не используется в сочетаниях *don Luigi, donna Rosa, Sant' Alessio, frate Giovanni, suor Antonia, sorella Antonia, maestro / mastro Andrea* (центр и юг Италии.)

В итальянском языке антропоним может сочетаться также с неопределенным артиклем, который выступает как специализированное средство транспозиции антропонима в нарицательное существительное по линии метонимии (*un Raffaello – un quadro di Raffaello, un Michelangelo – una scultura di Michelangelo, un Luigi XVI – un mobile in stile Luigi XVI, un Modigliani – un quadro di Modigliani, un Manzù – una scultura di Manzù*) или метафоры (*questo ragazzo é un novello Picasso – этот парень второй Пикассо*).

Как в итальянском, так и в русском языке имена собственные, в отличие от имен нарицательных, обладают ограниченной сочетаемостью с прилагательными. В частности, «имена собственные в силу своей референциальной природы не допускают после себя адъективных синтагм» [Nespor 1988: 430]. Исключение составляют два случая. Во-первых, когда имеется необходимость полной идентификации человека при наличии нескольких лиц с одинаковым именем: *Di che Paolo stai parlando? Paolo piccolo o Paolo grande? О каком Павле ты говоришь? О Павле маленьком или Павле большом?* Во-вторых, когда речь идет о постпозитивных эпитетах-прозвищах, которые присоединяются к существительному при помощи артикля: *Michele il Bravo, Pepino il Breve, Alessandro il Grande* [Renzi 1988: 398]. Ср. также в русском языке: Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Великая. Как видим, в русском языке, где стандартной позицией прилагательного по отношению к существительному является препозиция, в рассматриваемых ситуациях тоже наблюдается постпозиция прилагательного.

Препозитивные прилагательные сопровождаются артиклем: *No incontrato la simpatica Chiara; Lo stupido Antonio non può averlo fatto.* В русском языке в таких случаях перед прилагательным тоже бывает необходим дополнительный детерминатив (например, притяжательное или указательное местоимение): Я встретил *нашу* симпатичную Машу, *Этот* глупый Иван ничего не делает.

Имена сочетаются с местоимением *questo* (реже *quello*): *Che intelligente, questo Mario! Che stupida, questa Maria!* В таких сочетаниях «местоимение не выполняет своей дейктической функции, так как референт четко определен, напротив, его функция заключается в том, чтобы сфокусировать внимание на референте, о котором эмфатически высказано положительное или отрицательное мнение» [Calabrese 1988: 628]. На наш взгляд, дейктическая функция местоимения здесь утрачивается потому, что оно становится структурно необходимым, как и в русском языке: Какой умный этот Иван!, Какая глупая эта Мария!

Отметим также деривативные особенности антропонимов, отличающие их от остальных существительных. Наричательные

имена довольно редко образуют краткие формы (типа «спец» < специалист, «фак» – факультет); между тем в системе личных имен, особенно русских, это скорее правило; при этом краткие формы часто образуются от супплетивных основ: Владимир > Володя, Вова, Влад; Александр > Саша, Саня, Шура. Именно от этих форм обычно образуются диминутивы, пейоротивы и пр.: Володенька, Володька, Вовка, Вован, Вовик; Сашок, Санек, Сашка, Шурик. Итальянские краткие имена могут использоваться как полные имена; одни из них восходят сразу к нескольким онимам: Aldo < Rinaldo, Romualdo, Capaldo, Ubaldo; Rina < Caterina, Marina, Onorina; другие – образовались от диминутивов: Gino/Gina < Luigino/Luigina, Angelino/Angelina; Dino/Dina < Armandino/Armandina, Bernardino/Bernardina (см. также ниже).

Совокупность всех форм антропонима – полный антропоним и его компоненты, то есть имя, фамилия, отчество (в русском языке), гипокористические и уменьшительные образования – образует функциональную парадигму, то есть один и тот же человек в разных ситуациях может быть назван с использованием одной из указанных форм: *Владимир Петрович Иванов / Иванов Владимир Петрович / Владимир / Володя / Вова / Владимир Петрович / Петрович / Иванов / Вовка* и т.д.; *Francesco Giuliani / Giuliani Francesco / Francesco / Giuliani / Franco / Fra / Cesco*, есс. Перечисленные способы именованья одного и того же денотата являются своеобразными ситуативными синонимами; в сфере нарицательных существительных подобных отношений нет. Полный антропоним в последовательности «*имя – (отчество) – фамилия*» можно признать инвариантом, как выполняющим ad hoc функцию называния человека; остальные формы – социально-ситуативные варианты антропонима.

Обычный антропоним, как это принято считать, не обладает семасиологической функцией, но это не совсем так. Антропоним, будучи именем существительным, постоянно «отвлекается» «от своей прямой задачи – обозначить, «дать этикетку» индивиду и «обрастает» целым рядом семасиологических функций. Во-первых, личное имя (по крайней мере в рассматриваемых языках) связано с обозначением пола: «Слово «Анна» обозначает женщину («лицо, противоположное по полу мужчине»),

носящую имя «Анна». То есть собственное имя служит конкретизации общего понятия по признаку наименования» [Чеснокова 1996: 104]. Во-вторых, имя содержит сему «национальность» (Петр, Pietro, Pedro) и может стать когнитивным концептом «типичный представитель нации»: Mario Rossi – итальянец, Pedro López – испанец, John Bull – англичанин. Более того, имена могут содержать семы самых различных эмоций – от ласкательности, уменьшительности и увеличительности до презрения. Ср. дериваты итальянского имени Carlo: *Carlino, Carletto, Carlone, Carlaccio*. В русских дериватах имени тоже фиксируются самые разнообразные коннотации (ср.: *Вова, Вовик, Вовка, Вовчик, Володя, Володька, Вован* и др.), среди которых важное место занимают социальные, например происхождение. Так, один из ранних рассказов М. Булгакова называется «Лидка»; в этом ониме заложена особая модальность, отражающая низкий социальный статус девочки – крестьянской дочери; если бы героиней рассказа была девочка более высокого происхождения, то форма «Лидка» вряд ли была возможной. Напротив, в рассказе И. Бунина «Зойкина любовь» суффикс *-ка* имплицитно отражает модальность фамильярности, «своего» отношения к недоразвитой профессорской дочке.

Вот что пишет по этому поводу Б. А. Успенский: «Будучи лишены самостоятельного значения, имена – призванные, вообще говоря, *называть*, но не значить, – могут быть, тем не менее, чрезвычайно значимы. Для окружающих они оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать как *социальный знак*, как социальная характеристика человека – это относится как к личному, так и фамильному имени» [Успенский 1989: 337]. Имя может быть настолько значимым, что способно влиять на жизнь ее носителя. Б. А. Успенский приводит в качестве иллюстрации случай несостоявшегося брака в аристократической среде из-за простонародного отчества невесты – Пахомовна, а также факт сокрытия настоящего имени дочери знатного купца, данного ей священником при крещении (Акулина), которое занижает ее социальный статус, поэтому в семье ее называют Александрой

[там же: 337–338]. Вот еще примеры из романа П. Д. Боборыкина «Китай-город» (Москва, 1957):

Его действительно звали *Федул*, но он переименовал себя потом в *Теофиля*.

Ее звали *Тася* – уменьшительное от Таисии. Это мало дворянское имя ей дали по прихоти отца, который «открыл» его в святцах.

– Пускаюсь в выучку к *Титам Титычам* (то есть к купцам. – Ю.Р.), – сказал Палтусов нотой, в которой сквозила совесть.

– Вот что! – протянул приятель. – Что ж! штука весьма интересная. Мы не знаем этого мира. Теперь новые нравы. Прежние *Титы Титычи* пахнут уже дореформенной полосой.

Что касается фамилий, то известно, что фамилии типа *Рождественский*, *Вознесенский*, *Успенский* – клерикальные фамилии; фамилия *Садовской* – дворянская, в отличие от *Садовский*, которая не воспринималась как дворянская [там же: 343]. Фамилия известного советского поэта (и его сына-кинорежиссера) *Михалков* на самом деле – дворянская и должна произноситься *Михáлков*; простонародное произношение (перемещение ударения на последний слог) объясняется стремлением ее носителей «к социальной мимикрии» [там же: 350]. Ср. также пример из названного романа Боборыкина:

Родители его прозывались *Сыромятниковыми*. Это его немного стесняло; зато у него был французский язык.

По свидетельству Г. Ф. Ковалева, еще основоположник русской антропоники Е. А. Болховитинов в 1813 г. в статье «О личных собственных именах у Славеноруссов» отмечал, что древнерусский именовник довольно четко дифференцировал общество на элиту (князь, бояре, старшая дружина) и остальную массу. Имена знати в Древней Руси, как правило, представляли собой композиты с элементами *-мир-*, *-слав-*, *тверд-*, *добр-*, *яр-*, *мсти-*, *все-*; народные же имена были разнообразны как по форме, так и по содержанию [Ковалев 1992; 2002: 232–233]. Об этом пойдет речь в следующем разделе.

В свете сказанного известно высказывание К. Маркса («Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17:

113]), на долгие годы предопределившее в отечественном языкознании отношение к именам собственным, представляется неточным, поскольку не учитывает ни пола, ни национальности, ни нейтральности именования (ср. ит.: *Giacomo* – с одной стороны; *Somo*, *Laro*, *Russio* – с другой), ни социальной характеристики имени. Более того, для П. А. Флоренского указанное имя – *Яков* – имеет некий зловещий смысл: «От древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. /.../ Разумеется, таково имя *Яков* в масштабе историческом; в личном же – оно не достигает этой грандиозности» [Флоренский 1999: 200–201]. Флоренский имеет в виду, помимо праздника святого *Якова*, во время которого в Чехии совершается приношение в жертву козла, деяния тамплиеров, создателем ордена которых был *Яков Моле*, а также *якобинизм* (*якобинство*), как идеологию французской революции, вдохновителем которой был *Жан-Жак Руссо*.

Закрепляясь в речи за конкретным лицом с его индивидуальными свойствами, имена собственные превращаются в индивидуальные имена собственные с уникальным набором признаков и богатым содержанием [Чесноков 1967: 154–158; Рассел 1957: 336–343], как, например, в распространенных в разговорной речи высказываниях типа *Света есть Света*, где имя собственное в присвяточной части обозначает характеристику человека, известную окружающим (*Света есть Света, она всегда опаздывает*). Еще богаче содержание имен героинь известных произведений: *Анна* из романа «Анна Каренина», *Мария* из поэмы «Полтава», *Ольга* из романа «Евгений Онегин» [Чеснокова 1996: 105]. Некоторые из таких имен превращаются в имена нарицательные, становятся яркими когнитивными концептами: *Плюшкин* – это образ болезненно скупого человека, *Иудушка* – выродок, для которого не существует ничего святого, *Сусанин* – ироническое обозначение проводника, *дон Жуан* – любвеобильного повесы, а *дон Кихот* – благородного, бескорыстного человека, *Чичиков* – предприимчивого человека: Я думал, из вас *Чичиков* выйдет, а вы – человек-рубашка (Боборыкин). Другой гоголевский персо-

наж – *Акакий Акакиевич* – когнитивный концепт маленького человека.

Личные имена имеют в национальном пространстве устойчивые ассоциации и «эталонных» носителей. Так, по данным психолингвистического эксперимента, проведенного Е. Н. Колодкиной и Т. В. Сунцовой, имя *Святослав*, с одной стороны, идентифицируется участниками эксперимента (студентами Вятского педагогического университета) через слово *князь* или произведение, где этот князь упоминается (Слово о полку Игореве), с другой стороны, через фамилию *Рихтер*; имя *Татьяна* ассоциируется с именами *Евгений Онегин*, *Пушкин*, *Ларина*, также со святой *Татьяной* – *Татьянин день*; имя *Александр* – с *Македонским* или *Пушкиным* ([Колодкина, Сунцова 2000: 49–50]; см. также: [Ковалев 2002: 229]).

Итак, как с точки зрения семасиологической, так и грамматической антропонимы предстают как совершенно особый класс слов: «В ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [Лотман, Успенский 1971: 292].

Несмотря на большое количество работ по русской и итальянской ономастике, целый ряд аспектов изучения антропонимов остается за пределами внимания исследователей. Речь идет, в первую очередь, об элементах когнитивной парадигмы – *антропоцентризме*, *функционализме* и *экспансионизме*. Подход к антропонимам с позиций антропоцентризма предполагает анализ имен и фамилий с целью познания его носителя. Функционализм заключается в изучении всего круга функций и прагматики антропонимов, а экспансионизм – в выходе в культурологию и в социокультурную сферу онтологии имен. Будет задействован и принцип *экспланаторности*, заключающийся в подчеркнутом стремлении к объяснению рассматриваемых языковых явлений. Будет показано, что имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание, место

человека в мире и его языковую картину. На наш взгляд, имя собственное, как и другие языковые явления, позволяет открыть «доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» ([Кубрякова 1994: 7]; о когнитивной парадигме в языкознании см. также: [Демьянков 1994: 19–20; Берестнев 1997: 47–48]), а также прояснить осмысление человеком своего места в социуме. Наконец, совершенно не изучены вопросы, связанные с участием антропонимов в формировании языковой картины мира и с отражением в антропонимических системах меняющейся картины мира в целом.

Более конкретно задачи изучения имен и фамилий с этих позиций можно сформулировать в виде следующих вопросов: Как человеку дается имя? Как функционирует его имя (фамилия) в течение его жизни, в разных социумах, какова прагматика различных форм имени? В каких случаях и почему имя/фамилия сопровождается словами *don, donna, signor, signorina, dottore, commendatore* и под., какова прагматика подобных сочетаний? В каких случаях имя используется с артиклем? Какие национально-культурные особенности наблюдаются в функционировании имен известных людей, литературных и библейских персонажей? Чем объясняются различия в национально-культурных интерпретациях этих имен? Центром каких ассоциативных созвездий является то или иное имя/фамилия? Эти и многие другие вопросы будут являться объектом предлагаемых очерков.

Изучение антропонимии способно обогатить и другие гуманитарные науки – социологию, историю, демографию, правоведение, этнографию, культурологию. Более того, итальянский генетик А. Пьяцца, сравнив наследственную передачу фамилии с наследственными генетическими признаками, которые передаются из поколения в поколение, пришел к выводу о том, что, передаваясь по отцовской линии, итальянская фамилия ведет себя как генетический признак, контролируемый хромосомой Y, то есть половой хромосомой, которая, будучи соединенной с хромосомой X в ядре любой нашей клетки, отличает мужской пол от женского (у которого пара половых хромосом представлена в виде XX). Таким образом, утверждает А. Пьяцца, законы, которые регулируют распределение итальянских фамилий, дол-

жны быть идентичными тем, которые регулируют распределение генов, находящихся в составе хромосом Y. В частности, фамилии тоже подвержены действию закона «естественного отбора» – в случаях бесплодия, наличия в семье только дочерей и т. п. Наконец, заявляет А. Пьяцца, при исследовании миграционных процессов не нужно изучать под микроскопом образцы крови: достаточно сравнить число фамилий, существующих в данном регионе, с числом населяющих ее жителей (Piazza, La Stampa, 4.11.1987). В. В. Покшишевский показал, что миграционные процессы можно изучать и на материале русских фамилий [Покшишевский 1965].

В основе предлагаемой работы лежит «живой» иллюстративный материал, полученный в результате анкетирования и работы с информантами; используются также данные словарей и специальных работ по антропонимике. Иллюстрация тех или иных положений примерами из художественной литературы не входила в наши задачи, поскольку антропонимия художественного текста – особая область, со своими законами функционирования. Исследования антропонимии художественного итальянского текста – актуальная проблема романистики.

Глава II

Из истории становления итальянской и русской антропонимических систем в свете их отношения к картине мира

Антропонимические системы весьма разнообразны и в их современном виде являются результатом многовековой эволюции. Будучи важнейшим компонентом культуры народа, антропонимы в то же время – составная часть языка, в которой ярко проявляется отношение народа к внешнему миру, к месту в нем индивида. А. В. Сулова и А. В. Суперанская пишут по поводу русских фамилий: «Русские фамилии – это энциклопедия русского быта, истории этнографии. Они хранят и всегда будут хранить в своих основах память о событиях, предметах, явлениях, свойственных тем эпохам, когда они создавались, от древнейшей (*Смердов, Князев*) до новейшей (*Первомайский, Октябрьский*)» [Сулова, Суперанская 1991: 174]. Это высказывание справедливо и к другим компонентам антропонимической системы.

Несмотря на то, что итальянская антропонимия является, так сказать, прямой наследницей латинской, ее дух совершенно иной. Роль личных имен (*praenomen*) в Риме была назначительной – их было около 20: *Aulus, Appius, Gaius, Gnaeus, Decimus, Caeso, Lucius, Mamercus, Marcus, Manius, Numerius, Publius, Quintus, Servius, Sextus, Spirius, Titus, Tiberius* [Рылов 2000: 12]. Напротив, более важную роль играли родовые имена (*nomen* – их было около 300), при помощи которых граждане Рима связывались с государством; именно поэтому, по мнению Т. Моммзена, сенат состоял из 300 членов, конница из 300 всадников, а пехота из 3000 пехотинцев [Моммзен 1993: 12–18]. В римскую антропонимическую систему входили также *cognomen* (компонент, уточнявший ветвь рода) и иногда *agnomen* – прозвище, которое присваивалось его носителю за заслуги или в связи с какими-либо событиями в его жизни, как в случае Сципионов, имевших прозвища *Africanus, Asiaticus, Hispanicus*. Полный римский антропоним выглядел следующим образом: *Marcus (praenomen) Tullius*

(nomen) *Cicero* (cognomen); *Publius Cornelius Scipio Africanus* (agnomen) (подробнее о латинской антропонимии см.: [Рылов 2000: 12–14].

Христианство и, как следствие, смена идеологии и отношения к миру вызвали и смену антропонимических традиций. Римляне, принимая новую веру, сохраняли свои языческие имена. Постепенно формировался репертуар христианских имен, взятых из Ветхого (*Daniele, Geremia*) и Нового Заветов (*Petrus, Paulus, Johannes, Andrea, Maria*), к ним присоединялись имена христианских мучеников: *Stephanus, Laurentius, Agnes, Perpetua, Cyrgianus* и др., а также собственно христианские имена типа *Renatus, Paschuasius, Natalis*. Эти имена добавлялись к полному имени в качестве четвертого компонента – агномен. Со временем данный компонент становится наиболее важным и, наконец, единственным. Это произошло в V веке [Dizionario ecclesiastico 1955, II: 1153]. Имена стали ориентироваться, как уже указывалось, на связь «с миром невидимым и священным» [Bortolami 1966: 439–440]. Произшедшая переориентация в картине мира, таким образом, отразилась, и на антропонимической системе: ориентация индивида на род и государство в Древнем Риме сменилась ориентацией на Бога. Тем не менее, языческое отношение к имени – как к неотъемлемой части личности, ее сути – сохраняется довольно долго.

Использование одного имени в общественной жизни создавало неудобства, и такая ситуация не могла продолжаться долго. Тем более, что на Аппенинском полуострове к XI веку христианская ономастика переживала глубокий кризис: мода способствовала распространению нескольких имен (*Johannes, Petrus, Paulus, Andrea* и некоторых других), вытеснивших большую часть именника, в котором в VIII–XI вв. преобладали германские имена [Lessico universale italiano 1975, II: 1153]. Единственным дифференцирующим элементом в составе антропонима долгое время был патроним (отчество) – имя отца, присоединяемое в родительном падеже или при помощи предлога *de*: *Johannes Petri, Johannes de Pietro*. Из патронимов и образуются первые фамилии в современном смысле слова. «Важнейшим моментом в процессе образования фамилий был переход личного компонента

имени в наследуемый: когда, например, Бранкалеоне, римский сенатор в 1255 году вместо того, чтобы называть себя *Brancaleone di Brancaleone di Andolò*, называет себя просто *Brancaleone di Andolò*, можно говорить о рождении фамилии», – писал Б. Migliorini [Migliorini 1927: 38].

Первые фамилии появились в Венеции в IX веке. Это не было случайностью; именно Венеция первой вступила на путь самоуправления, став коммуной (городом-государством). Фамилия возникла на том этапе развития общества, когда индивид и общество одинаково испытывают в ней потребность: индивид благодаря фамилии, обеспечивающей его полную идентификацию в обществе, непосредственно включается в государственные структуры, а государству, в свою очередь, легче осуществлять контроль над своими гражданами, если они имеют фамилии. «Знаменосцами» в использовании и насаждении фамилий были нотариусы, служащие судебных органов и чиновники. Фамилии появляются вначале у знати, а затем у горожан и крестьян [Tartamella 1995: 44–45], то есть в социально значимой последовательности, отражающей возможность непосредственного включения индивида, как представителя определенной семьи, в общественную жизнь. Фамилия, таким образом, начинает связывать три фактора: индивида, семью и государство [Migliorini 1927: 37]. И здесь антропонимы – в данном случае фамилии – образуют часть картины мира, в которой обозначено место индивида в обществе.

В других регионах Италии фамилии появляются позднее; например, в Болонье – в первой половине XIII в. [ibid.: 38]. В процессе «кристаллизации» фамилий важная роль принадлежит католической церкви. Тридентский собор 1563 года санкционировал обязательность регистрации при крещении не только имени ребенка, но и его фамилии. Это постановление окончательно закрепило использование фамилии. Фамилия становится практическим инструментом запрещения кровосмесительных браков [Tartamella 1995: 51].

Полный итальянский антропоним состоит из имени и фамилии: *Mario Rossi*, *Maria Rossi*. Эта базовая модель может быть расширена за счет дополнительного имени: *Giovanni Battista Innocenti*, *Maria Antonia Bianchi*. Двойные имена – характерная черта

итальянского именника, фиксируемая словарями личных имен. Имеются и двойные фамилии; их обычно носят усыновленные дети (первая фамилия – усыновителя, вторая – отца): Rossi Napoletano, Mea Ferrari, Greco Giannini. Двойными фамилиями пользуются также замужние женщины, вторая фамилия (фамилия мужа) при этом вводится предлогом *in*: Chiara Giuliani *in* Rossi. Таким образом, различные формы фамилии оказываются социально значимыми, отражают положение индивида в обществе.

Обычай давать сложные имена возник в Испании и преследовал две цели: прагматическую (дифференцировать частотное личное имя) и религиозную – предоставить носителю имени более одного святого покровителя. Церковь благосклонно относилась к этому обычаю. В настоящее время сложные имена даются всё реже. Как правило, в повседневной жизни носитель сложного имени пользуется первым. Именно первое имя фигурирует в различного рода списках. Например, вместо полного имени *Alessandro Libero* Rossi, зафиксированного в удостоверении личности, в списке студентов, записавшихся на экзамен, может значиться лишь Rossi *Alessandro*; в студенческой среде его называют Alessandro, дома – Libero. Первое имя обычно используется и в электронных документах. Впрочем, сложные имена могут писаться слитно (образуя новое официальное имя), одно из них при этом выступает в усеченной форме. Ср.: Michele Angelo – Michelangelo, Maria Rosa – Marirosa.

В Италии изменение имени и фамилии может быть разрешено лишь декретом правительства. Изменение имени было запрещено в Италии еще в 1555 г. Энрико II. Этот запрет не касается пап: обычно папы при избрании меняют имя, данное при крещении. Данный обычай восходит к X в. Первый папа, поменявший имя – Ottoviano dei Conti di Tuscolo, будучи избранным папой в 955 г., он захотел называться Giovanii XII. С тех пор лишь немногие папы не меняли своего имени: Adriano VI – 1522 г., Marcello II – 1955 г. Чаще всего папа выбирает себе имя в честь какого-либо святого, особо им почитаемого, либо в честь папы, который в свое время назначил его кардиналом [Dizionario ecclesiastico 1955, II: 1153].

В Италии к настоящему времени сложились своеобразные традиции в сфере именования. В частности, представляется удивительным тот факт, что в центре католического мира, где с давних пор было принято при крещении нарекать ребенка именем какого-либо святого, были и остаются возможными отступления от этого правила, заключающиеся в использовании в качестве официального личного имени самых разнообразных образований, начиная от гипокористических форм, кончая фамилиями и топонимами.

Так, широко распространены в качестве официальных имен образования типа Reno/Rena, Gino/Gina, Lino/Lina, Pino/Pina и др. Святых с такими именами нет, более того, зачастую невозможно установить исходное имя, к которому они восходят: Reno может быть с равным правом производным от Loreno, Moreno, Nazzareno, а Gino – от Luigino, Biagino, Giorgino, а также Angelino, Giovannino. В качестве официальных имен в итальянском социуме фигурируют также имена, изобретенные авторами литературных и музыкальных произведений: Desdemona, Otello, Jago, Aramis, Aida, Radomes и др.

Итальянский именник всегда живо реагировал на события в обществе. Так, во времена Рисорджименто существовала мода на использование в качестве личных имен фамилий героев этого движения: Garibaldi (женский вариант – Garibaldina), Menotti, Ricciotti, позднее – фамилий революционеров, политических деятелей, ученых: Marat, Robespierre, Lenin, Stalin, Marx, Engels, Lincoln, Washington, Darwin. Имена-топонимы давались детям в честь какого-либо знаменательного события, произошедшего в том или ином месте: Varna (мужской вариант Vagno) – в честь болгарского порта Варна, где дислоцировался флот союзников (Англии, Франции и Королевства Сардинии), сражавшихся против России во время Крымской войны (1853–1854); Volturno – река, где состоялась решающая для Гарибальди битва. Прибегая к подобным способам именования ребенка, родители выражали свое отношение к тем или иным событиям.

Чрезвычайно любопытен тот факт, что наиболее распространенные имена подобного типа имеют «свой день» в католическом календаре; при этом причина назначения того или иного

дня для чествования имени совершенно не ясна. Так, итальянцы, носящие имена Otello, Desdemona, Jago, отмечают свои именины соответственно 25, 26, 27 ноября. 1 апреля – именины Аиды; библейское имя Noemì, которого нет в Римской Мартирологии, отмечается 14 или 15 декабря; мифологическое имя Diana – 10 июня; мужское имя Plinio, восходящее к латинской родовой фамилии (nomen) – 23 ноября.

Подробнее вопросы функционирования имен и фамилий будут рассмотрены ниже, но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что способы называния человека в итальянском социуме «вписываются» в картину мира, определенным образом отражая социальную ситуацию новорожденного или устремления его семьи.

Итак, в Италии, несмотря на сильное влияние католической церкви, существовала значительная свобода в наречении детей светскими именами, особенно в XIX и XX вв. В этом коренное отличие, например, от Испании, где существовала жесткая регламентация в этой сфере.

Тем не менее, в современном итальянском законодательстве тоже зафиксирован ряд ограничений, касающихся именованья ребенка. Так, новорожденному нельзя присваивать имя живых родителей, а также живых братьев и сестер. В России, как известно, подобных ограничений нет; сочетания типа *Иван Иванович*, а также одинаковые имена у родных братьев или сестер – явление если не частое, то вполне возможное у русских. Эта традиция имеет давние корни. Ср. приводимые С. И. Зининым данные XVIII века: «Написанный в прежнюю перепись Иван Хромов 62 л., у него дети Иван 38 л., Михайла 31 г., Иван же 28 л., Иван же 26 л., Андрей 17 л., Прокопей 14 л., Афанасей 8 л., Алексей 4 л., у Ивана среднего дети Иван же 5 л., Никифор 3 л., у Ивана малого сын Гаврило 2 л. 1763 г. (Иркутск)» [Зинин 1972: 96]. В самом факте не/возможности такого рода именованний отражается своеобразие национальных картин мира.

В настоящее время в Италии в качестве личного имени нельзя использовать также фамилию или географическое название (хотя, как было сказано, это было возможно в период между эпохой Рисорджименто и Второй мировой войной) или имена непри-

личные, оскорбляющие религиозные и национальные чувства [Novissimo digesto italiano 1965, XI: 302–303].

Иначе складывалась антропонимическая ситуация на Руси. О дохристианской антропонимии мало что известно. Можно предположить, что она обладала огромным корпусом имен, которые сохранялись и в христианский период, поскольку до XVII в. на Руси было принято иметь два имени – крестильное и мирское: в крещении Иосиф, в миру Остромир [Унбегаун 1995: 12–13]. Мирские имена своим происхождением уходят в глубокую языческую древность. Таким образом, в течение долгого времени наши предки, исповедуя христианство, которое навязывало чужую, иноязычную систему имен, следовали языческим традициям именования, сохраняли близкие и понятные имена. Эта привязанность отражает стремление сохранить ономастическую картину мира. И церковь, и государство боролись с использованием нецерковных имен. Так, Петр I специальным указом запретил употреблять их в официальных документах. Лишь когда христианские имена «обросли» ассоциациями агиографического, культурного, фольклорного, исторического характера, обрели краткие и диминутивные формы и стали восприниматься как русские, потребность в понятном имени отпала, а сами мирские (некалендарные) имена перешли, по мнению В. К. Чичагова [1959: 29], в разряд прозвищ. «Можно заметить, что только в XVIII в. фактически заканчивается период “обрусения” христианских имен», – пишет С. И. Зинин [1972: 65].

Посмотрим, что представлял из себя древнерусский именной. Словарь Н. М. Тупикова [1903] содержит около 5350 имен. Среди древнерусских имен важное место занимают имена, образованные от порядковых числительных до 10: Перва, Первой, Второй, Вторак, Третьяк, Четвертак, Пятой, Пятак, Шесток, Шестак, Семак, Осьмак, Девятой, Десятой. Такие имена указывали на порядок появления в семье ребенка и вписывались в его картину мира. У римлян в период империи подобные образования использовались в качестве прозвищ, позже – в качестве имен, в христианский период некоторые из них стали календарными благодаря канонизации раннехристианских святых с такими именами: San Primo, Sant'Ottavio. Этим объясняется их наличие

и в православном календаре (Прим, Октавий, Октавия) – при полном исчезновении из именника русских аналогов.

В именах содержались указания на внешний вид (Черныш, Черный, Бел, Беляй, Беляк, Сухой, Толстой, Малюта, Голова, Головач), поведение и характер (Бессон, Булгак, Молчан, Смеяна), обстоятельства и время рождения ребенка (Богдан, Бажен, Любим, Неждан, Нечай, Поспел, Вешняк, Зима, Мороз). Давались и «плохие», так называемые охранительные имена, как бы защищавшие от сглаза, болезней (Немил, Некрас, Неустрой, Ненаш, Беспута, Распута, Бяка, Злоба, Калуга 'грязь'). «Большой интерес представляют имена, связанные с животным и растительным миром: Волк, Кот, Жеребец, Корова, Трава, Пырей, Щавей (щавель), Ветка и др. Внимательное изучение их позволит прочесть еще одну страницу из жизни древних славян – раннеславянский тотемизм, верование в божественность отдельных растений и животных, очевидно, преимущественно тех, которые играли особую роль в жизни наших предков. Прямых свидетельств этой стороны их духовной жизни не сохранилось; имена должны помочь изучению этого исторического факта», – считают А. В. Сулова и А. В. Суперанская [1991: 44].

Из обширного корпуса приведенных древнерусских имен было всего несколько десятков распространенных, среди них Бажен, Баран, Белка, Белой, Беляй, Бессон, Богдан, Булгак, Бурой, Бык, Вешняк, Воин, Волк, Воробей, Ворон, Второй, Гневаш, Гоняк, Горяин, Губа, Девятой, Добрыня, Долгой, Дружина, Красной, Курбат, Лобан, Любим, Малыш, Меньшой, Молчан, Мороз, Неклюд, Некрас, Неустрой, Нехорошей, Нечай, Онтоман, Первой, Посник, Поспел, Путило, Пятой, Русин, Семей, Сокол, Суббота, Смирной, Суморок, Сухой, Старой, Толстой, Томило, Третьяк, Ушак, Черной, Чудин, Шарап, Шестой, Ширяй, Шумило, Ярец [там же: 46].

Особое место среди русских имен занимали княжеские имена – двусложные онимы типа *Святослав, Ярослав, Всеволод, Вячеслав, Мстислав, Ростислав, Твердислав, Ярополк, Святополк* и др., а также заимствованные имена *Олег, Ольга, Игорь*. Из древнерусских имен до наших дней дошли, помимо указанных выше, также *Борис, Глеб, Вадим, Владимир, Радомир* и др.

Многие из некрестильных имен использовались в качестве внутрисемейных, но могли выходить за пределы семьи и сопровождать человека в течение всей его жизни [там же: 44–45]. Некрестильные имена, по всей видимости, явление неоднородное; некоторые из них давались при рождении (например, имена типа *Первой*), другие – в 3 года или в 7 лет [Архипов 1989: 327]; при этом учитывались физические или моральные качества ребенка (*Булгак*, *Молчан*). Как указывалось, некрестильные имена со временем преобразовались в прозвища и по функции совпали с внесемейными именами, дававшимися человеку вне дома и семьи, помогавшими идентифицировать личность, то есть выполнявшими функцию прозвища *ad hoc*. Внесемейные имена-прозвища часто указывали на профессию, род занятий, внешность, характер: *Воевода*, *Пушкарь*, *Кузнец*, *Чернобород*, *Косолапый*, *Лихой*, *Долгой*, *Постник* [Суперанская 1998: 19–20; Архипов 1989: 823].

Как крестильные, так и мирские – семейные и внесемейные – имена послужили основой для образования основного корпуса русских фамилий, пройдя в большинстве случаев этап отчества.

Языческие имена, как указывалось, в христианский период сосуществовали с календарными. Из них в число календарных вошли, в основном, княжеские имена *Вячеслав*, *Владимир*, *Ольга*, *Борис*, *Глеб*, *Игорь*, *Святослав*, *Ярослав*, *Всеволод*, *Мстислав*. «При крещении князя и богатыри получали церковные имена и лишь впоследствии, при известных обстоятельствах, вновь звучали их дохристианские имена» [там же: 27]. Так, княгиня Ольга при крещении получила имя *Елена*, князь Владимир – имя *Василий*, его сыновья Борис и Глеб – *Роман* и *Давид*. «Любопытно, однако, что их христианские имена были забыты, и сейчас они известны как святые только под языческими именами. Произошло это довольно скоро. Уже в середине XI в. св. Владимир/Василий приводится церковью как Владимир» [Унбегаун 1989: 12].

Христианские имена еврейского, греческого и латинского происхождения проникли в русский ономастикон из Византии через южнославянское посредничество, пройдя морфолого-фонетическую адаптацию. Так, греческое окончание мужского рода *-ios* менялось в основном на *-ий*, а *-os*, *-es* – на редуцированный гласный (впоследствии ноль): *Anatolios*, *Iosephos*, *Ioannes* – Ана-

толий, Иосиф, Иван; окончание женского рода *-e'* меняется на *-ия*: *Нагһne'* – *Агһия*. Необходимость фонетической адаптации диктовалась наличием не только иносистемных фонем (*ф*), но и синтагматикой фонем: несвойственные русскому языку скопления гласных (*Иоанн, Лаурентий, Диомид, Дионис, Феодор, Иоаким*) элиминировались путем добавления эпентетических согласных или заменой на одинарный гласный (*Иван, Лаврентий, Демид, Денис, Федор, Аким*). При адаптации иноязычных имен происходили и другие фонетические процессы: выпадение безударного начального слога (*Исидор > Сидор, Илларион > Ларион, Галактион > Лактион*), диссимиляция (*Меркур > Меркул*), метатеза (*Флор > Фрол*), протеза (*Ксения > Оксинья, позже Аксинья*), труднообъяснимое смягчение согласных в ударном слоге (*Matrona > Матрёна, Methodeios > Нефёд*) и т. д. (см. также: [Архипов 1989: 328–330]).

Христианские имена оказали влияние на развитие системы фонем. Так, становление фонемы *ф* произошло благодаря именно заимствованным именам [Никонов 1969: 61].

Иногда происходил перевод имен, как, например, в случае греческих имен *Пистис, Элпис, Агапе* – *Вера, Надежда, Любовь*.

В период адаптации христианских имен к русской языковой системе действовала – помимо фонетической адаптации – и другая тенденция, заключающаяся в поиске понятной внутренней формы или в «подгонке» иноязычных имен под русские образцы, то есть под известную картину мира. Так, мужское имя *Калина* восходит к греческому *Каллиник, Лукерья* – к *Гликерия, Зот* – к *Зотик* (исходная форма воспринималась как диминутив), имя *Семен* ассоциировалось с *Семой* (седьмой). Имя латинского происхождения *Сильвестр* было «переосмыслено по частям, близким в произношении к знакомым словам *селиться, верста*» – *Селиверст* [там же: 113]. «Подгонка» крестильных имен к мирским могла происходить и через дериваты: *Груша* (от *Аграфена* – *Агриппина*), *Ромашка* (от *Роман*). В результате, «имя *Пятулька*, зарегистрированное в XVII в., могло быть образовано и от христианского имени *Петр, Петрушка*, но могло восходить и к русскому мирскому имени *Пятой. Харя* – и от христианского *Харитон*, и от апеллятивного имени» [Зинин 1972: 67].

Возможна и функциональная «подгонка» имен, близких по звучанию. Так, в России раннехристианский святой *Власий* (*Влас*) стал «восприемником» *Велеса*, унаследовав его функции – покровителя домашнего скота. В Италии с именем святого *Biagio*, покровителя многих населенных пунктов на Юге страны, подобных ассоциаций нет.

По данным словаря Н. М. Тупикова [1903], в древнерусском антропонимиконе преобладали мужские имена; в указанном словаре содержится около 5300 мужских и 50 женских древнерусских имен. В этом соотношении отражается взгляд наших предков на мир, в котором мужчине отводится ведущая роль. Более того, у древних славян было принято именовать женщин «через имена других лиц: замужней женщины – через имя мужа, девушки – через имя отца» [Чайкина 1994: 66]. В древнерусских памятниках крестильное имя женщины упоминается редко. Обычные формулы именования женщин таковы: *Всеволожая* (жена Всеволода), *Гюргевая* (Юрьевая – жена Юрия), *Ярославна* (дочь Ярославля) [Мароевич 1981: 110]. Полная же формула именования (XV в.) выглядела так: Софья Ярославна Ростиславля Глебовича. «В указанном примере *Софья* – личное имя, *Ярославна* – имя по отцу /.../, *Ростиславля* – имя по мужу /.../, в то время как форма *Глебовича* является формой патронима мужа в род. падеже принадлежности» [там же: 110].

Количественная диспропорция в пользу мужских имен сохраняется и в современных словарях: в Церковном календаре за 1988 мужских имен 885, женских – 245. В словаре Н. А. Петровского [1980] мужских имен 1250, женских – 544 (из них 217 с пометой «редкое»). В словаре А. В. Суперанской [1998], наиболее полном словаре русских имен (около 7500 единиц), учитывающем некалендарные новообразования, мужские имена изложены на 243 страницах (около 5300 имен), а женские – на 101 (приблизительно 2200 единиц). Аналогичная пропорция мужских и женских онимов в итальянском именнике: из 18 000 имен, зафиксированным в словаре Э. Де Феличе [De Felice 1997: 12], 12 000 – мужских и 6000 женских.

Из приведенных данных напрашивается еще один вывод: итальянский именник в несколько раз превосходит в количе-

ственном отношении русский. Тем более, что в словаре Э. Де Феличе приведены имена, реально зафиксированные в итальянских телефонных справочниках Италии за 1981 год; в то время как словарь А. В. Суперанской включает имена, давно вышедшие из употребления и не встречающиеся в реальной жизни. Так, из 50 первых имен, начинающихся на А, только 7 можно признать русскими именами, воспринимаемыми (порой с натяжкой) как таковые в современном русском обществе: *Абакум* (*Аввакум*), *Абрам* (*Авраам*), *Абросим* (*Амвросий*), *Август*, *Августин*, *Авдей*, *Авель* (*Абель*). Остальные имена не подкреплены ни узусом, ни историей, ни известными литературными произведениями: *Абагор*, *Абадер*, *Абаид*, *Абамон*, *Абановий*, *Абаталий*, *Абелузий*, *Абид*, *Абилий*, *Абкаргион*, *Абключий*, *Абнодий*, *Або*, *Абрега*, *Аброкий*, *Абсадий*, *Абуром*, *Авангард*, *Аввакир*, *Авделай*, *Авдикий*, *Авдифакс*, *Авдон*, *Авив*, *Авид*, *Авим*, *Авимелех* и др. С. И. Зинин отмечает, что значительное количество имен, рекомендованных религией, по разным причинам – из которых неблагозвучие занимало не последнее место – ни разу не было востребовано. Например: *Алгабдил*, *Бастолимоний*, *Вусурус*, *Гавиний*, *Гугсциатаз*, *Ебсой*, *Епафродит*, *Етимасий*, *Издериос*, *Концесс*, *Лампад*, *Нусирий*, *Пит*, *Раврава*, *Реститут*, *Теклагавварайт*, *Титир*, *Фрукт*, *Херимон* (мужские имена); *Аксуя*, *Аммонария*, *Бистамона*, *Еротида*, *Кридула*, *Мастридия*, *Просирия*, *Рогатилла*, *Симфороза*, *Трифоза*, *Феотистия* (женские имена) [Зинин 1972: 68]. В. А. Никонов, говоря об именах, содержащихся в святцах, утверждал, что, несмотря на огромное количество крестильных имен, их абсолютное большинство «в нашей стране не пригодились ни разу» [Никонов 1969: 55]. В результате, «из нескольких тысяч канонизованных святцами имен вошли в обращение несколько сотен, но из них только несколько десятков стали употребительными» [там же].

По нашим подсчетам, реальный русский именник XIX–XX столетий содержит не более 600 мужских и женских имен, которые повторялись (иногда периодически) у нескольких поколений русских людей. Основной же костяк имен не превышает 450. Имеются и другие точки зрения на количественный состав русского именника. Н. А. Петровский из 1799 официальных (до-

кументальных) имен, приведенных в его словаре, не считает редкими 946 [Петровский 1980]. «Если же применить более жесткий критерий, то количество относительно распространенных имен придется снизить по меньшей мере до 300», – пишет В. Д. Бондалетов [1983: 140]. В самом деле, вряд ли можно отнести к нередким такие имена как *Азарий, Азат, Альвиан, Амфилохий, Анемподист, Апроиан, Ариан, Арий, Валент, Варсанофий, Венедим, Вивиан, Гаян, Евкартий, Ефрасий, Звездан, Иларий, Иосаф, Кириак, Ливерий, Лимней, Полиевкт, Полиен, Пуд, Товий, Фавст, Фалласий, Фантин, Эпиктет; Аниманса, Гаяния, Геновефа, Дасия, Дросида, Еликонида, Калида, Мамелфа, Миропия, Эннафа*, а также *Гораций, Наполеон, Рикс* и многие другие.

Таким образом, различия в количественном составе русского и итальянского именника весьма значительны. В последние десятилетия, правда, наметилась активная тенденция к сокращению итальянского именника [De Felice 1987: 194]. Тем не менее его богатство впечатляет.

Нами были проанализированы список студентов, значившихся на отделении славистики Римского университета «La Sapienza» в 1996 г., и список студентов, учившихся на 2–4 курсах факультета романо-германской филологии Воронежского университета в 2000 г. Итальянский список состоял из 466 студентов; на этой же цифре мы остановились и в русском списке. В итальянском списке обнаружено 221 имя, в русском – 81. В результате, одно итальянское имя обслуживает чуть более двух человек (2,1), а русское – почти 6 (5,75). В итальянском списке 107 женских имен использовались по одному разу. Среди них *Adele, Adriana, Agnese, Aline, Annamaria, Angelina, Annalisa, Assunta, Catia, Bianca, Concetta* и др. В русском списке по одному разу встречаются 16 имен: *Алиса, Ася, Арина, Алина, Альбина, Вероника, Дина, Зоя, Инесса, Карина, Лада, Лилия, Майя, Рита, Станислава, Ядвига*. Подробный анализ данных списков см. в Главе III (Основные тенденции в развитии итальянского и русского именников).

Очевидно, что русские и итальянские имена имеют различную семиотическую нагрузку. Кроме того, приведенные факты не могут не свидетельствовать об особенностях итальянского национального характера, в частности о стремлении итальянцев

подчеркнуть индивидуальность каждого человека, выделиться из общей массы.

Наиболее яркий компонент русского полного антропонима – отчество. По всей видимости, отчества существовали уже в дохристианский период, по крайней мере, в высших слоях общества: князь *Владимир Святославич*.

Русские отчества, как и итальянские патронимы – этап в образовании фамилий. Отчества и патронимы выполняли роль дифференциатора имени, служившего представителям одного поколения семьи. Различие отчеств и патронимов состоит в том, что русское отчество осталось и закрепилось в антропонимической системе русского языка в качестве дополнительного дифференциатора имени, в то время как в других антропонимических системах патронимы либо перешли в фамилии, либо вовсе исчезли. В русском же языке мы имеем отчества и патронимические фамилии, составляющие основу всего корпуса фамилий. Русское отчество сохранилось в антропонимической системе в силу позднего становления и юридического оформления фамилий во всех слоях общества, особенно среди крестьянства, составлявшего большую часть населения. В самом деле, крепостному крестьянину, находящемуся в полной зависимости от феодала, фамилия практически не нужна: у него нет непосредственной связи с государством и его структурами. Сохранение патронимов в виде отчеств свидетельствует также о том, что в традиционном русском менталитете именно отцу отводится главенствующая роль в осознании индивидом своего места по отношению к другим членам социума.

Для образования отчеств использовались форманты мужского рода *-ич, -ов, -ин*, йотовый суффикс *ь* и женского рода *-на, -инична, -овна, -евна*: *Кузьмич, Петров, Лёвшин, Ярославье, Ярославна, Кузьминична, Петровна Алекс(е)евна*. Наиболее частотные отчества на *-ов* «были приняты в России в качестве официальных, канцелярских вплоть до XIX в.: *Иван Петров Скобликов, Василий Никифоров Сулов*» [Сулова, Суперанская 1991: 154]. Подобное использование отчеств до сих пор сохраняется в просторечии и диалектах: *Иван Сергев, Иван Петров*. Что касается отчеств на *-ович, -евич* (*Иванович, Васильевич*), то ими пользова-

лись в XV в. лишь князья, а в петровскую эпоху – все высокопоставленные лица, на что требовалось специальное разрешение царя, хотя в повседневной жизни, в быту ограничений на использование отчеств на *-ович*, *-евич* не было [там же: 154–155].

Гораздо реже – по всей видимости, в случаях внебрачного ребенка или ранней смерти отца – использовались матронимы: *Олег Настасьич*, *Стенька Гридин сын Натальин*, *Лука Марфин* [там же: 155].

Фамилия, как уже указывалось, наиболее поздняя по времени юридического закрепления составляющая полной русской антропонимической модели. Первыми получили фамилии представители высшей знати (XVI в.), обычно на основе вотчинных владений (*Курбский*, *Шуйский*, *Коломенский*, *Тверской*, *Мещерский*, *Владимирский*, *Суздальский*). Время появления первых фамилий не случайно: они появились в период объединения Руси как фактор укрепления государства, к которому различные княжеские семьи имели теперь одинаковое отношение, то есть появление фамилий явилось реакцией на изменения, произошедшие в русской картине мира. При этом фамилия не была чем-то незбылемым, неизменным, поскольку не существовало законодательных актов, регулирующих ее использование. Например, члены семьи, известной в истории России как семья Романовых, в течение XVI века трижды меняли фамилию: *Кошкины*, *Захарьины*, *Юрьевы*, *Романовы* [Унбегаун 1995: 16].

Следующими получили фамилии дворяне (XVII–XVIII вв.), затем представители торгового сословия и мещане (XVIII–XIX вв.). Внедрению наследуемого компонента антропонима способствовали указы Петра I. В петровскую эпоху появилось и само слово «фамилия». В середине XIX в. оформились фамилии русского духовенства, так называемые искусственные фамилии, то есть стоявшие вне магистральной линии преобразования личных имен в фамилии через этап отчества. Среди фамилий православного духовенства важное место занимают фамилии, образованные от названия религиозных праздников: *Богоявленский*, *Рождественский*, *Успенский*, *Сретенский*, *Покровский*, *Троицкий*.

Процесс формирования фамилий был длительным; понадобилось не одно столетие, чтобы семейные прозвища преврати-

лись в фамилии в полном смысле этого слова. Вот что писал в середине XIX в. В. И. Аскоченский, консервативный политик, родившийся в 1813 г.: «Генеалогия моя вовсе не состоит из тех лиц, которые пузаты и знаменитостью и богатством, – подчеркивал он в своем дневнике, – мой прадедушка был поп; один из его сыновей родился в селе Аскошном, Землянского уезда, Воронежской губернии... Из благодарности к месту... мой дедушка переименовал фамилию *Поповых* на *Аскошных* и повелел именоваться так всему своему потомству. Первоначально наша фамилия была *Аскошный*; но батюшка мой, как человек грамотный, заметил тут слишком неизящную народность и, следуя правилам правописания переименовал *Аскошный* в *Оскошный*. Не знаю, как это случилось, только с течением времени батюшка стал подписываться: *Отскоченский*. С этим громким прозвищем я и брат поступили в школу. Прошло немного времени, и нас стали дразнить “отскочками”; с досады я решился еще раз изуродовать свое фамильное прозвание – и вследствие такого решения стал подписываться: *Аскоченский*» (цит. по: Минаков А. Со всех сторон русский // Воронежская беседа. 1999–2000, Воронеж).

Из приведенной цитаты ясно, что в первой половине XIX в. в России институт фамилии еще не был сформирован: фамильное прозвание можно было менять по усмотрению его носителя.

Лишь в конце XIX в. в связи с переписью населения (1897 г.) и введением паспортов все граждане Российской империи – в большинстве своем это были крестьяне – получили, так сказать, паспортные фамилии. Этот факт безусловно явился реакцией на изменившуюся картину мира, вызванную реформами, проводимыми царским правительством. В результате изменилось и видение своего места в мире для огромного числа русских. «Вообще, в условиях, когда фамилиями обладают не все, наличие фамилии приобретает очевидную социальную значимость», – пишет Б. А. Успенский [1989: 346]. Фамилия – семейное именование – стала передаваться из поколения в поколение и приобрела важнейшую функцию – юридическую.

Антропонимические традиции Италии и России имеют как сходные черты, так и ряд различий. Сходство заключается в наследовании детьми фамилии отца, а также в том, что фамилия –

главный дифференцирующий компонент полного антропонима (остальные его компоненты могут быть представлены инициалами); в обоих языках имена используются в неофициальной сфере, а фамилии – в официальной. Семиотическая нагрузка, однако, фамилии и имени в итальянском и русском социумах различна: в русском социуме роль имени гораздо ниже. Дело не только в том, что итальянский именной компонент гораздо шире, но и в том, что в ряде ситуаций, когда в русском языке имя не используется или используется его инициал, в итальянском мы встречаем полную форму имени – например, в телефонных справочниках, в формулах приветствий (подробнее см. также последующие разделы).

В целом, различий в антропонимических традициях больше, чем совпадений. Например, в русских семьях – в отличие от итальянских – возможно именование ребенка по имени родителей или братьев и сестер. Замужняя итальянка не меняет своей фамилии, но может пользоваться и фамилией мужа, в отличие от замужней русской, которая, как правило, меняет свою фамилию на фамилию мужа и может пользоваться лишь одной фамилией. Таким образом, статус женской фамилии в России и Италии различен. Наличие отчества в русском языке сказывается на формулах речевого этикета, которые в итальянском языке часто связаны с особыми этикетными словами: *signor*, *signora*, *don*, *donna*, *commandatore*. Подробнее эти и другие проблемы прагматики антропонимов будут рассмотрены ниже. Сказанного уже достаточно, чтобы убедиться, что итальянская и русская антропонимические системы по-разному отражают видение мира и место в нем человека с его национальными традициями.

Глава III

Итальянский и русский именники: состав и типология имен

Вариативность имен

В итальянском и русском именниках много общих имен, связанных с одними и теми же библейскими персонажами или христианскими святыми. Среди распространенных имен можно назвать Giovanni – Иван, Pietro, Piero – Петр, Alessandro – Александр, Alessio – Алексей, Andrea – Андрей, Antonio – Антон, Giorgio – Георгий, Юрий, Егор, Michele – Михаил, Paolo – Павел, Sergio – Сергей и др. Можно выделить также имена более распространенные в настоящее время в Италии, чем в России: Giuseppe – Иосиф, Stefano – Степан, Стефан, Davide – Давид, Simone – Семен, Matteo – Матвей и др. Кроме того, имеется целый ряд итальянских имен, не имеющих русского аналога: Vincenzo, Carlo, Bruno, Gianluca, Domenico, Franco, Francesco, Luigi, Salvatore, Angelo, Fabio и т.д.

Из распространенных женских имен общими являются Maria – Мария, Anna – Анна, Valentina – Валентина, Caterina – Екатерина, Giulia – Юлия, Alessandra – Александра, Elena – Елена, Valeria – Валерия, Cristina – Кристина и др. Некоторые русские аналоги воспринимаются как простонародные и устаревшие – Марфа, Фекла, в то время итальянские Marta, Tecla не имеют таких коннотаций; другие встречаются редко – Элеонора, Элиза, Симона, Вероника; соответствующие же итальянские имена Eleonora, Elisa, Simona, Veronica являются в настоящее время модными. Целый ряд женских итальянских имен не имеет соответствий в русском языке: Alessia (женский вариант Alessio – Алексей), Franca, Francesca, Stefania, Silvia, Serena, Ilaria, Federica, Carmela и др.

Репертуар итальянских имен, как указывалось, составляет примерно 18 000 единиц. Эти данные получены Э. Де Феличе в результате сплошной компьютерной обработки телефонных спра-

вочников всей Италии за 1981 год. В итальянских телефонных книгах указывается, помимо фамилии и некоторых престижных профессий, должностей или заслуг, также полное имя абонента. Эти компоненты расположены весьма своеобразно: за фамилией следует название профессии и лишь затем – имя; все три слова не разделены знаками препинания (точка после второго компонента является сигналом аббревиатуры). Вот несколько примеров из римского телефонного справочника *Pagine gialle* за 1998 год:

Santeserti geom. (землеустроитель) Benito; Pieretti dt. (доктор) Enrico; Pierelli cav. (кавалер ордена) Ugo; Santillo prof. (профессор) Clemente; Melli ing. (инженер) Pietro.

Примерно около 8000 единиц, используемых в качестве официальных имен – редкие имена. Из них большую часть представляют либо окказиональные образования, изобретенные тем, кто нарекает новорожденного (то есть имена без традиции и исторической перспективы), либо ошибочные или вариативные написания какого-либо имени [De Felice 1992: 12]. К первому типу относятся, например, мужские имена, образованные от некоторых женских: Margherito < Margherita, Anito < Anita, Olgo < Olga, Roso < Rosa, Nadio < Nadia, а также ряд женских имен, являющихся аналогами таких мужских имен, как Garibaldina < Garibaldi, Adama < Adamo, Marca < Marco. Исчезают из именника имена-топонимы: Nizza, Varna, Odessa, Mentana, Voltorno, Roma, Romo, Libia, Eritrea. В качестве примера имен второго типа приведем имя Sonia, которое встречается и в других графических вариантах: Sonja, Sonya. Аналогично: Ivan – Yvan, Vladimiro – Wladimiro, Raffaele – Raffaele. Некоторые имена, реализующиеся в ряде графических вариантов, относятся к довольно распространенным: Iolanda (112 000) – Jolanda (45 000), Iole (46 000) – Jole 28 000), Wanda (77 000) – Vanda (26 000), Wilma (32 000) – Vilma (12 000), Walter (75 000) – Valter (6000).

Реальный именник по данным 1981 г. представлял 10 000 форм, из них 6500 мужских и 3500 женских. Указанная цифра включает все диалектальные и фонетические варианты имени, имеющие хождение в качестве официальных имен. Большая часть итальянских имен реализуется в целом ряде вариантов. Вариантами, например, имени Roberto, являются Ruperto (эта форма

распространена в области Фриули – Венеция Джулия) и Ruberto; для имени Rodrigo – Roderigo, Roderico. Другой пример. Имя Nicola, распространенное по всей Италии, реализуется в целом ряде форм: Nicolo, Niccola, Niccolo, Niccolò, Niclo, Nicla – в Тоскане; Nicolas – Ломбардия, Nicolao – в Пьемонте; Nicolò, Nícolo – Сицилия; Nicco – Венето и Лигурия; Nicoloso – Сардиния. Имя Pietro широко распространено по всей Италии, при этом формы Pietrino – Pietrina характерны для Сардинии, а Piego и Piera – для Ломбардии.

Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайном богатстве системы личных имен, а наличие окказиональных образований – о завидной творческой стихии в этой области.

Выше уже говорилось о количественном составе русского именника. Мы пришли к выводу, что реальный русский именник, его костяк, включающий периодически повторяющиеся в разных поколениях имена, составляет около 450 единиц, не считая вариантов имени.

Вариативность имен в русском именнике имеет иную – не региональную – природу, хотя диалектальные различия в произношении имен тоже возможны. Произносительные варианты заимствованных имен в основном возникли, с одной стороны, как результат фонетической эволюции имен в русской языковой стихии и, с другой, как результат стремления церкви сохранить произношение иноязычных имен ближе к греческому или церковнославянскому образцу. Во время церковных реформ Патриарха Никона в середине XVII в. законодательно была разрушена «сложившаяся в русском языке традиция произношения и написания календарных имен» [Суслова, Суперанская 1991: 56] и были введены их новые официальные формы. Вот несколько примеров образовавшихся вариантов: *Юрий, Егор, Егорий – Георгий; Кузьма, Козьма – Косма; Ларион – Ил(л)арион; Осип – Иосиф; Остап – Евстафий; Семен, Симон – Симеон; Сидор – Исидор; Авдотья – Евдокия; Аксинья, Оксана – Ксения; Арина – Ирина; Елена – Елена; Катерина – Екатерина; Настасья – Анастасия*, а также: *Сергей – Сергей, Алексей – Алексей, Иван – Иоанн* и др. В результате, возникло противопоставление религиозных (*Алексий, Семион, Сергей, Иоанн*) и светских имен (*Алексей, Семен, Сергей*,

Иван); часть имен, однако, может быть использована в обеих функциях (*Александр, Евгений, Михаил*). Появилась и категория простонародных имен (*Агафья, Авдотья, Лукерья, Фекла, Архип, Кузьма, Сидор*). Эта категория наиболее ярко проявлялась на фоне использования западноевропейских вариантов русских имен, которое началось в Петровскую эпоху: *Жан, Пьер, Николая, Стива, Китти, Мари, Мери, Нелли* вместо *Иван, Петр, Николай, Степан, Екатерина, Мария, Елена*; некоторые имена заменялись созвучными: *Полина* вместо *Прасковья, Пелагея, Долли* вместо *Дарья* [Суперанская 1998: 52].

Вариативность официальных имен в настоящее время явление довольно редкое. Помимо приведенных выше имен можно привести также имена типа *Наталья – Наталия, Геннадий – Геннадий*. В предыдущие эпохи вариативность имен была намного выше. Так, «церковным формам *Елисаветъ* (имя писалось через «фиту») и *Елисавета* соответствует литературное *Елизавета*, а также многочисленные народные: *Алисава, Елисава, Олисава, Олисавьа, Елисафия, Илисавета, Лизавета, Лисавета, Лизовета*» [там же: 50]. Имя *Александр* имело следующие варианты: *Алексан, Лексан, Олексан, Олександр, Олексант, Олехан, Алехан, Алехно*, отвергнутые официальной нормой. Ныне практически забытые имена, например, *Евтихий, Инатий* были некогда весьма распространены, о чем свидетельствует наличие ряда вариантов: *Евтух, Алтух, Олтух; Инатий, Инат, Евпат, Олпат, Алпат*, как и увековеченное Н. В. Гоголем имя *Акакий*, реализовавшееся в онимах: *Акатий, Акат, Окат* (ср. *Акатов* монастырь в г. Воронеже). О широкой вариативности имен в прежние эпохи свидетельствуют, в частности, патронимические фамилии, донесшие их многочисленные варианты до наших дней. Например, только от различных вариантов имени *Варфоломей* сохранились следующие фамилии: *Ахромеев, Вахромеев, Фоломеев, Вахрушев, Вахрушин, Бахрушин*, а от вариантов имени *Евсей (Авсей, Асей)* – фамилии *Евсеев, Авсеев, Асеев*.

Особый интерес представляют имена на *-ил* (*Михаил, Гавриил, Даниил, Самуил*), которые существовали еще в двух вариантах – на *-о* и на *-а* (*Михайло/Михайла, Гаврило/Гаврила, Данило/Данила, Самойло/Самойла*), которые представляли собой разго-

ворные варианты исходных церковно-славянских форм; именно от них, а не от исходных форм образованы фамилии *Михайлов/Михайлин, Гаврилов/Гаврилин, Данилов/Данилин, Самойлов/Самойлин*. Имена *Гаврил, Данил* имеют также варианты с одним *и* (*Гаврил, Данил*); используются в настоящее время и формы *Гаврила, Данила*.

Дериваты имен

Помимо вариативных форм имени имеются в итальянском языке так называемые *nomi alterati* – «модифицированные имена»; это в основном уменьшительно-ласкательные формы, которые не только вносят заряд эмоциональности в ситуации неофициального общения, но и используются в качестве официальных, «паспортных», то есть нейтральных с точки зрения модальности имен: *Robertino* < *Roberto*, *Luigino* < *Luigi*, *Luigina* < *Luigia*, *Antonella* < *Antonia*, *Carlotta* < *Carla*, *Giuseppino* < *Giuseppe*. Некоторые из таких имен являются более распространенными, чем исходные имена. Так, имя *Giuseppa* носят 200 000 итальянок, а имя *Giuseppina* – 652 000; имя *Giorgia* – 10 000, в то время как *Giorgetta* – 16 000. Имя *Nicola* в качестве женского не употребляется вообще, зато диминутивы женского рода *Nicoletta* и *Nicolina* имеют высокий индекс, соответственно, 37 000 и 25 000; имя *Antonia* менее частотно, чем *Antonietta* (соответственно, 200 000 и 300 000).

Некоторые из таких модифицированных имен известны с давних пор, что подтверждается существованием одноименных святых, например, *San Bernardino da Siena* известен с XV века.

Модифицированные имена иногда используются в качестве заместителя исходного имени. Мне известен случай, когда человек по имени *Antonio* в официальной обстановке представляется *Antonello*, потому что так принято называть его в семье. По другой причине – более привлекательное звучание – носительница имени *Rosa*, которое зафиксировано в ее документах, предпочитает, чтобы ее называли *Rosella*, и это имя ставит на обложке своих книг, это же имя фигурирует в программах научных конференций.

В русском социуме не принято использовать диминутивные формы в качестве официального имени, но так было не всегда. Вплоть до XVIII в. имели широкое хождение так называемые *полуимена*, использование которых в официальных документах было запрещено в 1701 г. указом Петра I. Речь идет об образованиях типа *Ивашко, Данилко, Гаврилка, Алешка*, которые обычно выполняли функцию нейтрального, а в челобитных – уничижительного именованя (при обращении от низшего к высшему): «Перед царем все были холопы и даже именитые бояре подписывались “Ивашками” и “Васьками”», – пишет С. И. Зинин [1972: 71]. Подобные диминутивные образования были преобладающими в документах XVII в. [там же: 70–77]. Дошли они и до наших дней как нейтральные формы именованя (например, в семье или детском коллективе: *Сашка* дома?), а также как нейтральные именованя с социально заниженным оттенком (например, в сельских районах Воронежской области: *Зинку* жалко, совсем замучилась) или как фамильярные именованя с отрицательной коннотацией во взрослых коллективах: *Васька* опять на работу не вышел (продавщицы о грузчике). Суффикс *-ка* может иметь и диминутивное значение – в трехсложных женских именах: *Светланка, Маринка, Иринка* [Вежбицкая 1996: 139].

Яркой характеристикой итальянского ономастикона является наличие в нем кратких – гипокористических – форм; они используются как в качестве обиходных форм при общении в быту, так и в качестве полных, официальных имен.

Ряд гипокористических образований имеет долгую историю. Например, имя Dante < Durante «стойкий, решительный» известно в этой форме с XIII в.; имена Ada и Adele < Adelaide – со средних веков. Подобные онимы «обзавелись» собственными святыми, поддерживающими их авторитет. Так, наличие в Римской Мартирологии святой Риты, преставившейся в 1457 г., свидетельствует о древности данного онама и о том, что почитание этой святой способствовало популярности гипокористической формы Rita: по распространенности она опережает исходное имя – Margherita (соответственно 17 и 18 места).

Как уже указывалось, очень часто краткие имена не «привязаны» к какому-либо одному имени, а являются производным

от целого ряда имен. Многие из них имеют высокий рейтинг: Aldo (262 000), Alda (41 000) < Rinaldo/Rinalda, Romualdo/Romualda, Capaldo, Ubaldo; Rina (133 000) < Caterina, Marina, Onorina; имя Rino (53 000) можно трактовать как мужской вариант от Rina, а также как краткую форму от мужских диминутивов Arturino, Salvatorino. От диминутивов образовались и гипокористические формы Gino/Gina (190 000/128 000) < Luigino/Luigina, Angelino/Angelina; Dino, Dina (94 000/80 000) < Armandino/Armandina, Bernardino/Bernardina и др.

Особенно много гипокористических форм у традиционно наиболее распространенных мужских имен: Giovanni > Gianni, Zani, Ianni, Vanni; Antonio > Tonio, Toni, Toto, Totò; Giuseppe > Veppe, Peppe, Pino; Francesco > Franco, Cesco, Cecco, Chicco, Chesso, а также у их женских аналогов: Giovanna > Gianna, Vanna, Zana, Ianna; Antonia > Tonia, Tona; Giuseppina > Giusi, Geppina, Veppa, Veppina, Peppa, Pina, Peppina; Francesca > Franca, Chicca. К часто встречающимся онима́м подобного типа относятся Sandro/Sandra (35 000, 9000) < Alessandro/Alessandra, Lino/Lina (75 000, 200 000) < Angelino/Angelina, Renzo (121 000) < Lorenzo, Nello/Nella (45 000, 61 000) < Antonello/Antonella. В отдельных случаях исходное имя является очень редким, а гипокористическая форма – более обычной: Anunziato (1400) > Nunzio (27 000), Ermenegilda (7000) > Gilda (32 000). Еще раз напомним, что речь идет о кратких формах, используемых и в качестве обиходного и в качестве полного имени.

Имеются также случаи омонимии полного имени и гипокористической формы. Так, Franco это полное имя германского происхождения, засвидетельствованное в Италии с IX в. в латинизированной форме Francus, а также гипокористическая форма от Francesco. Аналогично Enzo – полное имя, соответствующее современному немецкому Heinz, а также краткая форма от Lorenzo и Vincenzo.

Разнообразны краткие формы имени в русском языке. Несмотря на наличие общих формантов *-а*, *-я*, *-ша*, можно утверждать, что в каждом случае краткое имя имеет свою историю. Ср.: *Ваня – Иван, Петя – Пётр, Лёня – Леонид, Костя – Константин, Саша – Александр, Алеша – Алексей, Гриша – Григорий, Юра –*

Юрий, Дима – Дмитрий; Катя – Екатерина, Люба – Любовь, Люда – Людмила, Оля – Ольга, Маша – Мария, Наташа – Наталья.

В России не принято использование кратких форм в качестве официального имени. «Саша Шнейдер в отношении пожилого, даже старого человека – разве это не противное сюсюканье, делающее вид, будто этот рисовальщик почему-то всему свету “Саша”, хотя на самом-то деле и того, что человек должен видеть в человеке, сплошное большинство в этом, якобы нежно любимом, “Саше” конечно не видит», – пишет П. А. Флоренский по поводу такого употребления краткого имени [Флоренский 1999: 228]. Онимы *Саша* Черный, *Саша* Соколов на обложке книги для большинства русских звучат как нечто экстравагантное, если не вызывающее. Гипокористические же формы имен на эстрадных афишах, то есть в сфере массовой и молодежной культуры, воспринимаются более или менее как артистическая вольность: Женя Белоусов, Маша Распутина, Таня Буланова.

Женские краткие и диминутивные имена чаще используются в общественной сфере и легче становятся официальными именами (Ася, Рина, Лана, Рита, Ляля, Элла – от Изабелла, Стелла), хотя в целом это явление не характерно для русского языка. Мужские же имена консервативны в этом отношении, главным препятствием здесь выступает важнейшая функция русских мужских имен – функция образования отчеств.

Э. Де Феличе выделяет в особую группу производные имена (*nomi derivati*), не давая им, однако, четкого определения [De Felice 1997: 26]. На наш взгляд, к производным именам он относит имена, содержащие форманты *-aldo*, *-ardo*, *-ero*, *-oro*, *-ano*, которые не привносят уменьшительно-ласкательных коннотаций, но связывают данное имя с целым рядом итальянских имен в основном германского или латинского происхождения, в которых указанный компонент имеется изначально, как в именах *Cataldo*, *Ubaldo*, *Gerardo*, *Bernardo*, *Raniero*, *Adreano*. При этом романский корень может сочетаться с германским суффиксом; подобные имена, по свидетельству С. Бортолами, появились уже в средние века: *Domnuald* [Bortolami 1966: 450]; это свидетельствует о переплавке, взаимной адаптации разноязычных элементов в процессе формирования итальянского именника. В качестве примера

производных имен приведем Brunaldo, Brunero < Bruno; Andrea-no < Andrea, Antoniano < Antonio, Iliano < Ilio, Luciano < Lucio.

Двойные имена

Особое место в итальянском именнике и, соответственно, в картине мира занимают двойные (сложные) имена, позволяющие иметь их носителям двух святых покровителей. Сложное имя – это не произвольное сочетание имен, а обычно сочетание определенных имен (хотя встречаются и свободные сочетания имен, не зафиксированные словарем Э. Де Феличе; к таким относится сложное имя Alessandro Libero, которое мы приводили выше). Ограничения в составе сложного имени, как правило, касаются первого имени. Наиболее часто первым компонентом сложного имени являются Maria, Anna, Rosa, Gianni, Giovanni, Antonio, Pietro и некоторые другие распространенные имена традиционного именника. При этом возможно как раздельное, так и слитное написание сложного имени с возможным усечением последнего слога первого имени: Giovanni Battista – Giovanbattista; Francesco Paolo – Francescopaolo; Rosa Maria – Rosamaria, Rosa Anna – Rosanna. Более того, компонентами сложных имен могут быть гипокористические – краткие – формы, тоже часто выступающие в усеченной форме, которые пишутся слитно или раздельно со вторым именем; четких правил или регламентаций на этот счет нет: Piero Luigi – Pier Luigi – Pierluigi, Gian Luca – Gianluca. При слитном написании иногда фиксируются некоторые фонетические процессы, например, ассимиляция по месту образования звуков (Giambattista, Giampiero, Giampietro – при наличии Gianbattista, Gianpiero, Gianpietro). Все это значительно расширяет объем итальянского именника.

Рассмотрим некоторые сложные имена более подробно.

В качестве первого компонента женских сложных имен Maria используется в именах, количество которых превышает 70, среди них наиболее распространены следующие имена (с числом носителей от 153 000 (Maria Teresa) до 11 000 (Maria Maddalena)): Maria Teresa (Mariateresa), Maria Luisa (Marialuisa), Maria Grazia (Mariagrazia), Maria Pia (Mariapia), Maria Anna (Marianna), Maria

Angela (Mariangela), Maria Antonietta (Mariantonetta), Maria Rosaria (Mariasosaria), Maria Antonia (Mariantonia), Maria Cristina (Mariacristina), Maria Giovanna (Mariagiovanna), Maria Concetta (Mariaconcetta), Maria Assunta (Mariassunta), Maria Carmela, Maria Rita (Mariarita), Maria Stella (Mariastella, Maristella), Maria Luigia (Marialuigia), Maria Maddalena. В некоторых случаях слитное написание преобладает; например, имя Maria Anna встречается 10 000 раз, а имя Marianna – 54 000. Э. Де Феличе рассматривает его в отдельной статье.

Для мужских сложных имен характерно использование усеченных гипокористических форм. Особенно часто в качестве первого компонента сложного имени используется усеченная краткая форма Gian < Gianni < Giovanni: Gian Battista (Gianbattista, Giambattista), Gian Carlo (Giancarlo), Gian Franco (Gianfranco), Gian Piero (Gianpiero, Giampiero), Gian Luigi (Gianluigi), Gian Pietro (Gianpietro, Giampietro), Gian Paolo (Gianpaolo, Giampaolo), Gian Mario (Gianmario, Giammario). Реже используется гипокористическая форма Gio < Giovanni: Gio Battista (Giobattista), Gio Batta (Giobatta). Наконец, одним из графических вариантов имени Giovanni (или Gianni), выступающим в качестве первого компонента сложного имени, может быть буква G с точкой: G. Battista [De Felice 1997: 192].

Среди сложных имен особое место занимают гибридные [Рылов 1997: 37], т. е. мужские имена со вторым женским компонентом Maria (Giovanni Maria, Giovan Maria, Giovanmaria, Giovammaria, Gio Maria, Giomaria, Giommaria, Carlo Maria, Angelo Maria, Antonio Maria, Luigi Maria) и женские с мужским компонентом Nicola (Maria Nicola) или José, произносимым [iosé], [zhosé] или [dzhosé]: Maria José. Это имя явно испанского происхождения; возможно также, что его распространению в Италии способствовала женитьба принца Умберто Савойского в 1930 г. на дочери бельгийского короля Альберто I – Марии Жозе (Marie José).

В отличие от испанского, в итальянском языке гибридным компонентом сложного имени может быть и первое имя. Таковы довольно распространенные женские имена с первым компонентом Gian: Gian Carla (Giancarla), Gian Franca (Gianfranca), Gian Piera (Gianpiera, Giampiera), Gianpaola (Giampaola). Что касается

мужских имен с первым компонентом *María*, то они относятся к очень редким именам: *María Agostino*, *María Antonio*, *María Giuseppe*, *María Giovanni*, *María Luigi* [De Felice 1997: 252]. Второе отличие от испанского языка заключается в том, что список гибридных имен в итальянском довольно обширен, в то время как в испанском языке он ограничен четырьмя именами: *Jose María*, *Jesús María* – мужские имена; *María José*, *María Jesús* – женские.

Некоторые сложные имена по сути являются как бы унитарными именами, восходящими к обозначению одного человека: *Giovanni Battista* (Иоанн Креститель); *Marco Antonio*, *Marcantonio* – римский политик и военачальник, любовник Клеопатры; *Marco Aurelio* – Марк Аврелий, римский император; *Marco Tullio* – Марк Туллий Цицерон, оратор и политик. Три последних итальянских имени представляют собой сочетание латинского имени и фамилии (*praenomen* и *nomen*).

У русских традиция двух имен, как указывалось, тоже имела место и просуществовала от периода христианизации Руси вплоть до XVIII в. Но истоки и проявления этой традиции совсем иные. При рождении ребенку давалось древнерусское мирское имя, при крещении – календарное. Они не образовывали одно имя и использовались раздельно, мирское – преимущественно дома (хотя и выходило часто за пределы семьи), календарное – в общественной сфере. В документах оба имени обычно не ставились рядом: *Андрей Иванович Сом Линёв* (вторая половина XV в.); *Иван Иванович Дитя Бороздин* (конец XV в., Тверь) [Веселовский 1974]. Крестильное имя обычно предшествует мирскому, но не всегда: *Довол Григорий* (XV в.), *Догада Кондрат* (XVII в.) [там же].

В условиях относительной ограниченности христианского именника – например, в Москве в 1665 г., православных онимов было около 80 на 1 тыс. мужчин [Зинин 1972: 72–74] – мирские имена выступали в качестве дополнительного дифференциатора полного антропонима. Если человек был больше известен по мирскому имени, то в документах использовалось именно оно, а обязательное каноническое имя не упоминалось вовсе: *Баланда Федоров Нестеров*, малоярославский дворянин, 1630 г.; *Баженко Михайлов сын Бобровников*, пушкарь; *Добрынька Никитин*

сын Дичков; *Дичок* Иванович Борков (помещик, 1569) [Веселовский 1974]. В некоторых же документах мирское имя этого периода (первая половина XVII в.) сопровождается словом «прозвище»: Левка, *прозвище Томилко*, Ларионов сын Толковцев; Феоктистка, *прозвище Первушка*, Петров сын Попов [Зинин 1972: 63].

Истоки итальянского и русского ономастиконов

Важным источником многообразия и богатства итальянского именника являются его истоки, его корни. В основе итальянского именника лежит, как указывалось выше, латинская антропонимия. Целый ряд латинских имен не прерывал своей традиции в Италии: Augusto, Colomba, Flavio, Lucio, Marco, Ottavio, Primo, Quinto, Secondo, Silvio, Tito, Valerio и др. В личные имена превратились и многие римские фамилии (как *nomina*, так и *cognomina*): Aurelio, Claudio, Fabio, Tullio, Scipio, Orazio, Mario, Massimo, Adriano, Cecilia, Camillo, Attilio, Vergilio. Все три компонента полного имени Цезаря сохранились как имена: Caio (Gaio) – редкое в настоящее время имя; Giulio и Cesare – очень распространенные имена; имеется также сложное имя Giulio Cesare, которое в 1981 г. носили 2200 итальянцев.

Расширение собственно латинского именника происходило в первую очередь за счет библейских имен (ново- и старозаветных). Вначале это было не столько количественное расширение, сколько качественное, поскольку небольшое число новозаветных имен (Pietro, Paolo, Giovanni, Andrea, Lazzaro и некоторые другие) становятся настолько популярными, что вытесняют традиционные имена. Количественное же увеличение доли библейских имен, в основном старозаветных, приходит позже – из протестантской Европы: Adamo, Eva, Beniamino, Davide, Elio, Emanuele, Gabriele, Giocchino, Rachele, Sara, Mara, Noemi, Ester и др. Впрочем, история появления и закрепления в итальянском именнике каждого имени весьма индивидуальна, поэтому мы предпочитаем говорить здесь лишь об общих тенденциях, а не об истории какого-либо конкретного имени.

Например, имена Gesù (Иисус) и Cristo (Христос) не вошли в итальянский именник (как и в русский), в отличие от испан-

ского имени, где наличествует имя Jesús, или болгарского, где имеется имя Христо, но широко используется заменитель этих имен Salvatore (Спаситель) – 490 000 носителей; это имя распространено и в Испании: Salvador. Несмотря на отсутствие имени Gesù, в именнике есть модифицированное имя Gesuino (2900 носителей) и производное Gesualdo (3000 носителей), а также их женские варианты Gesuina и Gesualda (6000 и 2500 носительниц).

Греческая антропонимия присутствовала в латинском ономастиконе еще до христианизации; в византийскую же эпоху проникновение греческих имен шло наиболее активно, особенно на юге Адриатического побережья и в Сицилии, откуда они распространялись по всей Италии: Agata, Achille, Basilio, Barbara, Giorgio, Alessio, Alessandro, Nicola, Nicolo, Sergio и др. Имеются также и типичные региональные имена греческого происхождения; например, имя Calogero/Calogera используется в основном на Сицилии (55 000 человек), что объясняется почитанием San Calogero – византийского отшельника VI века.

В силу длительного германского присутствия на Аппенинском полуострове – вестготского, остготского, **лангобардского, франкского, а впоследствии и австрийского** – в системе итальянских имен широко представлен германский компонент, как правило, подкрепляемый авторитетом какого-либо святого: Adolfo, Adele, Alberto, Alfonso, Alfredo, Bernardo, Berta, Brigida, Carlo, Cataldo, Clotilde, Corrado, Enrico, Ermenegildo, Genoveffa, Gerardo, Germano, Ubaldo, Umberto и др. Германская антропонимия преобладала в VIII–XI вв. С конца XI в. наблюдается ее постепенный спад.

Представлен в итальянском именнике и арабский компонент. Например, арабское имя Kuzman (ср. испанское Guzmán, русское Кузьма) в итальянском языке преобразовалось в довольно распространенные имена: мужское Cosimo и женское Cosima (соответственно 62 000 и 16 000 носителей), более редкое Cosmo (3600) и очень редкое Cosma – оба мужские; последнее обычно появляется в сочетании Cosma e Damiano (Косма и Дамиан).

Долгое испанское присутствие, начавшееся в конце XV в. и приведшее к тому, что к концу XVI в. Испания овладела боль-

шей частью полуострова (за исключением Венеции и Папской области), обеспечило наличие в итальянском именнике целого ряда испанских имен. Наиболее распространено имя Carmela (мужской вариант Carmelo), еврейское по происхождению (Кармель – гора в Палестине, по-латински Carmelus), но пришедшее в Италию из Испании, о чем свидетельствуют явно испанские диминутивы, используемые в Италии в качестве полных имен: Carmelita/Carmelito. Имя Carmela особенно популярно на юге Италии и в Сицилии и входит в десятку наиболее распространенных женских имен (315 000 носительниц), к частотным именам относится и мужское имя Carmelo (97 000 человек). Женское имя Carmen – того же происхождения, что и предыдущие имена – и его мужской аналог Carmine имеют, соответственно, индексы 47 000 и 77 000. Примерно такое же количество итальянцев носит имя Fernando (75 000) и Fernanda (84 000). Испанское имя Benito (54 000), сосуществующее с собственно итальянским Benedetto (33 000), получило распространение во второй половине XIX в. как идеологическое имя с революционным оттенком; это имя давалось детям в честь мексиканского патриота Бенито Пабло Хуареса, возглавившего борьбу против императора Максимилиано Габсбургского; именно по этой причине социалист Alessandro Mussolini нарек своего сына Benito.

Менее популярны, но тоже достаточно распространены имена Diego, Dolores, Mercedes (23 000, 21 000, 10 000), а также Manuel, Manola, José и некоторые другие. Э. Де Феличе относит к испанским именам имя германского происхождения Elvira на том основании, что оно становится известным в Италии благодаря легенде о Дон Жуане, представленной также Мольером в пьесе «Дон Жуан» и Моцартом в известной опере [De Felice 1997: 143].

Значительным является присутствие в итальянском ономастиконе и французских имен. С одной стороны, это имена, которые появились в результате длительного сосуществования двух европейских народов (Antonietta, Coletta, Nicoletta, Denise, Marianne, Raoul, Renè, Yvette, Yvonne). Интересен тот факт, что имя Antonietta находится, по данным Э. Де Феличе, на 13 месте среди женских имен, в то время как исходное итальянское имя Antonia – на 24. С другой стороны, немало имен французского

происхождения получило распространение в Италии благодаря фактам исторического и – особенно – культурного характера. Так, популярности имени Carlotta способствовало то обстоятельство, что это имя – династическое женское имя Бурбонов Савойи. Имя Armando, пришедшее в итальянский ономастикон из Франции в XVIII в., закрепилось в нем после успеха в Италии романа А. Дюма-младшего «Дама с камелиями», где, как известно, героя звали Армандом. Литературными являются женское имя Corinna, принадлежавшее женщине, воспетой в «Элегиях» Овидия, но ставшее фактом итальянского именника благодаря роману мадам Де Сталь «Corinne ou de l'Itali», а также мужское имя Ernani – героя одноименной поэмы В. Гюго. Отметим, что в свою очередь, Ernani – французская версия испанского имени Hernán (Hernando, Fernando). Последний пример показывает, что имя, заимствованное из одной культуры, может фактически восходить к другой (ср. также историю имени Elvira). Подробнее вопрос о литературных именах будет рассмотрен ниже.

Славянский компонент, как и французский, проникал в итальянский именник либо путем непосредственного контакта итальянского и славянских народов (словенов, сербо-хорватов) в зонах смешанного населения на северо-востоке Италии, либо через русскую культуру и историю. К самым распространенным именам первого типа относится имя Milena (37 000), менее распространены производные от Miroslavo/Miroslava: Mirko (3400), Mirco (3100), Mirka (3000), Mirca (1800), Miro (1200), Miriana (1100). Среди славянских имен имеется ряд малоупотребительных: Milco/Milca, Drago, Ladislao, Miroslavo/Miroslava, Marussa, Marussia. К именам второго типа принадлежат Boris, Igor, Dimitri, Ivan, Ivano, Katia, Katiuscia, Katiushka, Katiuska (так зовут автора одного из антропонимических словарей: Katiuska Bortolozzo), Nadia, Natascia, Olga, Sonia, Tania, Tatiana, Vassili, Vladimiro, Wladimiro, Ludmilla (Ludmila) и др. Как видим, русские имена часто заимствуются в гипокористической форме. Из русских имен самым популярным в Италии является женское имя Olga (125 000 носительниц), скандинавское по происхождению; мужской вариант Olgo зафиксирован словарем Э. Де Феличе в количестве 25, то есть как окказиональное имя. По мнению этого же автора,

распространенности имени Olga способствовали имена женских персонажей русской литературы: Ольга из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, Ольга из «Обломова» И. А. Гончарова, Ольга из «Трех сестер» А. П. Чехова. Иная судьба у мужского русского имени Иван, которое носят в Италии в различных вариантах (Ivan, Yvan, Ivano) 29 000 мужчин, а соответствующее женское имя Ivana более частотно – 43 000 носительниц. К распространенным итальянским именам относится и диминутив от русского имени Надежда – Nadia (38 000) и вариант этого имени Nada (6000), а также литературное имя Sonia (в честь героини Ф. М. Достоевского Сони Мармеладовой – 16 000).

Весь русский православный именник, как известно, практически является заимствованным (за исключением канонизированных княжеских имен *Владимир, Мстислав, Ростислав, Вячеслав, Людмила*). Заимствованные германские имена были на Руси и в дохристианский период (*Олег, Ольга, Игорь, Глеб*); в древности их было довольно много [Архипов 1989: 325–326]. Вплоть до XX в. русский ономастикон был чрезвычайно консервативным по отношению к заимствованным (чаще всего иноконфессиональным) именам. В аристократической среде имена *Жан, Пьер, Серж, Мари, Аннет, Натали* использовались как заменители русского имени, но не как официальные имена. Лишь после революции 1917 г. в русском именнике закрепились в качестве официальных восточные имена *Руслан* (в XIX в. это литературное имя), *Казбек, Тимур, Лейла*; западнославянские *Ян, Яна, Янина, Ванда*; южнославянские *Снежана, Искра* (это имя может быть и идеологическим – от названия газеты «Искра») и западноевропейские *Альберт, Адольф, Артур, Рудольф, Эдуард, Роберт, Анжела, Анжелика, Беата, Берта, Генриетта, Жанна, Карина, Кристина, Роза, Клара, Жанна, Инесса* (последние 4 имени в 20-х годах были идеологическими и давались в честь Розы Люксембург, Клары Цеткин, Жанны Д'Арк, Инессы Арманд) и др. Большая часть этих имен существовала в антропонимическом пространстве России у представителей неправославных конфессий, что, безусловно, способствовало их вживанию в русский именник. Тем не менее, русский именник, особенно мужской, – по сравнению с итальянским – проявляет известную невосприимчивость к иностранным именам.

Парные имена

Большинство итальянских имен образуют пары по признаку рода. Обычай давать парные имена возник в средневековье, когда на первый план выдвинулись религиозные имена и, в первую очередь, имена апостолов и именно от них были образованы женские имена, образующие пару с мужскими: Iohanna, Simona, Nicola, Filippa, Jacobina, Petronilla, Paola и др. С.Бортолами приводит по этому поводу следующую легенду. Византийский император Андроник, живший в XIII в., для того, чтобы выбрать имя новорожденной дочери, использовал следующий способ: к именам двенадцати апостолов прикреплялись свечи, и свеча, потухшая последней, «назначала» имя: в том конкретном случае это было имя Simonide. Впоследствии обычай парных имен перешел с имен апостолов и на другие имена [Bortolami 1966: 435].

Традиция парных именованний настолько сильна в итальянском языке, что заимствованные из других языков традиционно мужские или женские имена «приобретают» на итальянской почве пару: Ivan – Ivana, Nadia – Nadio; иногда это окказиональное образование (Nadio, Olgo), а иногда – значительно превышающее исходное имя по частотности: Ivano (21 000) – Ivana (43 000).

Родовые пары имен не всегда восходят к одному и тому же имени. Так, пару номер 1 – Mario (894 000) / Maria (2 500 000) – образуют имена, различные по происхождению: Mario – от латинского помен Marius; Maria, как известно, имя еврейского происхождения; данные имена различаются местом ударения. Различно место ударения и в именах Lucio/Lucia, восходящих к латинскому препомен Lucius.

Тем не менее, имеются только мужские и только женские имена. Например, Adamo, Marco, Luca, Garibaldo, Gaston, Gedeone, Giona, Giovenale, Eros – мужские имена; Ancilla, Chiara, Fatima, Felicita, Elisabetta (но: Elsa/Elso с частотностью 89 000 и 2700), Ines, Irene, Jole, Maddalena, Margherita, Matilde, Noemì, Desdemona, Rebecca, Rosa, Sara (имя Sario – гипокористическая форма от Rosario), Susanna – женские. В некоторых случаях родовые различия не выражаются морфологически: Carmine (м. р.) – Carmen (ж. р.). Женский вариант имени иногда образуется при помощи

суффикса: *Salvatore – Salvatrice, Andrea – Andreina, Clemente – Clementina, Ercole – Ercolina, Ermes – Ermentina, Ettore – Ettorina*. Наконец, имеются имена, общие для мужчин и женщин: *Colomba, Clemente* (редкое как женское имя), *Celeste*.

В настоящее время для русского языка наличие родовых пар в системе имен не представляется явлением характерным и ограничивается незначительным числом пар, например, *Валентин – Валентина, Александр – Александра, Валерий – Валерия, Евгений – Евгения, Виктор – Виктория, Юлий – Юлия*; менее распространены пары типа *Клавдий – Клавдия, Леонид – Леонида, Федор – Федора, Алевтин – Алевтина*. Славянские имена типа *Людмил – Людмила, Светлан – Светлана* и заимствованные имена *Олег – Ольга* противопоставлялись по роду еще в дохристианскую эпоху. На более ранних этапах развития русской христианской антропонимии родовые пары имен были представлены гораздо шире. Пары образовывали не только редкие сейчас *Агафон – Агафья, Евдокий – Евдокия, Евлампий – Евлампия, Зиновий – Зиновия, Синклитик – Синклитикия (Секлетей – Секлетейя), Ульян – Ульяна*, но и *Анастас(ий) – Анастасия, Василий – Василия, Елен – Елена, Екатерин – Екатерина, Натальи – Наталия, Марин – Марина, Мартин (Мартын) – Мартина* и др. Родовые пары были характерны и для идеологических имен послереволюционной эпохи, что объясняется установкой родителей на определенную тематику имени будущего ребенка, а не на какие-либо иные обстоятельства: *Октябрь – Октябрина, Май – Майя, Гертруд – Гертруда* (герой труда), *Виль – Виля, Владлен – Владлена* (В. И. Ленин), *Марлен – Марлена* (Маркс, Ленин) и др. (см. ниже).

Именник и общество

Одной из ярчайших характеристик итальянского именника является его живая реакция на разнообразные события политической и культурной жизни, происходящие как внутри страны, так и за рубежом. Проявляется это в том, что именами становятся названия событий, мест, где эти события происходили, фамилии героев этих событий и т. д. Например, имя *Norvegia/o, Norge, Nobile* давалось ребенку в честь походов под руководством Ум-

берто Нобиле на Северный полюс в 1926–1928 гг., а имена Darwin и Edison, зафиксированные словарем Э. Де Феличе, являют собой своеобразный отклик на достижения науки.

Меняющаяся картина мира вносит в именник изменения такого рода особенно интенсивно в периоды решающих социальных процессов. Таким процессом в Италии было Рисорджименто – национально-освободительное движение против австрийского гнета, за объединение Италии.

Во времена Рисорджименто (1815–1870 гг.) появилась традиция нарекать младенцев фамилиями патриотов-героев, которую заложил, по всей видимости, сам Гарибальди. Его сыновей звали Menotti и Ricciotti. Первая фамилия принадлежит итальянскому патриоту Ciro Menotti di Carpi, его брату Celeste и сыну Achille. Фамилия Ricciotti носили три брата Domenico, Giacomo, Nicola, погибшие за свободу Италии. В 1981 г. имя Ricciotti было у 1000 итальянцев [De Felice 1997]. Стала именем и фамилия самого Д. Гарибальди – Garibaldi – при наличии имени германского происхождения Garibaldo, известного с VIII в. В эту же эпоху становится чрезвычайно популярным имя жены и сподвижницы Гарибальди Аниты (Anita Maria Ribeira da Silva di Morinhos), португалки по происхождению, родившейся в Бразилии. Имя Anita, будучи диминутивом португальского имени Ana, звучит по-итальянски несколько экзотически; тем не менее, оно широко используется и в настоящее время: в 1981 г. его носили 75 000 итальянок, а его частично итальянизированный вариант Annita (с удвоением согласного) – 18 000 [ibid.]. Имя дочери Гарибальди – Teresita (португальский диминутив от Teresa) – тоже стало идеологическим именем и в такой форме (с индексом 9000) дошло до наших дней.

Как имена использовались и фамилии наиболее видных сподвижников Гарибальди: Bixio (Bisio, Bizio, Bigio), Cairoli, Cavalotti, Dandolo, Mameli, Nievo, в настоящее время практически вышедшие из употребления.

События Рисорджименто, особенно победы патриотов, отразились и на именнике; появились имена, восходящие к названиям мест знаменитых сражений: Volturmo, Mentana/o, Goito/a, Palestro. Использовались в качестве имен названия городов:

Nizza – родной город Гарибальди, отошедший к Франции в 1860 г., Lugano – традиционное место политического убежища патриотов во времена Рисорджименто.

Активное воздействие общественных событий на именник не закончилось с объединением Италии и продолжалось вплоть до середины XX века.

С конца XIX в. в среде левых радикалов стали модными в качестве имен французские фамилии Marat, Robespierre, название романа Э. Золя «Жерминаль», посвященного борьбе рабочего класса (Germinal, Germinale, Germinalina), а также имена Comunardo/a, Idea/o, Ideale, Ideal, Pensiero, Progresso, Ribello/a, Ribelle, Libertà (это имя дал своей дочери писатель Giosue Carducci, фамилия которого в радикальных кругах тоже использовалась как имя). В антиклерикальной среде использовалось имя Ateo/a [De Felice 1987: 32–33]. Позже, в XX веке, появляются имена Marx, Marxina, Engels, Enghel, Engel, Lenin, Lenino/a, Uliano/a (а также Wladimiro/a, Vladimiro/a), Stalino.

Оставила свой след в ономастиконе и колониальная политика Италии: Eritrea/o, Aden, Asmara/o, Asmarino, Aduo, Aduino, Libia/o, Libiano/a, Tripoli, Tripolino/a, Algeri, Algeria, Algero, Algerino/a (Алжир – предмет колониальных амбиций Италии).

Нашла отражение в итальянском именнике также первая мировая война: Sauro – фамилия героя, его имя и фамилия используются также как сложное имя Nazario Sauro; как имена использовались фамилии военных и политических деятелей этого периода: Cadorna/o (генерал Luigi Cadorna), Sonnino/a (министр иностранных дел), Wilson (Vilson) – президент США (в честь вступления США в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 г.); именами стали и топонимы – театры военных действий: Adige, Adigina, Cadore, Cadorino, Carso, Marna/o, Verdun. Имя Gorizia давалось в память жертв, погибших при взятии Гориции. Наконец, детей родившихся во время войны, называли Guerrino/a, Mondino/a.

В эпоху Муссолини приходит мода на имена, подчеркивающие величие Италии: Impero/a, Imperio/a, Impero Romano, Italia, Italo/a, Italiano/a, Italino/a, Scipione, Scipio (в честь Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, полководца, одержав-

шего ряд выдающихся побед). Получает распространение имя Benito. Становится именем слово littorio из словосочетания fascio littorio – ликторский жезл – символ власти в Древнем Риме, эмблема и символ фашизма: Littorio/a, Littorino/a, Littoriano. Популярным было и имя Valilla – прозвище юноши, который бросил камень в австрийцев в Генуе в 1746 г., что послужило началом народного восстания. Имелись также и антифашистские имена: Matteotti (фамилия депутата-социалиста, защитника демократии, убитого в Риме в 1924 г.); Э. Де Феличе считает, что антифашистский смысл могли иметь имена Libero, Memore, Riscatto, Risveglio, Idea, Scintilla [De Felice 1987: 28].

В России наиболее бурно реакция ономастикона на внешние события, происходившие в стране, проявилась после 1917 г. Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства ознаменовал отмену традиционных правил именования, основывающихся на конфессиональных устоях. Новая революционная эпоха нуждалась в новых именах, которые противопоставлялись старым православным; вместо крестин получили распространение октябрины – церемония наречения младенца новым именем, представленная в фильме по повести М. Булгакова «Собачье сердце»; издавались календари, в которых печатались рекомендуемые имена. Имя *Полиграф Полиграфович*, которым нарекался герой упомянутой повести, было извлечено именно из одного из таких календарей. Приведем отрывок из повести:

«– Как же вам угодно именоваться?

Человек поправил галстук и ответил:

– Полиграф Полиграфович. [...]

– Филипп Филиппович налился кровью и, наполняя стакан, разбил его. [...] Он повернулся на стуле, преувеличенно вежливо склонил стан и с железной твердостью произнес:

– Из-вините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно знать, откопали себе такое?

– Домком посоветовал. По календарю искали – какое тебе говорят? Я и выбрал.

– Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

– Довольно удивительно, – человек усмехнулся, – когда у вас в смотровой висит.

Филипп Филиппович, не вставая, закинулся к кнопке на обоях, и на звонок явилась Зина.

– Календарь из смотровой.

Протекла пауза. Когда Зина вернулась с календарем, Филипп Филиппович спросил:

– Где?

– 4-го марта празднуется.

– Покажите... Гм... Черт... В печку его, Зина, сейчас же».

А. В. Суперанская приводит образцы рекомендаций, подобных описанной выше, которые давали календари той эпохи. Так, 7 февраля в день рождения автора «Утопии» Томаса Мора (род. в 1478 г.) предлагались имена *Мора* и *Томас*; 31 мая в день, когда было вынесено Постановление Наркомпроса об обязательном совместном обучении (1918 г.), – имена *Наука* и *Луначар*; имя *Чарта* рекомендовалось в память о демонстрации чартистов в Лондоне, а *Желдора* – в память о забастовке железнодорожников в США в 1919 г. [Суперанская 1998: 58–59].

Пафос таких именованний – возвеличение революционной борьбы и революционных преобразований, увековечение памяти о революционерах. Именами становятся фамилии известных деятелей науки, искусства, политики, особенно содержащие революционные коннотации, а также фамилии деятелей революции (иногда с использованием аффиксации): *Бруно*, *Гейне*, *Гарибальди*, *Спартак*, *Жорес*, *Кюри*, *Марат*, *Фрунзе*, *Ванцетти*, *Бебелина*, *Ленина*. Именами становятся и нарицательные существительные, связанные с революцией и революционной борьбой, а также слова, содержащие семы «новое (в том числе в науке, технике, производстве)», «революционное», «прогрессивное»: *Баррикада*, *Октябрь*, *Трактор*, *Атеист*, *Антенна*, *Электрон*, *Мартен* (мартеновская печь); *Май*, *Майя* (в честь пролетарского праздника). При этом часто менялись род и морфологическая структура исходного слова (сокращался корень слова или добавлялся аффикс): *Аврор*, *Деталий*, *Индустрий*, *Энергий*; *Агит*, *Агита* (от *агитация*); *Октябринина*, *Декабринина* (в честь декабристов), *Правдина* (в честь газеты «Правда»); *Револь*, *Револьий*, *Револа*, *Революта* (от *революция*), близнецам давались имена *Рево* и *Люций* (или *Люция*). Появились и неидеологические новые имена: *Лилия*, *Новелла*.

После революции переосмысливаются старые имена. Так, имя римской богини *Авроры* приобрело ассоциативную связь с крейсером «Аврора»; *Капитолина* преобразовалось в *Капиталину* в честь «Капитала»; древнегреческое имя *Электра* стало символом электрификации (наряду с именем *Электрина*), от немецкого женского имени *Гертруда* появилось два имени *Гертруд* и *Гертруда*, означавшие «герой труда».

Наиболее ярко творческая стихия в ономастической сфере проявилась при образовании имен путем соединения инициалов, усеченных имен и фамилий (очень часто классиков марксизма-ленинизма), соединения всякого рода сокращений: *Эдил* – «эта девочка имени Ленина»; *Рикс* – «рабоче-крестьянский союз»; *Рэм, Рэма* – «революция, электрификация, механизация»; *Марклен, Маркслен, Марлен, Марлена* – «Маркс, Ленин»; *Марленст, Марлест, Марлис* – «Маркс, Ленин, Сталин»; *Марлин* – «Маркс, Ленин, интернационал»; *Марлэн* – «Маркс, Ленин, Энгельс»; *Вилор, Вилора* – «В. И. Ленин – организатор революции»; *Виля, Виля* – «В. И. Ленин»; *Владлен, Владлена, Владилен* – «В. И. Ленин»; *Ким* – «коммунистический интернационал молодежи»; *Карм, Кармий, Кармия* – «Красная армия». Шедевром такого рода сокращений является имя *Пявчет* – «Пятилетку в четыре года!». Для образования новых имен могли использоваться и другие способы, например, обратное чтение слова. Так, имя *Нинель* является анаграммой фамилии *Ленин*. Имена *Сталинслав, Ленинслав* образованы по модели древнерусских княжеских имен – с использованием компонента *-слав*. Получили распространение в качестве официальных и гипокористические формы имен (как правило, женских): *Ася, Мара, Рина, Элла, Рита, Лана* и др. Возможно было и совпадение нескольких способов образования нового имени: *Лина* может быть кратким именем от *Каролина, Магдалина*, а также соединением двух первых слогов сочетания *Лига наций*.

Календари предлагали в качестве личных имен и географические названия: *Алтай, Урал, Волга, Италия, Лозанна, Сицилия* и др.

Необходимо отметить, что новые (в том числе, идеологические) имена чаще давались девочкам, поскольку функция обра-

зования отчества является в каком-то смысле сдерживающим фактором для экспериментирования в области мужских имен, хотя и некоторые новые мужские имена пользовались успехом. Тем не менее, из сохранившихся по настоящее время новых имен 20–40-х годов больше женских, часто гипокористических, благозвучных имен. Благозвучие и соответствие традиционной системе (заключающееся в основном в отсутствии прямой связи с предметами окружающего мира), возможность образовывать отчество (для мужских имен) и удобные краткие формы – условия «выживания» новых имен. В результате лишь немногие из новых мужских имен (например, *Владлен*, *Марлен*) использовались более чем одним поколением советских людей. В целом, русский именник (особенно мужской) более консервативен, чем итальянский в отношении нововведений и нетрадиционных именовании. Приведем один пример. Известный советский кинорежиссер Г. Александров назвал своего сына *Дугласом* в честь голливудского актера *Дугласа Фербенкса*; уже будучи взрослым, после женитьбы, Дуглас сменил свое имя на более простое и обычное – *Василий*. По всей вероятности, на это были веские причины.

Более восприимчивым русский ономастикон оказался по отношению к древнерусским неканоническим именам, закрепившимся в нем в последние десятилетия: *Лада*, *Богдан*, *Бронислав*, *Станислав*, *Радомир*.

Несмотря на появление потока новых имен, в советскую эпоху произошло парадоксальное явление – реальный, активный именник не только не расширился, но и заметно сократился, поскольку новые имена в основной массе не прижились, зато исчезла огромная масса имен, которая, так сказать, определялась датой рождения ребенка, то есть днем поминовения того или иного святого; это средне- и малораспространенные в XIX веке имена. Об этом речь пойдет ниже.

Несмотря на невосприимчивость мужского именника к иностранным онима, нельзя отрицать их присутствие – особенно английских – в повседневном обиходе. В молодежном студенческом жаргоне в последнее десятилетие стало принято использовать английские краткие имена вместо их русских аналогов: *Алекс* вместо *Александр*, *Алексей*, *Майк* вместо *Миша*, *Дэн* вместо

Даниил, Джонни, Джек вместо *Иван*, *Джо* вместо *Юрий*, *Ник* вместо *Николай*. Особенно часто такие имена встречаются в электронной переписке фанатов различных поп-групп, спортивных клубов и т. п.

Литературные имена

Особое место в итальянском именнике занимают литературные имена, то есть имена, пришедшие из литературы, а также имена, распространению которых способствовали те или иные художественные произведения. Мода на литературные имена зародилась в средние века; именно тогда в итальянский именник попали имена французских эпических и литературных героев: Artuso, Ferrau, Lancelotto, Paladino, Percivalle, Rinaldo, Uggero. К литературным именам относятся также имена, образованные от фамилий (имен и фамилий) писателей. К их числу принадлежат редкие в наши дни имена, принадлежащие наиболее любимым в прошлом писателям: Dumas, Victor Hugo, Victor Ugo, Vittor Ugo, Vittorugo. Что касается имен, сошедших со страниц литературных произведений, то это либо вымышленные, либо реально существующие, но редкие или принадлежащие другой культуре онимы.

В качестве примера имен, изобретенных писателями и востребованных итальянцами для именования младенцев, можно привести имена героев популярнейших романов: Ivanoe, Ivanohe («Айвенго» В. Скотта), Aramis, Porthos, Portos, Athos (герои известных романов А. Дюма), Nemo, Nema («Двадцать тысяч лье под водой» Ж. Верна). Особенно популярны в Италии имена героев поэм, придуманные Джеймсом Макферсоном: Oscar и Malvina (22 000 и 6500 итальянцев). Среди онимов, распространенности которых способствовали те или иные литературные произведения, назовем Valentina (героиня романа Ж. Санд «Валентина»), Emma («Мадам Бовари» Г. Флобера; это имя имеет очень высокий рейтинг: его носили в 1981 г. 123 000 итальянок), Colomba («Коломба» П. Мериме). К литературным именам иностранного происхождения относятся также следующие русские онимы: Dimitri (при наличии Demetrio) от имени «Дмитрий Ка-

рамазов»; Katia, Katja, Catia, Ivan (персонажи романа «Братья Карамазовы»); Sonia (София Мармеладова, Соня из «Дяди Вани»); Vania, Vanja, Vannia, Vanio («Дядя Ваня»); Natascia («Война и мир», «Рудин»); Olga («Евгений Онегин», «Обломов», «Три сестры»); Tatiana, Tania, а также Tatiano (!) («Евгений Онегин»); Tamara/Tamargo («Демон»); Juri, Yuri («Доктор Живаго») [De Felice 1987: 46, 54, 62, 80].

Иностранное имя, как видно из примеров, используется как в полной форме, так и в диминутивной. Ср. также: Consuelo («Консуэло» Ж. Санд), Alice («Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла) – полные имена; Nana («Нана» Э. Золя) – диминутив от французского имени Анне.

Особое место в итальянском именнике занимают имена шекспировских героев: Amleto, Laerte, Polonio, Ofelia, Otello, Jago, Desdemona, Romeo, Giulietta, самые популярные из которых – Romeo, Otello, Giulietta (30 000, 29 000, 13 000).

Наконец, еще одна своеобразная черта итальянского именника – наличие в нем онимов, пришедших с оперной сцены. Наиболее яркими «оперными» именами являются Norma – 39 000 итальянок («Норма» В. Беллини), Aida – 12 000 («Аида» Дж. Верди), менее распространены мужские имена Amneris и Radomes из этой же оперы (4000 и 1500). Все четыре онима – вымышленные. Редкое имя Tosca, сохранившееся благодаря святой по имени Тоска (Santa Tosca), получает новую жизнь благодаря опере Дж. Пуччини «Тоска». Русское имя Fedora пришло в итальянский ономастикон из оперы У. Джордано «Федора»; в 1981 г. его носили 15 000 итальянок, а соответствующее латинизированное имя Teodora – всего 8000. В России же имя Федора уже в пушкинскую эпоху воспринималось как простонародное, сейчас практически не встречается и известно скорее как литературное имя («Федорино горе» К. Чуковского). Мужской вариант данного имени Fedoro в Италии встречается очень редко (100), хотя автору известен итальянец, носящий имя Fiodor, по его словам, в честь великого русского писателя.

Очень часто на основе литературного произведения создавалось то или иное музыкальное, поэтому в ряде случаев трудно определить, что способствовало популярности имени – драма или

опера. Это, в первую очередь, касается шекспировских имен Otello, Desdemona, Romeo, Giulietta, перешедших в оперы Дж. Россини («Отелло»), Дж. Верди («Отелло»), В. Беллини «Капулетти и Монтечки». Еще один пример: оним Elvira, принадлежащий к весьма распространенным (114 000), – женский персонаж из легенды о дон Жуане и представлен как в театре (Тирсо де Молина, Ж. Б. Мольер, К. Гольдони и др.), так и в опере (Х. В. Глюк, Дж. Гаццанига, В. А. Моцарт и др.); кроме того, героини с таким же именем появляются в драматической поэме В. Гюго «Эрнани» и в одноименной опере Дж. Верди, а также в операх Дж. Россини «Итальянка в Алжире» и В. Беллини «Пуритане».

Проблема русских литературных имен изучена слабо. Между тем, влияние литературного ономастикона на реальный очевидно. Ограничимся несколькими примерами. Имя *Митрофан* практически исчезло из русского именника, чему в немалой степени способствовала известная комедия Д. И. Фонвизина. Даже в Воронежской губернии, ареале наиболее широкого распространения этого онима (в честь особо почитаемого здесь святого Митрофания Воронежского), в советское время Митрофаны часто «стеснялись» своего имени и меняли его. Автору известно несколько таких случаев. И дело не в возможной неблагозвучности или архаичности имени *Митрофан*, а в ассоциациях, вызываемых этим именем. По данным эксперимента Е. Н. Колодкиной и Т. В. Сунцовой, имя *Митрофан* прочно ассоциируется у русских студентов (эксперимент проводился в студенческой среде) с понятиями *безграмотность, глупость, деревня, дурачок, лентяй, простофиля* [Колодкина, Сунцова 2000: 50].

Чаще же, напротив, имена литературных героев благоприятствовали хождению тех или иных имен. Имя *Елизавета* становится популярным в России благодаря «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, как и неканоническое имя героини баллады В. А. Жуковского *Светлана*, которое обрело крестильный вариант *Фотиния* и, соответственно, день в православном календаре. Особое влияние на русский именник оказало творчество А. С. Пушкина. Имя *Татьяна*, считавшееся простонародным, настолько повысило свой рейтинг, что его носила одна из дочерей последнего

императора. Вошли в моду и имена *Евгений*, *Ольга*. Благодаря Пушкину в русском антропонимиконе закрепились, особенно в советскую эпоху, имена *Людмила*, *Руслан*, *Герман*, *Земфира*. Например, именами пушкинских героев *Германом* и *Земфирой* назвал своих детей отец известного космонавта Титова, страстный почитатель творчества поэта [Зинин 1972: 101]. Героиня романа «Война и мир» *Наташа* Ростова «способствовала» распространению имени *Наталия*, как и тургеневская героиня – имени *Ася*. Английское литературное имя *Нелли* (*little Nell* – производное от *Helen* – из «Лавки древностей» Ч. Диккенса) было использовано Ф. М. Достоевским в романе «Униженные и оскорбленные» и введено в русский антропонимический обиход; в XX столетии оно стало одним из популярных женских имен.

Собственно литературным, вымышленным именем является *Аэлита* (героиня одноименного романа А. Толстого); это имя рекомендовалось советскими календарями в 1920-х годах. Имя другой героини этого автора – *Мальвины*, хоть и появлялось в подобных календарях, но в русском ономастиконе оно закрепилось позднее – после публикации «Золотого ключика, или приключений Буратино» (1936 г.), сказки, написанной по мотивам известной повести К. Коллоди *Le avventure di Pinocchio, storia di un burattino*. Как указывалось, имя *Мальвина* тоже вымышленное, принадлежит шотландскому поэту Джеймсу Макферсону, но для России оно имеет, в известном смысле, итальянские корни.

Распространение онима *Тимур* (вариант имени *Тамерлан*) в русском антропонимическом пространстве «обязано» известной повести А. Гайдара. Из имен персонажей зарубежной литературы, нашедших место в русском именнике, можно назвать *Артур* и *Спартак*; это герои романов Э. Л. Войнич «Овод» и Р. Джованьоли «Спартак», чрезвычайно любимых в Советском Союзе в 50-е годы.

Литературные имена, таким образом, являясь частью языковой картины мира, ярко характеризуют не только литературные вкусы эпохи, но и всю эпоху в целом.

Основные тенденции в развитии итальянского и русского именников

Среди тенденций развития итальянского именника, действующих в настоящее время, можно отметить его резкое обеднение: начиная с 60-х годов он сократился с 10 000 активных личных имен до 300 или 400, включая графические варианты [De Felice 1987: 194]. Некогда лидирующие имена, еще сохраняющиеся у представителей предыдущих поколений, сводятся к 1000 и проявляют заметную тенденцию к постепенному исчезновению. В результате снижается дифференцирующая сила имени. Выбор имени, с одной стороны, сводится к традиционным, классическим именам с неоспоримой привлекательностью звучания и, с другой, к именам новым, навязанным mass media, телевидением, массовой культурой, в основном американского происхождения. Доля имен, наиболее распространенных по всей территории Италии (Giuseppe, Giovanni, Antonio, Mario, Luigi, Pietro, Carlo, Franco, Bruno, Giorgio – мужские имена; Giuseppa, Giuseppina, Rosa, Angela, Giovanna, Teresa, Carla, Antonia, Luigia, Bruna – женские имена), в ономастиконе заметно уменьшается.

Исчезают или становятся редкими «тяжелые» имена: Abelardo, Ademaro, Alberico, Archimede, Aureliano, Bonaventura, Clodoveo, Eliodoro, Ermenegildo, Florestano, Napoleone, Pompeo, Sigismondo, Teodorico, Vivenzio; Adelasia, Cunegonda, Desdemona, Genoveffa, Ifigenia, Messalina, Penelope, Petronilla, Prassede, Rosmunda, Veneranda. В то же время происходит «переоценка» некоторых традиционных имен, которые выдвигаются на первые места, становятся престижными наряду с новыми именами: Alessandro, Federico, Stefano, Tiziano, Andrea, Daniele, Davide, Emanuele, Luca, Gianluca, Marco; Antonella, Claudia, Donatella, Federica, Monica, Nadia, Patrizia, Simonetta, Stefania, Stella, Tiziana, Daniela, Emanuela, Mara, Miriam, Susanna. С середины 60-х годов указанные процессы усиливаются: продолжает падать рейтинг традиционно наиболее частотных имен, а также доля имен высокого и среднего ранга: Armando, Cesare, Filippo, Silvano, Adriano, Ettore, Felice, Augusto, Italo, Dante, Sebastiano, Romano; Ada, Maddalena, Filomena, Elvira, Iolanda, Carolina, Virginia, Erminia, Amelia, Agne-

se, Marianna, Pia [ibid.: 203–204]. Практически исчезают из обихода малоупотребительные прежде имена, за которыми часто стоят исторические фигуры, святые, персонажи различных произведений: Amilcare, Annibale, Aristide, Beniamino, Casimiro, Cristoforo, Eriberto, Feliberto, Giustiniano, Nicodemo, Reginaldo, Temistocle, Torquato, Vinicio; Adalgisa, Adelaide, Aida, Brigida, Cleofe, Coredelia, Ildegonde, Porzia, Tecla, Teodolinda, Veridiana, Vinicia, Zaira.

К престижным именам присоединяются «старые» имена с высокой и средней частотностью, обладающие приятным звучанием: Alessio, Antonello, Cristiano, Fabio, Fabrizio, Massimiliano, Michele, Patrizio, Valentino, Matteo/Mattia, Simone; Alessandra, Barbara, Chiara, Cinzia, Cristina, Eleonora, Elisabetta/Elisa, Fabiana, Francesca, Gemma, Giorgia, Giulia, Ilaria, Linda, Manuela, Marina, Michela, Pamela, Patrizia, Raffaella, Ester/Esther, Marta, Sara/Sarah, Simona, Tamara [ibid.]. Значительная часть этих имен – из Ветхого и Нового Заветов.

Выдвигаются новые иностранные имена; а также имена в иностранной огласовке: Alexandro, Christian/Cristian, David, Dimitri, Igor, Michael/Micael, Mirko/Mirco, Omar, Thomas, Walter, Yuri/Juri; Armanda, Denise, Erika/Erica, Katia/Katya/Katiuscia, Lara, Michaela/Micaela, Moira, Myрна/Mirna, Patricia, Romina, Sabrina, Samantha/Samanta, Tania, Ursula, Ulla. Как видим, среди новых иностранных имен заметна доля русских онимов.

К середине семидесятых годов популярность перечисленных имен закрепляется: к ним добавляются Dario, Niccolò, Valerio, Elia, Isacco, Ruben (три последних имени – библейские). Шире круг новых женских имен: Alice, Azzurra, Clarissa, Cristiana, Danila, Daria, Doriana, Irene, Licia, Loredana, Luana, Martina, Nicoletta, Serena. Становятся модными женские библейские имена: Dalila, Dinara, Giuditta, Lia, Micol, Noemì, Rachele, Rebecca, Ruth. Наконец, под влиянием телесериалов и mass media входят в итальянский ономастикон такие единицы: Alex, Anthony, Daniel, Donovan, Dylon, Emanuel, Geiar, John, Jonathan, Liam, Manuel/Manolo, Patrick; Alexis, Brenda, Christel/Cristel, Daiana/Dajana, Ellen, Hilary, Irina, Isabel, Jennifer/Genny/Jenny, Jessica, Karin, Krizia, Nathalie, Sally, Sheila, Solange, Tatiana, Ylenia/Ilenia [ibid.: 205].

Э. Де Феличе иллюстрирует изменения в итальянском именнике следующими таблицами. В первой колонке приводятся

имена владельцев телефонов в городе Турине на 1981 год (в порядке их рейтинга), то есть имена, принадлежащие нескольким поколениям людей, родившихся в подавляющем большинстве в XX веке; это наиболее распространенные 20 имен традиционного ономастикона. Данный список мало отличается от второго, общенационального, составленного нами на основе данных словаря Э. Де Феличе [De Felice 1997]; различия в мужских именах в основном сводятся к порядковому номеру того или иного имени; среди женских имен не совпадают четыре имени: в первом присутствуют Laura, Maddalena, Luigia, Domenica; во втором – Elena, Concetta, Rita, Paola. В третьей колонке приводятся 20 наиболее престижных имен, данных младенцам в Турине в период между 1 июля 1996 г. и 30 июня 1997 г.

Традиционный репертуар имен на 1981 год		№	Имена, данные новорожденным в 1996–1997 г. в Турине
Турин	Вся Италия		
Мужские имена			
Giuseppe	Giuseppe	1	Andrea
Giovanni	Giovanni	2	Marco
Antonio	Antonio	3	Alessandro
Francesco	Mario	4	Luca
Mario	Luigi	5	Davide
Luigi	Francesco	6	Simone
Carlo	Angelo	7	Daniele
Pietro	Vincenzo	8	Stefano
Vincenzo	Pietro	9	Federico
Michele	Salvatore	10	Alessio
Domenico	Carlo	11	Matteo
Salvatore	Franco	12	Fabio
Angelo	Domenico	13	Michele
Franco	Bruno	14	Emanuele
Aldo	Paolo	15	Gianluca
Bruno	Michele	16	Diego
Giorgio	Giorgio	17	Mattia
Paolo	Aldo	18	Mirko
Sergio	Sergio	19	Dario
Luciano	Luciano	20	Ivan

Традиционный репертуар имен на 1981 год		№	Имена, данные новорожденным в 1996–1997 г. в Турине
Турин	Вся Италия		
Женские имена			
Maria	Maria	1	Valentina
Anna	Anna	2	Federica
Giuseppina	Giuseppina	3	Sara
Teresa	Rosa	4	Stefania
Margherita	Angela	5	Giulia
Angela	Giovanna	6	Alessandra
Rosa	Teresa	7	Chiara
Giovanna	Lucia	8	Alessia
Caterina	Carmela	9	Francesca
Lucia	Caterina	10	Serena
Anna Maria	Francesca	11	Elisa
Carla	Anna Maria	12	Silvia
Francesca	Antonietta	13	Ilaria
Laura	Carla	14	Valeria
Maddalena	Elena	15	Cristina
Antonietta	Concetta	16	Veronica
Luigia	Rita	17	Simona
Franca	Margherita	18	Eleonora
Domenica	Franca	19	Jessica
Carmela	Paola	20	Martina

Как видно из списков, перечень наиболее популярных имен почти полностью сменился. В списках новых мужских и женских имен сохраняется только по одному имени из старых списков – Michele и Francesca; таким образом, из частотного ономастикона исчезли традиционные имена – Giuseppe, Giovanni, Antonio, Maria, Anna, Teresa и др. Среди новых имен с самым высоким рейтингом большая часть – тоже традиционные, за исключением женского имени Jessica (это имя, по всей видимости, единственное в списке престижных имен, пришедшее из mass media) и мужских имен Mirko и Ivan, которые, однако, давно присутствуют в итальянском ономастиконе.

В России после Октябрьской революции, как уже указывалось, произошли важные изменения в именнике. Они отразили

изменившуюся картину мира. По сравнению с предыдущими столетиями роль имени в обозначении человека падает (хотя в течение двух десятилетий после революции наблюдался необыкновенный творческий подъем в области именованя людей) и увеличивается роль фамилии. В самом деле, начиная с XVIII в. количество «ходовых» имен постепенно сокращается. Если в XVIII в. было около 80 распространенных (именно эти имена лежат в основе современного именника) и приблизительно столько же малоупотребительных имен, характеризующих, в основном, именник крестьян [Зинин 1972: 87] (то есть влияние священника на выбор имени в крестьянской среде было гораздо сильнее), то к концу XIX столетия число популярных имен доходит до 30–40. Так, в г. Пензе 79% всех новорожденных в период с 1882 по 1892 г. были наречены именами *Александр, Алексей, Андрей, Борис, Василий, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Иван, Илья, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Федор, Яков* (21 имя); 21% приходится на 100 с лишним имен (количество мужских имен достигало 130 в год) [Бондалетов 1971: 14]. При этом численность женских имен отставала от количества мужских, и максимальное число женских имен достигало лишь 64 в год [там же].

В 20-х годах XX в. количество употребительных имен резко увеличивается за счет неправославных имен: новообразований, заимствований (см. выше); впервые число популярных женских имен превышает число мужских [Бондалетов 1970: 51]; в последнем отразилось повышение социального статуса женщины в обществе. Изменение картины мира, таким образом, неизбежно сказалось и на именнике. Именно в этот период наблюдаются наибольшие расхождения в составе именника по сравнению с предыдущими десятилетиями. Так, в списке мужских имен в г. Пензе за 1893–1902 гг. и в списке за 1921–1930 гг. совпадающих всего 63, а несовпадающих – 168! [Бондалетов 1983: 144] Совпадающие онимы, естественно, принадлежат традиционному именнику, а несовпадающие – в основном советские новообразования и заимствования.

В 40-х годах мода на новые имена проходит, большинство из них бесследно исчезает, хотя в именнике, преимущественно жен-

ском, закрепляется ряд новых имен (*Жанна, Нелли, Анжела, Элла, Эмма, Инга, Майя, Дина, Диана*).

К 60-м годам русский именной стабилизировался в том смысле, что возвращается на традиционную линию, заложенную в XVIII в. и заключающуюся в использовании определенного, ограниченного костяка православного именника, состоящего из проверенных временем имен, вписавшихся в русскую историю, благозвучных, с большим числом дериватов. Это: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Вадим, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Петр, Роман, Сергей, Федор, Юрий*. Из перечисленных имен *Виктор, Борис, Игорь, Олег* стали частотными в советскую эпоху, к ним можно добавить несколько новых онимов: *Альберт, Станислав, Эдуард*.

В основе женского именника в этот период тоже традиционные имена: *Алевтина, Александра, Алла, Антонина, Валентина, Вера, Галина, Евгения, Екатерина, Елена, Зинаида, Зоя, Ираида, Ирина, Клавдия, Лариса, Лидия, Любовь, Людмила, Маргарита, Марина, Мария, Надежда, Наталья, Нина, Ольга, Раиса, Тамара, Татьяна, Юлия*. Имена *Нина, Валентина, Галина, Людмила, Светлана, Лариса, Инна* и *Римма* стали популярными в XX столетии; два последних (*Инна, Римма*) некогда были мужскими. В целом же, доля новых имен в женском именнике выше, чем в мужском: *Альбина, Виктория, Нелли, Лилия*.

В. Д. Бондалетов в именнике XX века выделяет 5 подгрупп, основываясь на росте или снижении популярности имен (приводится лишь часть имен):

1. Мужские имена устойчивой популярности.

Александр: 1899 г. – 12,3% наречений, 1920 – 8,7%, 1930 – 7,5%, 1957 – 13,1%, 1967 – 13,4%, 1980 – 10,8%.

Владимир: 1899 г. – 4,5%, 1920 – 11,8%, 1930 – 14,3%, 1957 – 11,9%, 1967 – 9,6%, 1969 – 6,1%.

2. Имена, употребительность которых росла на протяжении столетия.

Игорь: 1899 г. – 0,06%, 1920 – 0,26%, 1930 – 0,1%, 1940 – 0,32%, 1957 – 2,2%, 1967 – 5,3%, 1969 – 6,1%.

Андрей: 1899 г. – 1,8%, 1920 – 0,9%, 1957 – 3,0%, 1967 – 12,9%, 1975 – 8,8%.

3. Имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20–30 лет) стала еще большей.

Сергей: 1899 г. – 4,4%, 1920 – 4,9%, 1930 – 0,9%, 1940 – 0,32%, 1957 – 10,1%, 1969 – 12,4%, 1980 – 13,3%.

4. Имена, популярность которых приходилась на 20–30 годы (*Николай, Борис* и др.) или на 20–40 годы (*Геннадий, Юрий*).

5. Имена затухающей употребительности.

Иван: 1899 г. – 8,47%, 1920 – 2,4%, 1930 – 0,6%, 1957 – 0,4%, 1969 – 0,07. В 70-е годы происходит некоторое увеличение его употребительности. В эту же группу входят *Степан, Яков* [Бондалетов 1993: 144, 150].

В среднем в настоящее время используется – для всех возрастных категорий населения – около 20 частотных мужских имен, которые обслуживают примерно 80% населения. По данным В. Д. Бондалетова, исследовавшего именной рабочий поселок Лунино Пензенской области, где проживает 3170 лиц мужского пола, в поселке 18 частотных имен (в порядке рейтинга): *Александр, Николай, Владимир, Иван, Виктор, Анатолий, Сергей, Михаил, Алексей, Юрий, Василий, Борис, Петр, Вячеслав, Валерий, Евгений, Геннадий, Федор* [Бондалетов 1993: 6]. Эти данные во многом совпадают с «общероссийскими», хотя «общероссийский» список несколько шире и включает имена *Андрей, Валентин, Георгий, Константин, Леонид, Павел* (при отсутствии в последнем имен *Валерий, Вячеслав, Геннадий*), «во многом сходна и статистическая характеристика всех частых имен – первой десятки и первой пятерки наиболее популярных имен» [там же]. Что касается имен младенцев, то в последние десятилетия на 20 частотных имен падает в среднем 85% наречений; при этом «первый десяток частых имен покрывает 76%, а популярнейшая пятерка – 57% мальчиков» [там же: 8].

В последние годы наметилась тенденция к расширению именника за счет имен традиционного ономастикона, редких или очень редких в XX столетии. Это мужские имена *Артем, Денис, Данил, Дмитрий, Никита, Тимофей, Кирилл, Клим, Никита, Максим* и

женские *Анастасия, Виктория, Дарья, Юлия, Полина, Елизавета, Ксения, Софья, Ульяна, Кристина*. Из женских нетрадиционных имен можно отметить *Яна, Карина*. В 2004 г. самыми популярными именами среди воронежских новорожденных были: *Дмитрий, Никита, Александр; Анастасия, Виктория, Дарья*. Имена *Никита* и *Виктория* выдвинулись на первые места лишь в последнее пятилетие. И. С. Васенко, проанализировав динамику женского именника города Барнаула, отмечает, что к концу XX столетия наметились «увеличение количества и удельного веса некоторых забытых канонических имен (*Дарья, Анастасия* и др.)», а также «расширение репертуара за счет благозвучных иностранных имен» (*Диана, Ангелина, Яна, Анжела, Анжелика, Карина*) [Васенко 2005: 297–299]. В целом это характерно для всей России.

Таким образом, на всех этапах своего существования именник является неотъемлемой частью языковой картины мира, чутко реагирует на всевозможные изменения на положение человека в окружающем мире. Но имеются и некоторые константы. В частности, для русской языковой картины мира характерна приверженность традиционным именам, невосприимчивость к заимствованиям, особенно в сфере мужского именника. Эта тенденция была ведущей как в долгий период адаптации христианских имен в условиях сосуществования христианского и мирского именников, так и в настоящее время. Напротив, для итальянского именника характерно открытое отношение как к заимствованиям из иностранных именников, так и к использованию в качестве официальных имен различных дериватов имени.

Нами были проанализированы имена студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza», значившихся в списках в 1996 г. и родившихся в подавляющем большинстве в семидесятые годы. Список состоял из 466 итальянцев (студенты-неитальянцы не учитывались); из них 389 девушек и 77 юношей. На них приходится 221 имя: 169 женских и 52 мужских. Таким образом, дифференцирующая сила имени довольно высокая: одно имя «обслуживает» чуть более двух человек (2,1). Достаточно сказать, что в группах старших курсов, где обычно занималось по 10–20 студентов, имена не повторялись или повто-

рялись крайне редко, что не характерно для аналогичных групп в русских университетах.

Рейтинг женских имен распределился следующим образом:

- 1) Alessandra – 13 человек;
- 2) Francesca, Paola, Simona – по 11;
- 3) Barbara – 10;
- 4) Federica, Laura, Tiziana – по 9;
- 5) Alessia – 8;
- 6) Antonella, Claudia, Cristina, Elisa, Maria – по 7;
- 7) Daniela, Manuela, Silvia, Stefania, Valentina – по 6;
- 8) Cristina, Giulia, Lucia, Michela, Rafaella, Valeria – по 5;
- 9) Anna, Cinzia, Chiara, Eleonora, Monica – по 4;
- 10) Antonietta, Carla, Caterina, Donatella, Elisabetta, Gaia, Giorgia, Ilaria, Maria Paola, Patrizia, Roberta, Susanna – по 3;
- 11) Anna Maria, Debora, Eliana, Emanuela, Gabriela, Giovanna, Irene, Katia, Lara, Lorella, Luisa, Marina, Maria Cristina, Monia, Nadia, Sabina, Serena, Sonia, Teresa, Veronica – по 2;
- 12) Adele, Adriana, Agnese, Aline, Annamaria, Angelina, Annalisa, Anna Luana, Anna Rita, Anette, Antonia, Assunta, Benedetta, Bianca, Brunella, Candida Nicoletta Clelia, Carmela, Catia, Cecilia, Celeste, Concetta, Dana, Daria, Deborah, Desirée, Diana, Domiziana, Elenia, Emilia, Enrica, Erminda, Eugenia, Fedra, Felicia, Fiametta, Fiorella, Fiorenza, Flaminia, Floriana, Franca, Gaetana, Gianna, Giuditta, Giuseppina, Giusy, Gloriana, Heidi, Iris, Jessica, Jessica Alessandra, Katuscia, Lauretta, Lavinia, Leila, Letizia, Lisa, Loredana, Luana, Luciana, Luigia, Luisella, Marica, Mariella, Maria Daniela, Maria Dolores, Maria Filomena, Maria Gabriella, Maria Grazia, Maria Letizia, Maria Lisa, Maria Luisa, Maria Maddalena, Mariangela, Maria Nicoletta, Maria Raffaella, Maria Rita, Maria Rosaria, Maria Teresa, Marlena, Martina, Marzia, Marzia Elisabetta, Mery, Micaela, Mila, Moira, Nella, Novella, Oliva, Ombretta, Orietta, Ramona, Romina, Romina Maria, Rosalia, Rosangela, Rosanna, Rosaria, Rosina, Sabrina, Sara, Silvia Maria, Sistina, Stefania Virginia, Stella, Teresa Alessandra, Tullia – встречаются по одному разу.

Мужские имена в списке студентов были следующие:

- 1) Alessandro – 7 человек;
- 2) Stefano – 4;

3) Luca, Francesco, Massimiliano – по 3;

4) Alberto, Andrea, Claudio, Daniele, Fabrizio, Gian Luca, Marco, Mauro, Paolo, Simone – по 2;

5) Adriano, Alessandro Maria, Andrea Luca Mario, Antonio, Biagio, Damiano, Danilo, Dario, Edmond, Enrico, Ermanno, Ernesto, Fabio, Francesco Maria, Franco, Gino, Giorgio, Giovanni, Giulio, Lorenzo, Lucio, Manuel, Mario, Matteo, Maurizio, Mirco, Nicolò, Oliver, Paolo Maria, Piermaria, Raffaello, Riccardo, Rosario, Thomas Sebastian, Valerio, Vsevolod, Walter – по одному студенту.

Несмотря на ограниченность материала, результаты проведенного анализа весьма показательны. Обращает на себя внимание тот факт, что 107 женских имен и 37 мужских в списках встречаются только по одному разу (144 имени из 221 – больше половины). Это не может не свидетельствовать об определенных чертах национального характера, в частности, о стремлении к индивидуализации, к выделению из общей массы. Можно отметить также заметные отличия от традиционного именника. Так, прежде популярные женские имена *Giuseppina*, *Teresa*, *Giovanna* засвидетельствованы всего по два раза, а имя *Rosa* – ни разу; ни разу не встретились и традиционные мужские имена *Giuseppe*, *Luigi*, *Angelo*, *Vincenzo*, *Pietro*, *Salvatore*, *Carlo*. Зато встретились тройные имена – одно женское и одно мужское (*Candida Nicoletta Clelia* и *Andrea Luca Mario*), о существовании которых вообще не упоминается в научной литературе, хотя известно, что при крещении количество имен может превышать и эту цифру.

Различия в рейтинге между новыми именами (имеются в виду имена последних поколений), приводимыми нами и Э. Де Феличе, объясняются прежде всего разницей во времени (10 лет), повлиявшей на ономастическую моду, а также, по всей видимости, региональным фактором: данные указанного автора характеризуют север Италии, наши – центр. Имя *Maria*, не отмеченное Э. Де Феличе, в нашем списке входит в число 14 наиболее частотных имен, а если учесть двойные имена, содержащие это имя, то оно бесспорно лидирующее.

Таким образом, сдвиги в итальянском именнике очевидны, но они не столько революционны, чтобы можно было говорить о коренных изменениях, поскольку в его основе лежат традицион-

ные имена среднего рейтинга. Несмотря на характерную реакцию именника на явления окружающего мира – в данном случае на телесериалы, их влияние нельзя признать значительным. Данные интернета свидетельствуют о том, что на 1999 год шестью лидирующими именами у итальянцев всех поколений остаются те же, что и в списке 1981 года, хотя порядок их следования несколько изменился [<http://www.paginebianche.it/pbol/extra/pomi.htm>]:

Giuseppe	1	Maria
Giovanni	2	Anna
Antonio	3	Rosa
Francesco	4	Giuseppina
Mario	5	Angela
Luigi	6	Giovanna

Для сравнения мы проанализировали также список студентов 2–4 курсов факультета романо-германской филологии Воронежского университета за 2000 год. В этом списке мы остановились на той же цифре, что и итальянский список – 466 человек (из них 411 девушек и 55 юношей), родившихся в основном в 1979–1982 гг. В русском списке обнаружено 82 имени: 53 женских и 29 мужских. В среднем, таким образом, одно имя обслуживает почти 6 человек (5,6).

Среди женских имен (их 53 на 411 студенток) лидирующее имя – *Елена* (41 носительница), далее следуют *Ольга* (36), *Юлия* (35), *Екатерина* (33), *Ирина* (29), *Наталья* (30), *Анна* (23), *Татьяна* (25), *Марина* (16), *Светлана* (16). Эти десять имен составляют 69% всех использований женских имен.

Во вторую группу тоже входят 10 имен: *Оксана* (10), *Анастасия* (10), *Евгения* (8), *Валерия*, *Виктория*, *Инна*, *Людмила*, *Мария*, *Надежда*, *Яна* (по 6 студенток) – 16%

Третью группу образуют 33 имени (15% от общего числа использования имен).

Из них 5 раз встретилось имя *Олеся*.

По 4 раза встречаются *Ангелина*, *Дарья*, *Жанна*, *Софья*.

По 3 раза: *Алла*, *Вера*, *Галина*, *Диана*, *Кристина*, *Нина*.

По 2 раза: *Александра*, *Алена*, *Валентина*, *Ксения*, *Лариса*, *Полина*.

Наконец, по одному разу встречается 16 имен: *Алиса, Ася, Арина, Алина, Альбина, Вероника, Дина, Зоя, Инесса, Карина, Лада, Лилия, Майя, Рита, Станислава, Ядвига*.

Несмотря на ограниченность, приведенный материал весьма показателен. Так, наиболее распространенные имена относятся к традиционному именнику. Из них некоторые, например *Светлана*, стали популярными лишь в XX веке. Заметно понизился рейтинг популярных в предыдущие десятилетия имен *Людмила, Валентина, Галина, Нина*. Выдвигаются имена, ставшие редкими к середине XX века: *Дарья, Софья, Ксения, Полина, Кристина*. Обращает на себя внимание наличие в именнике последних десятилетий украинских и диалектальных имен: *Оксана, Олеся, Алена, Арина*, а также гипокористических образований: *Ася, Рита*. Из 53 имен только два можно признать экзотическими. Это польские имена *Станислава* и *Ядвига*.

Мужские имена (их 29 на 55 человек) распределились следующим образом. Самым популярным оказалось имя *Александр* – 6 студентов; Популярными оказались и имена *Денис* (5 человек), *Сергей* (4). 3 раза встретились имена *Олег, Дмитрий, Михаил*; по 2 раза – *Алексей, Владимир, Евгений, Иван, Илья, Павел, Роман, Руслан*; по одному – *Антон, Артем, Андрей, Вячеслав, Владислав, Валерий, Всеволод, Виталий, Григорий, Даниил, Игорь, Кирилл, Максим, Никита, Юрий* (15 человек).

Показательны и эти данные, они отражают приверженность русского мужского именника традициям. Лишь одно из приведенных имен не содержится в святцах – *Руслан*, но и оно, освященное А. С. Пушкиным, воспринимается как традиционное.

Еще более показательны приведенные данные в сопоставительном плане. Во-первых, еще раз повторим: одно итальянское имя «обслуживает» 2,1, а русское – 5,6 чел. Во-вторых, бросается в глаза диспропорция между наиболее употребительными и наименее употребительными именами обоих списков. Так, ведущее итальянское женское имя *Alessandra* зафиксировано 13 раз (то есть имя *Alessandra* встречается в 13 раз чаще, чем имена, занимающие нижнюю ступеньку в списке), а ведущее русское *Елена* – 41 раз, то есть его носят 10% студенток из рассмотренно-

го списка! В итальянском списке по одному разу встречаются 144 женских и мужских имени, а в русском – 31.

Обращает на себя внимание тот факт, что в итальянском и русском мужских списках лидирует имя *Alessandro* – *Александр*, как и женский аналог этого имени *Alessandra* в итальянском списке, в то время как среди русских женских имен *Александра* занимает скромное место, хотя в начале XX века это было одно из любимейших имен, которое давалось девочкам в честь императрицы.

В целом же, как ясно из изложенного, основная тенденция развития итальянского и русского именников совпадает: обновление именника осуществляется путем ротации имен традиционного ономастикона. При этом происходит значительное сокращение количества активно используемых имен в итальянском именнике, который, тем не менее, остается во много раз объемнее русского. В русском именнике тенденция к сокращению четко обозначилась гораздо раньше – в XVIII столетии и окончательно закрепились в конце XIX столетия, тогда как сужение итальянского именника началось лишь в последние десятилетия XX века. В русском именнике последних десятилетий наблюдается незначительный рост за счет ротации традиционных имен и появления некоторого числа женских иностранных имен. Отметим также, что итальянский именник проявляет большую открытость к инновациям, в том числе и к заимствованиям, по сравнению с русским.

Глава IV

Итальянские и русские фамилии: типология, словообразовательный аспект, частотность

Фамилии – наследственная часть полного антропонима, самый важный его компонент (остальные могут быть представлены инициалами: G. C. Renzo, А. П. Иванов). В отличие от личных имен, система которых постоянно меняется в количественном и качественном отношении, итальянские и русские фамилии не динамичны, не подвержены моде и представляют собой устойчивый компонент полного антропонима. У русских два наследуемых компонента именованья – отчество и фамилия. В отличие от отчества, переходящего от отца только детям, фамилия передается из поколения в поколение.

Фамилии – неотъемлемая часть истории и культуры народа, его языка. Некоторые исчезнувшие слова русского языка сохранились в фамилиях: *Бортников, Бердников, Маклаков, Ряхин, Шлыков* и др. Лишь в фамилиях сохранились и русские дохристианские имена (*Жданов, Третьяков, Волков*), а также многочисленные канонические имена и их варианты, вышедшие из употребления: *Евсеев, Авсеев, Асеев < Евсей (Авсей, Асей); Курилов, Чурилов < Курил, Чурил* (варианты имени Кирилл); *Алимов < Алим (< Олимпий); Тонеев, Танеев < Тоней, Таней (< Антоний)*. По фамилиям можно судить о быте народа, его обычаях и суевериях. Например, фамилии *Негодяев, Некрасов, Злобин, Ненашев*, восходящие к исчезнувшим именам *Негодяй* (негодный), *Некрас* (некрасивый), *Злоба, Ненаш*, свидетельствуют о древнем обычае давать детям охранительные имена [Никонов 1988: 7].

В фамилиях отражена языковая картина мира того или иного этноса. Во-первых, в самом факте возникновения и развития системы фамилий фиксируется статус индивида в обществе, его место в картине мира, а в самом тематическом наборе фамилий – элементы этой картины.

Как указывалось, первые фамилии возникли в Венеции в IX в., когда она стала коммуной (городом-государством). В использовании фамилии для именованья гражданина с его правами

и обязанностями были заинтересованы как власть, так и носитель фамилии. На Руси первые фамилии появились позже, в XV–XVI вв., в период объединения государства вокруг Москвы у высшей знати как знак усиления власти и одинакового отношения князей к центру. Это были фамилии, образованные от названия вотчин: *Курбский*, *Вяземский*, *Суздальский*, *Мещерский*. В обоих случаях появление фамилий явилось следствием действия политико-экономических причин, изменивших картину мира.

Корпус итальянских фамилий в основном сложился к концу XIII в.; по мнению В. Тартамеллы, начиная с этого периода новые фамилии уже не появляются: они «прекратили свою репродукцию»: «Самые современные фамилии появились 600–700 лет назад» [Tartamella 1995: 37] (данное утверждение не касается фамилий детей от неизвестных родителей, фамилии таких детей часто изобретались чиновниками).

На наш взгляд, завершение формирования корпуса фамилий произошло гораздо позже. Во-первых, после Тридентского собора 1563 года начинается обязательная регистрация фамилий в приходах, и именно священники внесли заметную лепту в процесс формирования корпуса фамилий. Иначе чем объяснить наличие огромного количества графических вариантов фамилий? Например, сосуществуют фамилии *Lo Monaco – Lomonaco*, *Lo Bello – Lobello*, *La Magna – Lamagna – Alamagna*, *D'Alessandro – Dalessandro*, *Delli Santi – Dellisanti* и многие другие. При этом может меняться или утрачиваться внутренняя форма фамилии: *Dall'Oro* (золото) – *D'Allogo* (лавр) – *Dalloro* (неясная внутренняя форма).

Священники корректировали фамилии, выправляя их диалектальные особенности или латинизируя их; в результате появляются фамилии типа *De Rege*, *De Regis*, *De Regibus* (вместо итальянского *Del Re*), *De Amicis*, *De Montes*. Все это значительно расширяет репертуар итальянских фамилий. Кроме того, долгое время фамилии изменялись по родам и по числам, что тоже способствовало их диверсификации. Неизменяемой фамилия становится лишь со второй половины XVIII в., когда завершается кристаллизация ее формы. Наконец, в XIX в. написание фамилии фиксируется окончательно, и итальянцы обязаны использо-

вать ее в той форме, в которой она официально зарегистрирована в муниципалитете (в отделе, называемом *Anagrafe*). Д. Пингвентини пишет, что его фамилия существовала в нескольких вариантах (*Pinguentin, Pinventin, Pinguentini, Pinguentino*) – в зависимости от каприза писца, и лишь со второй половины XIX в. она регулярно воспроизводится как *Pinguentini* [*Pinguentini 1971: 113*].

Утверждая, что система итальянских фамилий завершила свое формирование 6–7 веков тому назад, В. Тартамелла прав в том смысле, что уже к XIV в. «выкристаллизовалась» лексическая основа корпуса фамилий и их модели, которые, однако, претерпели со временем разнообразные фонетические, морфологические и графические изменения, способствовавшие расширению корпуса фамилий.

Обычно выделяют три основных типа итальянских фамилий по происхождению. Первый тип представляют фамилии-патронимы (37% от общего числа фамилий); второй тип представлен фамилиями, восходящими к прозвищам (15%), фамилии третьего типа произошли от эпитетов-идентификаторов (48%) [*De Felice 1980: 229–233*].

Фамилии-патронимы подразделяются, в свою очередь, на фамилии, представленные латинскими, германскими, греческими именами (как христианскими, так и не христианскими), а также еврейскими (библейскими) именами: *Adriani, Aureli, Cesare, Lorenzi, Martini; Alberti, Bernardi, Carli, Federici, Leonardi; Alessandri, Alessi, Cristofori, Giorgi, Teodori; Adami, Baldassarri, Gaspari, Mattei, Serafini*. Ко второй подгруппе принадлежат фамилии, образованные от средневековых аугуральных имен, то есть имен, содержащих пожелание удачи, долгожительства, счастья: *Benvenuti, Bencivenga, Bonfante, Bonaventura, Centanni, Nascembene, Graziadio, Laudadio, Diodato, Diotaiuti, Diotallevi, Omodei, Sperindio*. Наконец, ряд патронимических фамилий происходит от имен исторических и эпических персонажей (чаще всего латинских и греческих), а также от имен героев французской литературы, которые были популярны в Италии в позднее средневековье и Возрождение – то есть именно в период формирования фамилий – вначале в высших кругах, а затем и в широких народных массах: *Ercoli, Livi, Massimi, Ottoviani, Sallustio, Torquati, Virgili*;

Achilli, Aristarco, Ippolito, Menelao, Omero, Polidori, Tolomei; Artusi, Ferrau, Lancelotti, Paladini, Percivalle, Rinaldi, Uggeri.

Фамилии, восходящие к прозвищам, возникли на итальянской почве; они отражают либо физические и моральные качества человека (Biondi, Neri, Rossi, Grassi, Grossi, Piccoli, Balbi, Gobbi, Guerci, Sordi, Zoppi; Allegri, Astuti, Bruschi, Malerba, Malinconico, Onesti), либо содержат указания на тот или иной факт, произошедший или связанный с носителем прозвища, зачастую трудно поддающийся расшифровке: Bevilaqua, Bonvino, Cattabriga, Emendato, Frangipane, Fumagalli, Malenotti, Pappalardo, Pittaluga, Pizzicato, Squarcalupo, Tirinzanni.

Фамилии-эпитеты, согласно Э. Де Феличе, разбиваются на три подгруппы. Первую образуют фамилии с предлогом *de* (*di*, *d'*), а также с предлогом, слившимся с артиклем (*del*, *dello*, *della*), или только с артиклем (*lo*, *la*), содержащие указания на отца или мать: *Di Giulio*, *De Martino*, *D'Anna*, *Di Chiara*, *De Maria*, *Del Carlo*, *Dello Iacomo*, *Della Blanca*, *Lo Franco*, *La Franca*. Сюда же относятся фамилии с компонентом *fi* (*figlio*): *Ficini*, *Figiacomi*, *Firidolfi*, *Fittipaldi*. На мой взгляд, эти фамилии следовало бы отнести к первому типу (включив в него матронимы), от которого они отличаются лишь по форме. Помимо патронимов и матронимов, в первую подгруппу входят фамилии с предлогом или артиклем типа *D'Amico*, *Del Giudice*, *Lo Bello*, *Lo Monaco*. Мне представляется, что фамилию *Del Giudice* можно трактовать как патронимическую: *figlio del Giudice*, а фамилию *Lo Monaco* как прозвищную.

Второй подтип фамилий-эпитетов образован топонимами и этнонимами, как без предлога, так и с предлогом или артиклем: *Alemagna*, *Altamura*, *Bassano*, *Brambilla*, *Francia*, *Malta*, *Napoli*, *Ponte*, *Pozzi*, *Valle*; *Albanese*, *Calabrese*, *Bolognesi*, *Lombardi*, *Bulgari*, *Greco*, *Tedeschi*, *Spagnolo*, *Ungaro*; *D'Abruzzo*, *Da Milano*, *Del Ponte*, *dal Borgo*, *Dalla Chiesa*, *De Bari*, *Del Bosco*, *Di Francia*, *Di Napoli*, *La Rocca*, *Lo Castro*, *Lo Faro*.

Третий подтип – фамилии, происходящие от названий профессий, рода занятий, титулов, указаний на социальное или материальное положение, родственные связи: *Barbieri*, *Calzolai*, *Canepari*, *Medici*, *Consiglieri*, *Fabbri*, *Ferrari*, *Molinari*, *Sarti*, *Nobili*,

Patrone, Signori, Vassallo, Almirante, Cavalieri, Soldati, Abate, Preti. Сюда же Э. Де Феличе относит и фамилию Barba, которую, на мой взгляд, логичнее считать фамилией-прозвищем, как и фамилию Lo Bello, которую Э. Де Феличе включил в первую подгруппу (основываясь на наличии артикля).

Особенность корпуса итальянских фамилий заключается в наличии довольно обширной группы фамилий, которые давались детям от неизвестных родителей. Более того, эти фамилии принадлежат к довольно распространенным. Например, фамилии Colombo и Esposito занимают соответственно 5 и 6 место в списке наиболее частотных фамилий. В число распространенных фамилий этого типа входят следующие: Casadei, Innocenti, Proietti, Trovato, Venturi; менее частотны Dell'Amore, Bastardo, Casaceli, Casadidio, Casadio, Casadei, Della Pietá, Di Dio, Diolosá, Esposto, Ignoto, Ignoti, D'Ignoto, Incerto, Incerti, D'Incertopadre, Degli Innocenti, Orfano, Venturini. С 1889 г. присваивать детям подобные фамилии запрещено законодательно.

Первый тип фамилий превалирует на севере и в Тоскане, но их третий подтип распространен в Риме и на юге, особенно на Сицилии, где много французских рыцарских фамилий. Второй тип чаще всего встречается на юге (65% фамилий указанного типа), реже на севере (20%) и в центре (15%). Распределение фамилий третьего типа зависит от подгруппы: фамилии первой подгруппы являются обычными для юга, второй – для Ломбардии, Лигурии, Сицилии; фамилии третьей подгруппы характерны для всей Италии. У каждой области Италии и обычно у каждой провинции есть свои фамилии. Например, фамилии типа Imarisio с компонентом *-isio*, внешне напоминающие южные фамилии на *-o*, распространены на севере, в провинции Алессандрия. Вот несколько фамилий этого типа: Marisio, Audisio, Marchisio, Sorisio, Aloisio.

Итак, система итальянских фамилий представляет собой закрытую систему (в смысле появления новых единиц), которая обладает целым рядом черт, обеспечивающих ее уникальность. Прежде всего необходимо отметить, как и в случае итальянских имен, необыкновенную вариативность в этой сфере, очень часто обеспеченную именно указанным качеством имен. Например, от

гипокористической формы Gianni < Giovanni образовано около 2000 фамилий [De Felice 1980: 234–235]. Это разнообразные суффиксальные образования (Giannelli, Giannetti, Giannini, Giannuzzi, Giannotti, Giannoni, Giannazzi, Giannardi, Gianneschi, Giannesi и т. д.); сочетания указанной формы с другими именами и атрибутами; Gianmarco, Ginnatasio, Giambelli, Giarrusso и под. Существуют и другие – в основном диалектальные – реализации этого гипокористического онима, породившие целый ряд фамилий: Janni (Эмилия-Романия), Zanni (Тоскана, Марке), Vanni (Ломбардия, Эмилия-Романия, Тоскана), Nanni (по всей Италии).

От имени Andrea (вариант Andria) и его гипокористических форм Dre(a)/Dri(a) существует около 350 фамилий, от Antonio/Antogno/Tonio/Togno – около 450. Самая распространенная итальянская фамилия Rossi тоже существует в целом ряде вариантов – региональных и структурных: Rosso, Rossa, Rossi, Russo, Russi, Ruggiu, Ruiu, Rubiu, Del Rosso, De' Rossi, De Rossi, De Rubeis, Della Rossa, Lo Russo, La Russa, Rosselli, Rossellini, Rossellino, Rossiello, Rosillo, Rossetti, Rossetto, Rossini, Rossotti, Rosotto, Rossoni, Rossato, Russello, Russetti, Russino, Russotti, Russiani, Russolillo, Russomanno, Russomando [Tartamella 1995: 78]. Приведем также несколько вариантов второй по распространенности фамилии – Ferrari: Ferraro, Ferrario, Ferraris, Ferrai, Ferrero, Ferreri, Ferreli, Ferriero, Ferrerio, Fevrero, Fevriero.

Обратимся к русским фамилиям. Большинство авторов сходится в том, что основу корпуса русских фамилий составляют *патронимы* – краткая форма прилагательного, которая образовывалась как от церковного имени (Иванов, Васильев, Петров, Сидоров, Федоров и др.), так и мирского (Бессонов, Второв, Жданов, Лобанов, Волков, Зайцев, Жеребцов, Кобылин, Некрасов, Орлов, Осетров, Сорокин, Телегин, Томилов, Третьяков, Щукин и др.). Отчества от мирских имен использовались еще в XVII в. В употреблении собственно отчеств (то есть образованных от крестильных имен) и нецерковных отчеств (образованных от мирских имен), имелись существенные различия. Нецерковные отчества при официальном именовании лица в дофамильный период не могли предшествовать собственно отчеству: они либо следовали за ним, либо за мирским именем; если в именовании

таких компонентов не было, они могли следовать и за крестильным именем. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского находим такие примеры: Алексей *Нежданов Заикин* (помещик, 1587 г., Тула), Иван Григорьевич *Головнин* (1534), Василий Семенович Зверь *Кутузов* (XVI в.), Иван Матвеевич Лях *Лыков* (1550 г.), Иван Федорович *Варганов* (1616–1629, Москва). Именно нецерковные отчества донесли до наших времен, но уже в виде фамилий, значимые для древнерусского сознания элементы картины мира.

В. А. Никонов относит к патронимичным и фамилии, образованные от слов *кузнец, плотник, сибиряк, казанец*, поскольку формы *Кузнецов, Плотников, Сибиряков, Казанцев* означают *кузнецов сын, плотников сын* и т. д. [Никонов 1974: 198]. В этом их сходство с патронимами, но имеется и существенные различия. Во-первых, на последующих этапах указанные единицы утратили функцию отчества и сохранились как фамилии. Во-вторых, слова типа *кузнец, плотник, сибиряк* не личные имена, приобретенные в семье, а именованья, которые даются вне семьи – в силу этого образования *Кузнецов, Сибиряков* сближаются с прозвищами. Поэтому представляется логичным выделить в особую категорию фамилии, связанные с принадлежностью к роду деятельности и с происхождением. Вот примеры фамилий, образованных от обозначений рода деятельности: *Бердников, Бортников, Бурмистров, Солдатов, Воротников, Золотарев, Рыбаков, Пастухов, Толмачев, Шаповалов, Шапошников, Прасолов, Портнов, Ткачев, Дьяков, Дьяконов* и др. Некоторые из таких фамилий относятся к наиболее распространенным – *Попов, Кузнецов*.

Фамилии, указывающие на происхождение, восходят к этнонимам (*Литвинов, Греков, Гречанинов, Татаринов, Башкиров, Башкирцев, Мордвинов, Грузинов, Калмыков*), либо к топонимам: *Колмогоров, Торжков, Вяземцев, Ростовцев, Веневитинов, Ливенцев, Муромцев, Устюжанинов, Ельчанинов, Москвин, Самарин*.

К топонимическим принадлежат и наиболее древние русские – княжеские – фамилии на *-ский*, происходящие от названий вотчин: *Барятинский, Одоевский, Оболенский, Ростовский, Трубецкой, Ухтомский, Воротынский, Глинский, Курбский, Пожарский*. В XVI в. было более 50 княжеских фамилий на *-ский*. Подобные фамилии были весьма распространены и среди русского

дворянства, в их основе – названия наследственных владений: *Боровский, Волоцкий, Дубенский, Дубровский, Каменский, Рузский, Рязский, Тихвинский*. Фамилии на *-ский* не обязательно дворянские, часто это фамилии духовенства (см. ниже). «Этот тип охватывает и более поздние образования, как правило, производные от названий городов»: *Варшавский, Керенский, Китайгородский, Московский, Петербургский* и др. [Унбегаун 1989: 106]. (Часто это еврейские фамилии.) В результате аристократический характер данных фамилий утратился, так как «в XVIII и XIX вв. русские фамилии на *-ский* растворились в фамилиях на *-ский* украинского, белорусского и польского происхождения» [там же: 107].

Утрате аристократизма указанных фамилий способствовало также существование еще одного типа русских фамилий – принадлежностных, которые указывали «не на предка, а на хозяина» [Никонов 1974: 199]. Так, *Оболенский, Трубецкой*, а также *Голицын, Гагарин* и под. стали также фамилиями крестьян, принадлежавших соответствующим семействам. Аналогично: *Князевы, Генераловы, Полковниковы*.

Имеются и прозвищные фамилии. Пожалуй, это самая неясная категория русских фамилий. Во-первых, не всегда можно четко провести границу между некрестильным именем и прозвищем. Например, чем является второй компонент в Иван *Булава* (1498, Новгород), Иван *Выдра* (1545, Новгород) – некрестильным именем или прозвищем? В *Булат* Васильевич Колзаков (1550, Кашин) – *Булат* некрестильное имя, а в Алексей Третьяков *Булатов* (1568, Ярославль) последний компонент можно трактовать и как производное от прозвища. Явно «прозвищные» онимы *Суета, Суторма, Неустрой, Булгак* являются мирскими именами: *Суета, Суторма, Неустрой* и *Булгак* Васильевичи Бессоньевы (середина XVI в., Переяславль). Оним *Худяк* (бедный человек) скорее выступает как мирское имя в *Худяк* Мерлин (помещик, середина XVI в., Тверь), *Худяк* Евсиль (середина XVI в.), а в Федор Данилович *Худяк* Загряжский (1602 г.), по всей видимости, может быть как мирским именем, так и прозвищем (онимы взяты из: [Веселовский 1974]). Б. О. Унбегаун считает фамилию *Худяков* прозвищной [Унбегаун 1989: 121].

Во-вторых, как указывалось, к прозвищным фамилиям близки фамилии, образованные от обозначений рода деятельности, топонимов и этнонимов. Тем не менее можно выделить и собственно прозвищные фамилии. Это, в первую очередь, фамилии, образованные от словосочетаний, отражающих особенности внешнего облика человека (*Белоусов, Белобородов, Белошапкин, Черномордин, Долгопятов, Толстоногов, Черноусов, Мокроусов, Корноухов, Сухоруков, Шестопалов*), а также разнообразные обстоятельства жизни, привычки: *Семибратов, Столетов, Скоробогатов, Грибобедов, Мясоедов*. На внешние и моральные качества указывают фамилии *Черных, Пьяных, Коротких, Рыжов, Седов, Грязнов, Краснов, Светлов, Падучев, Клейменов, Хромов, Хитров, Хитрово, Дурново* и др.

Если в целом в корпусе русских фамилий собственно прозвищные образования занимают периферийное положение, то среди фамилий такой группы русского населения как казаки прозвищные фамилии занимают ведущее положение. Объяснение этому кроется в видении мира, в осознании казаками своего места в нем, в своеобразии организации казачьих общин. Вот что пишет по этому поводу Л. М. Щетинин: «Из того факта, что описательные прозвища, содержащие индивидуальную информацию о конкретном носителе, послужили источником большинства донских фамилий, следует вывод о том, что в местном языковом сознании при образовании прозвищ первостепенную роль играли индивидуальные признаки лица (внешность, манера поведения, внутренние качества), а признаки наследственные (происхождение из определенной местности и определенной семьи) были отнесены на второй план. Исторически это явление можно объяснить особенностями формирования языкового коллектива, многие члены которого (беглые холопы и посадские люди) должны были в целях безопасности скрывать свое происхождение и наследственные имена» [Щетинин 1994: 257].

Отметим также, что некоторые фамилии могут соответствовать нескольким трактовкам. Например, в основе фамилии *Попов* могут быть следующие тематические типы: 1) «род деятельности» (сын попа), 2) «принадлежность» (работник попа), 3) «патроним от мирского имени» (сын человека по имени Поп) (см. также: [Никонов 1993: 95]).

Особое место в системе русских фамилий занимают искусственные фамилии. Как известно, практика присвоения искусственных фамилий священнослужителям началась в конце XVII в. и закончилась к середине XIX в. Вначале это касалось лишь учеников духовных училищ, не имевших фамилий, затем распространилось на всех учащихся духовных заведений. Семантика таких фамилий достаточно разнообразна. Они могут восходить к названию места (*Белинский* < деревня *Бельнь*), к именам святых и связанным с ними эпитетами, к названиям приходов (*Варваринский, Андреевский, Георгиевский, Лавровский, Мефодиевский, Борисоглебский, Космодемьянский, Победоносцев, Стратилатов*), к названиям наиболее важных православных праздников (*Богоявленский, Вознесенский, Воскресенский, Знаменский, Покровский, Рождественский, Успенский*). Искусственные фамилии священнослужителей создавались также на основе названий растений (в основном экзотических), животных и минералов: *Гиацинтов, Нарциссов, Розов, Абрикосов, Виноградов, Голубинский, Орловский, Алмазов, Аметистов, Бриллиантов*. Имеются также клерикальные фамилии латинского (*Гиляровский, Сперанский, Суперанский*) и греческого происхождения: *Аристов, Танаевский*, а также своеобразные калькированные дуплеты фамилий: *Добровольский – Беневоленский, Серебрянский – Аргентовский, Цветков – Флоринский, Городецкий – Урбанский, Смирницкий – Гумилев, Гумилевский; Виноградов – Ампелогов, Крестовский – Ставровский, Первозванский – Протоклитов*. Реже встречаются кальки церковнославянских фамилий одновременно на латинский и греческий языки: *Барсов – Пантеровский – Пардалицкий, Свободин – Либеров – Елевтерский* [Унбегаун 1989: 169–180].

Особенность клерикальных фамилий в том, что они долгое время были наследственными лишь отчасти. Сын священника сохранял фамилию отца, если связывал свою жизнь с каким-либо светским занятием (как отец В. Белинского, который, будучи сыном священника, стал флотским лекарем), и ему присваивалась другая фамилия, если он получал духовное образование; в результате представители одной семьи могли иметь разные фамилии. «Случалось, что у шести родных братьев фамилии были разные, а именно: *Петропавловский, Преображенский, Смир-*

нов, Миловидов, Скородумов и Седунов» [там же: 169]. Более того, фамилия могла меняться при переходе из училища в семинарию, из семинарии в академию. Искусственные клерикальные фамилии расширили семантический ареал фамилий и способствовали размыванию понятия аристократической фамилии, поскольку зачастую совпадали с ней по форме.

Как и в Италии, в России существовали фамилии незаконнорожденных детей. Самые распространенные фамилии такого рода, по всей видимости, *Богданов, Найденов*, хотя это могут быть и патронимические фамилии. Ребенка, рожденного вне брака, могли величать и по имени матери: *Марфин, Маринин, Настасьин*. Отсюда и метронимические фамилии, хотя они образовывались и от имен солдаток и вдов. Существовал весьма оригинальный способ образования фамилий для незаконнорожденных детей высокопоставленных особ – усечение исходной фамилии: *Пнин < Ретнин, Бецкой < Трубецкой, Лицын < Голицин, Ранцов < Воронцов, Рукин < Долгорукий*.

Как видим, итальянская и русская система фамилий имеют в семантическом плане как черты сходства, так и существенные различия. В частности, сходство заключается в том, что тематические группы фамилий в основном совпадают, а различия в том, что, итальянские прозвищные фамилии образуют довольно четкую группу, как и искусственные фамилии незаконнорожденных детей, в то время как среди русских фамилий особое место занимают клерикальные фамилии. Зоофорные итальянские фамилии *Volpi, Lupi, Passeri* – прозвищные, а сходные русские *Волкот, Зайцев, Воробьев* – патронимические, образованные от некрестильного имени.

Обратимся к формальному аспекту типологии фамилий. Итальянская фамилия может совпадать по форме с именем (*Angelo, Gabriele*), с нарицательным существительным (*Prete, Ponte*), прилагательным (*Basso, Rosso*). Такие фамилии коррелируют с фамилиями на *-i*: *Angeli, Gabrieli, Preti, Ponti, Bassi, Rossi*. Формант *-i* восходит к двум формам средневековой латыни: генитиву (в значении *figlio di*: *Paulus Petri*) и множественному числу со значением совокупности лиц, принадлежащих одной семье. Фамилии на *-i* характерны для севера и центра, на *-o* – для юга страны.

Фамилии на *-a* коррелируют с фамилиями на *-i*, вместо ожидаемого *-e*: Ventura – Venturi, Balestra – Balestri, Vignola – Vignoli. Корреляция с формантом *-i* подтверждает его собирательное значение. В оппозицию *-a/-i* входят фамилии, образованные от женских имен (Anna – Anni, De Anna – De Anni, Auroga – Aurori, Pasqua – Pasqui, Rosina – Rosini); фамилии-прозвища (Allegranza – Allegranzi, Cicala – Cicali, Malerba – Malerbi); топонимические фамилии (Barcellona – Barcellonai, Cremona – Cremonesi, Genova – Genovesi). На наш взгляд, вполне вероятно, что формант *-i* в данных случаях – результат выравнивания формы фамилии по наиболее распространенному образцу. Не случайно подобные фамилии встречаются в ареале наибольшего присутствия фамилий на *-i* (Ломбардия, Эмилия-Романья, центр – за исключением южного Лация).

Впрочем, фамилии на *-a* могут коррелировать и с фамилиями на *-e*, но такие фамилии обязательно сопровождаются предлогом или артиклем: Della Donna – Delle Donne, Della Monaca – Delle Monache, Della Casa – Delle Case, Dell’Asta – Delle Aste, La Grottaglia – Le Grottaglie, La Piana – Le Piane.

Формантами итальянских фамилий часто бывают предлоги и артикли. По всей Италии распространены фамилии с *D’*, *De*, *Di*, *Del*, главный компонент которых оканчивается на *-o*, *-e*: D’Agostino, De Cesare, Di Clemente, Di Gregorio, Del Bello. Фамилии-матронимы чаще всего встречаются со слитной предложно-падежной формой *della*: della Dora, Della Gatta, Della Giustina, Della Martina, Della Mea, Della Togna. Используется и предлог *da* как без артикля, так и в сочетании с артиклем мужского и женского рода: Da Castro, Da Cas, Da Corte, Da Collina, Dal Bello, Dal Carlo, Dall’Omo, Dal Missier, Dalla Bona, Dalla Chiara, Dalla Mora, Dalla Vedova, Dalla Zorza.

Определенный артикль в фамилиях встречается в формах *l’*, *lo*, *li*, *la*, *le*: L’Altrella, L’Abate, L’Orefice; Lo Prete, Lo Prinzi, Lo Priore, Lo Re, Lo Russo; Li Bassi, Li Calsi, Li Castri, Li Colli, Li Russi; La Maestra, La Lupa, La Macchia, La Longa, La Rocca; Le Boffe, Le Fevre, Le Fosse, Le Focche.

Как видим, в фамилиях используются формы предлогов и артиклей, не характерные для современной нормы итальянского

языка. Это относится к предложной форме *de*, к артиклю множественного числа мужского рода *li*, которому в настоящее время соответствует форма *i*, и к артиклю *lo*, который здесь появляется в позициях, исключаемых современной нормой. Кроме того, имеются случаи сочетания артикля мужского рода со словом женского рода (Lo Bianca, Lo Bombarda, Lo Gioia, Lo Icona, Lo Licata, Lo Triglia), артикля женского рода с существительным мужского рода (La Barile, La Monico, La Ponte, La Richiuto, La Russo), а также артикля единственного числа со словом во множественном числе (Lo Vecchi, Lo Russi).

Э. Де Феличе считает, что случаи несовпадения рода артикля и рода существительного подводятся под модели типа *quello della Bianca*, *quella dello Monico*, в которых произошло выпадение связующего элемента (*della*, *dello*) и в результате утратилось «соответствие артикля существительному» [De Felice 1980: 256]. На мой взгляд, вероятно также, что связующим элементом в первом случае было сочетание *figlio della* (*lo figlio della Bianca*), во втором – *famiglia dello* (*la famiglia dello Monico*). Аналогично можно объяснить *Lo Vecchi* < *lo figlio dei Vecchi*. Сложнее объяснить сочетание морфем в фамилиях типа *L'Altretlli*, *Li Causi*, *Li Rosi*. Скорее всего здесь произошло выравнивание формы фамилии по наиболее распространенному образцу. В подобных случаях необходимо учитывать также региональные особенности итальянского языка и ошибки священника. В любом случае подобные фамилии – несмотря на несоответствие форм их компонентов – не вызывают у итальянцев удивления.

Другая особенность «поведения» предлогов и артикля в составе фамилий заключается в том, что они могут появляться в написании отдельно и слитно с основной частью. Таким образом, наряду с *D'Addario*, *D'Alessandro*, *De Nora*, *Delli Santi*, *Di Tronzo*, *Di Giovanni*, *De Angeli*, *D'Acunzo*, *D'Addio* существуют фамилии *Daddario*, *Dalessandro*, *Denora*, *Dellisanti*, *Ditronzo*, *Digiiovanni*, *Deangeli*, *Dacunzo*, *Daddio*. Сосуществуют фамилии *La Macechia* – *Lamacchia*, *La Rocca* – *Larocca*, *Le Boffe* – *Leboffe*, *Le Fevre* – *Lefevre*, *La Monica* – *Lamonica*, *La Piccirella* – *La Piccirella*, *Li Bassi* – *Libassi*, *Li Calsi* – *Licalsi*, *Lo Prete* – *Loprete*, *Lo Vecchi* – *Lovecchi*, *Lo Russo* – *Lorusso* (примеры взяты из телефонного

справочника Рима *Pagine gialle* за 1999 год). Предлог и артикль пишутся с большой буквы и в алфавитных списках предшествуют основной части фамилии. Предлог *de (di)*, как и в Испании, не является признаком аристократического происхождения. Тем не менее, он встречается в аристократических фамилиях, но пишется при этом со строчной буквы: *de Vecchi, d'Aragona, Canillo Benso (conte) di Cavour*.

Нередко встречаются ошибочные написания фамилий, заключающиеся в изменении границы между предлогом (артиклем) и основной частью – результат творчества приходских священников: *D'Aponte, D'Avico, De Lia, D'Emetri, D'Isanto, L'Arocca* вместо правильных форм *Da Ponte, Da Vico, D'Elia, De Metri, Di Santo, La Rocca* [De Felice 1980: 258].

Отметим еще несколько характерных черт итальянских фамилий. Фамилии, восходящие к исходной форме имени, например, *Mario*, встречаются реже, чем производные от этих имен; так, более частотной является фамилия *Mariotti*. Если фамилия *Giovanni* является скорее редкой, то производные фамилии *Giovanelli, Giovannotti, Giovannini* встречаются в десятки и сотни раз чаще. Фамилии *Gianni, Nanni, Ianni, Vanni, Zanni* более распространены, чем фамилия *Giovanni*, но еще чаще встречаются фамилии *Giannetti, Giannelli, Giannini, Zannello, Zannetti, Zannini, Zannotti* и другие суффиксальные образования от этих фамилий.

Если фамилия совпадает по форме с именем, например, *Pietro Gianni*, то ее носитель при знакомстве всегда вынужден пояснять, какая часть является именем, а какая – фамилией. Подобная ситуация возникает и у женщин с фамилиями *Lucia, Francesca, Rosa* [Tartamella 1995: 130].

Поражает богатство аффиксов, которые использовались для образования фамилий. Их более 200 типов. Среди них диминутивные суффиксы (*Antonacchio, Colacchia, Antonelli, Antonello, Antonini, Antonetti*), увеличительные (*Portaccio, Perone*), пренебрежительные (*Ogliastro, Andeatta, Gregoratto, Ambrosecchio, Capolecchia, Abbatichio, Colicchia*), суффиксы, обозначающие род занятий (*Avogadro, Pecoraio, Notario, Barbero, Barbieri*), суффиксы топонимических и этнонимических фамилий (*Anceschi, Napoletano, Romano, Tedesco, Albanese* и под.). Многие суффиксы

имеют распространение лишь в определенных районах. Например, суффикс *-anò* встречается лишь на юге, особенно в Калабрии: *Adrianò, Romanò*. Фамилии типа *Colace, Colaci* – южные, а *Asnago, Luraghi, Baragli, Battaglio* – северные; фамилии на *-eci* – сицилийские (*Bileci, Caceci*) а на *-esso/-essi* – преимущественно венецианские: *Bertesso, Barbessi* [De Felice 1980: 310 ff.; Tartamella 1995: 65–67].

Имеются также префиксы, которые сообщают фамилиям «географическую» коннотацию, так как распространены в определенном регионе. Это приставка *a* с усилительным значением, встречающаяся на юге Италии (*Abbagnale, Abbene, Ammaturo, Arrugliese*); усилительная приставка *in*, характерная для Сицилии (*Ingresso, Ingrande, Ingallina*); приставка *inter, intra* с патронимическим и собирательным значением и тоже с сицилийской коннотацией: *Interguglielmi, Intersimone, Intrabartolo*. Наконец, приставка *s* с усилительным или уничижительным значением, спорадически появляющаяся на севере и в центре, широко представлена на юге: *Scalzolaro, Scarciofalo, Sgariboldi, Sbergamo, Scardinale*.

Двойные фамилии, как указывалось, используются замужними женщинами, а также усыновленными детьми: *Rossi Napoletano, Mea Ferrari, Greco Giannini* (первая фамилия усыновителя, вторая – отца). Имеются также фамилии, состоящие из трех и более компонентов. Обычно такие фамилии – знак благородного происхождения, как в случае фамилии *Zucconi Galli Fonseca*. Но часто большое количество фамилий «производит впечатление наигранности и стремления к роскоши любой ценой» и используется в комических целях для создания «благородной» обстановки [Tartamella 1995: 125].

Все вышесказанное свидетельствует о необычайном богатстве корпуса итальянских фамилий и об их очень высокой дифференцирующей силе. По данным В. Тартамеллы, на 56 миллионов итальянцев приходится 280 000 фамилий, то есть в среднем на одну фамилию приходится по 200 человек. Самую распространенную фамилию *Rossi* носят в Италии 222 000 человек, что составляет 0,39% от всего населения. Если же мы проведем сравнение с Испанией, то увидим, что у испанских фамилий диффе-

ренцирующая сила гораздо ниже. Так, фамилии García, Martínez, López в Барселоне, где традиционные испанские фамилии конкурируют с каталанскими, носят соответственно 2,45%; 1,73%; 1,65% жителей.

Показателен тот факт, что в списке из 466 студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza» повторяющихся фамилий очень мало, и повторения носят скорее случайный характер, поскольку самая распространенная фамилия Rossi не встретилась в списке ни разу; из частотных фамилий дважды повторилась лишь фамилия Esposito. Подобный список в России без Кузнецова, Иванова или Петрова был бы невозможен. Двадцать наиболее частотных итальянских фамилий принадлежат 2,55% населения (в Испании приблизительно такой же процент населения носит одну фамилию – García). Это: Rossi (0,39%), Ferrari (0,21%), Russo (0,21%), Bianchi (0,18%), Colombo (0,16%), Esposito (0,15%), Ricci (0,12%), Romano (0,12%), Conti (0,11%), Costa (0,10%), Gallo (0,09%), Mancini (0,09%), Marino (0,09%), Bruno (0,09%), Barbieri (0,09%), Giordano (0,08%), Lombardi (0,08%), De Luca (0,08%), Galli (0,08%), Greco (0,08%).

Выше уже говорилось, что распределение итальянских фамилий имеет региональный характер. Приведем 10 наиболее типичных фамилий в Кампании (административный центр Неаполь): Esposito, Russo, Romano, De Luca, De Rosa, Coppola, Riccio, Marino, Varriale, Amato. Иной набор фамилий в провинции Асти (Пьемонте): Musso, Cerrato, Viarengo, Fassio, Amerio, Raviola, Rosso, Ferrero, Gamba, Torchio. Фамилии, лидирующие в Ливорно (Тоскана), представлены следующим образом: Rossi, Morelli, Lenzi, Filippi, Giusti, Vacci, Bernini, Conti, Bianchi, Falleni [De Felice: 33–34, 55, 87, 105].

Региональные различия в наборе фамилий заметно ощущаются и ныне, несмотря на миграционные процессы в направлении «юг – север», активно идущие, начиная с 1960-х годов.

Сочетание фамилии, обладающей очень высокой дифференцирующей силой, с именем, тоже, как правило, довольно избирательным (10 000 имен традиционного именника, не считая 8000 окказиональных имен), обеспечивает значительную индивидуализированность полного антропонима. Даже тот факт, что неко-

торые традиционные имена имели очень высокую частотность (Maria, Giuseppe), мало меняет картину в силу наличия массы дериватов и двойных имен, обеспечивающих индивидуализацию итальянца. Это, на наш взгляд, не могло не отразиться на национальном мироощущении, характере итальянца, его стремлении к самоутверждению и преданности семье – фамилии (или, наоборот, эти черты и породили существующую антропонимическую систему). Тем не менее, имеются и типичные полные антропонимы, так сказать, когнитивные концепты итальянца. Это Mario Rossi и Giuseppe Rossi. Данные, полученные по интернету, свидетельствуют, однако, что самыми частотными сочетаниями имени и фамилии являются в настоящий момент Giuseppe Russo, Antonio Russo, Antonio Esposito (соответственно 2772, 2273 и 2034 итальянца) [<http://www.paginebianche.it/pbol/exra/nomi.htm>].

90% русских фамилий образованы при помощи формантов кратких притяжательных прилагательных *-ов/-ев, -ин* [Никонов 1988: 8]: *Петров, Васильев, Фомин*. Русские патронимические фамилии от крестильных имен образовывались не только от основного, исходного вида имени, но и от его вариантов и дериватов. В результате, как и в итальянском языке, существуют разнообразные фамилии, восходящие к одному имени; причем в русском их намного меньше, чем в итальянском. Так, от имени *Иван* в русском языке – 77 фамилий, в то время как фамилий, связанных с *Giovanni*, – около 2000. Другое отличие от итальянского языка в том, что архетип фамилии, связанный с именем *Иван*, – *Иванов* более распространен (это вообще самая частотная русская фамилия) по сравнению с фамилиями, образованными от вариантов и дериватов этого имени; итальянская же фамилия-архетип *Giovanni* – редкая по сравнению с соответствующими производными фамилиями (см. выше). Б. О. Унбегаун приводит следующие фамилии, образованные от имени *Иван*. Все они несопоставимы по распространенности с фамилией-архетипом *Иванов*: *Иванаев, Иванеев, Иваньев, Иванилов, Иванисов, Ивантеев, Ивантьев, Иванченков, Иванцев, Иванчиков, Иванцов, Иванчов, Иваненков, Иваничев, Иваников, Иванищев, Иваншинцев, Иванцусьев, Иванищев, Иванюков, Иванков, Иваньков, Иванников, Иваншинцев, Иванусьев, Иванчин, Иванихин, Иванин, Иваншин*.

Иванюшин, Иванютин, Иванкин, Иванъшин, Иванушкин, Ивачев, Ивахнов, Ивашенцев, Ивашев, Ивашинцов, Ивашинников, Ивашков, Ивашнёв, Ивашников, Ивашов, Ивахин, Ивакин, Ивашечкин, Ивашин, Ивашкин, Ивашишин, Ившин, Ивушкин, Ванчаков, Ванчиков, Ванцов, Ванеев, Ваничев, Ваничков, Ванюков, Ванкеев, Ванков, Ванъков, Ванников, Ванъшев, Ваничкин, Ванин, Ванякин, Ваняркин, Ваняшин, Ваняшкин, Ванятин, Ванюхин, Ванюшин, Ванюшкин, Ванютин, Ванькин, Ваншенкин, Ванъшин [Унбегаун 1989: 80–81].

К имени *Григорий* восходят следующие фамилии (их свыше 30), приведем некоторые из них: *Григорьев, Григоров, Григоркин, Григорушкин, Гринёв, Гринков, Гринников, Гринихин, Гринин, Гришаев, Гришаков, Гришанов, Гришин, Гришанин, Гришин, Грицаев, Гричухин, Гриханов, Гриднев, Гридин*.

Среди фамилий, образованных от онима *Павел* (их около 50), назовем следующие: *Павленков, Павленов, Павликов, Павлищев, Павлишинцев, Павлючиков, Павлухов, Павлушков, Павлихин, Павлухин, Павлушин, Павлушкин, Павлыгин, Павшуков, Павкин, Павшин, Пашаев, Пашинцев, Пашинов, Пашкеев, Пашков, Пашанин, Панаев, Панюков, Панюшев, Панков, Пачурин, Паничкин, Панюшкин, Панюгин, Панютин, Панкин, Паншин*.

С именем *Кирилл* связано около 60 фамилий *Кириллов, Кирилов, Кирилин, Кирьянов, Курилов, Курисов, Курьянов, Чурилин, Чурилов, Чурсанов, Чурилин, Кирильцев, Кирилличев, Курилев, Курильцев, Курилёв, Курилкин, Чурилкин, Чуриков, Чуринов* и др.

Приведем еще один пример разнообразия фамилий, восходящих к одному и тому же имени – *Александр* (по Унбегауну, их более 70): *Александров, Алексанов, Алексахин, Алексашин, Алексин, Аленчиков/Оленчиков, Аленичев/Оленичев, Алеников/Олеников, Алёнов/Олёнов, Алентьев, Ленцов, Ленков, Леликов, Леляков, Ленишин, Лелякин, Лелькин, Лялин, Ляликов, Лякин, Санков, Саньков, Сахнов, Сашков, Саничкин, Санютин, Сахнин, Сашин* и др. [там же: 82–84].

Все приведенные фамилии образованы при помощи суффиксов *-ов/-ев, -ин* от производящих основ-имен, содержащих разнообразные суффиксы и часто настолько видоизмененных, что их связь с исходным именем в настоящее время не угадывается,

что свидетельствует о более существенной вариативности и деривативной потенции имен в прошлом. Дериваты имени могли содержать дополнительные коннотации экспрессивного характера (кстати, экспрессивные онимы вообще типичны для древнерусского именника: *Балда, Булгак, Любим, Дурак, Дунда, Дылда, Ёнус* и многие другие), но при переходе в патроним и позже в фамилию экспрессивный компонент стирался. Возможны и обратные случаи. Например, фамилия *Ванькин* сейчас воспринимается как пейоративное образование, в то время как в древности имена с суффиксом *-ка* могли функционировать и как нейтральные.

Многообразие фамилий в значительной степени объясняется их региональными особенностями. В частности, в северных регионах России находим фамилии *Огibalов, Окулов, Отрепьев, Остапов*, а в южных *Агibalов, Акулов, Атрепьев, Астапов* [Никонов 1988: 48]. Имеются и собственно региональные фамилии. Например, *Басаргин* – архангельская фамилия (от *басарга* – «трава, негодная на корм»), *Мизулин* – ярославская (*мизуль* – «изюм»), *Басалаев* – костромская (*басалай* – «шумливый, повеса, щеголь») [там же: 49].

Помимо формантов *-ов/-ев, -ин*, для образования фамилий используется аффикс *-ский*, который встречается не только в княжеских, дворянских и клерикальных фамилиях (об этом уже шла речь выше), но и в крестьянских на севере России: *Корельский* (*корела* – «западная сторона»), *Едомский, Военгский* (от географических названий) [там же: 41, 56–67], а также в донских казачьих фамилиях, где указанный аффикс вытесняется формантом *-сков*: *Дубовский* > *Дубовсков, Земский* > *Земсков, Хоперский* > *Хоперсков, Бузулуцкий* > *Бузулуцков* [Щетинин 1994: 255].

Фамилии, по форме совпадающие с прилагательным, довольно редки – по сравнению с основной моделью фамилий; они тоже характерны для русского севера: *Узкий, Черный, Борзой, Нагой, Полевой, Боровой, Яровой*. Большая часть таких фамилий перешла в более распространенную модель на *-ов*: *Толстой* > *Толстов, Седой* > *Седов, Мухортый* > *Мухортов*.

Сохранилось также несколько адъективных фамилий в форме родительного падежа единственного числа на *-ово, -аго*: *Бла-*

гово, Хитрово, Дурново, Бураго, Живаго, Мертваго и некоторые другие. Это дворянские фамилии. Образования на *-аго* обычно трактуются как фамилии, содержащие церковнославянский элемент (ср. латинские элементы в итальянских фамилиях). Более распространены адъективные фамилии в форме множественного числа на *-ых/-их*: *Белых, Красных, Пьяных, Седых, Глухих, Тонких, Коротких*. Такие фамилии считаются региональными – сибирскими, хотя, как убедительно показал В. А. Никонов, в Сибирь они попали с русского Севера и Черноземья (в Черноземье, в свою очередь, они проникли тоже с севера). На севере количество таких фамилий сократилось в десятки раз в силу их интеграции в основную модель на *-ов/-ев* (*Лысых > Лысов*) [Никонов 1988: 42–43, 53].

Б. О. Унбегаун приводит список из 100 наиболее употребительных фамилий из справочника «Весь Петербург» за 1910 год [Унбегаун 1988: 312–313]. В этом списке 89 фамилий на *-ов/-ев*, 6 на *-ин* (*Никитин, Кузьмин, Ильин, Сорокин, Фомин, Воронин*), 2 на *-ский* (*Покровский, Троицкий*) и 3 немецкие *Шмидт, Миллер, Шульц* (что не является неожиданным для северной столицы той эпохи). Вот 25 лидирующих фамилий из этого списка:

1. Иванов	10. Андреев	19. Николаев
2. Васильев	11. Алексеев	20. Дмитриев
3. Петров	12. Александров	21. Егоров
4. Смирнов	13. Лебедев	22. Волков
5. Михайлов	14. Григорьев	23. Кузнецов
6. Федоров	15. Степанов	24. Никитин
7. Соколов	16. Семенов	25. Соловьев
8. Яковлев	17. Павлов	
9. Попов	18. Богданов	

В Москве в 1964 г. наиболее частотными фамилиями были *Иванов, Кузнецов, Смирнов, Попов* (это самые распространенные русские фамилии вообще) [Никонов 1988: 35–38]. Распределение этих фамилий по всей территории России неоднородно. На Севере и в части Черноземья лидирует фамилия *Попов*; Северное Поволжье (Ярославль, Кострома, Вологда, Череповец, Рыбинск, Иваново, Вятка) – зона преобладания *Смирновых*; в ареале от Верхней Оки до Средней Волги (Тула, Пенза, Нижний

Новгород, Ульяновск) доминирует фамилия *Кузнецов*. Наконец, фамилия *Иванов* доминирует на северо-западе страны (Петербург, Новгород, Тверь). Указанные фамилии распространены по всей России, но степень их присутствия различна. Например, по подсчетам В. А. Никонова, *Ивановы* в Тульской губ. занимали 23-е место, а в Пензенской – 135-е [Никонов 1988: 33–37].

Приведем в порядке рейтинга 25 воронежских фамилий из списка Н. П. Коваленко [1998: 27], который содержит 51 единицу:

1. Попов	10. Волков	19. Чернышов
2. Иванов	11. Смирнов	20. Власов
3. Кузнецов	12. Семенов	21. Степанов
4. Васильев	13. Михайлов	22. Козлов
5. Петров	14. Беляев	23. Макаров
6. Новиков	15. Фролов	24. Пономарев
7. Соколов	16. Колесников	25. Зайцев
8. Федоров	17. Морозов	
9. Гончаров	18. Золотарев	

Большую часть фамилий воронежского списка находим и в петербургском, за исключением фамилий *Колесников*, *Золотарев*, *Чернышов*. Все четыре наиболее частотные русские фамилии входят в оба списка, но их место в них, естественно, разнится. Обращает на себя внимание тот факт, что в петербургском списке преобладают патронимические фамилии, образованные от крестильных имен – 18, в воронежском их 10. Зато в воронежском списке 7 фамилий, связанных с обозначением рода деятельности (*Попов*, *Кузнецов*, *Новиков*, *Гончаров*, *Колесников*, *Золотарев*, *Пономарев*), в петербургском – 2 (*Попов*, *Кузнецов*), и 8 воронежских фамилий образованы от некрестильных имен и прозвищ (*Соколов*, *Волков*, *Смирнов*, *Беляев*, *Морозов*, *Чернышов*, *Козлов*, *Зайцев*). В петербургском списке таких фамилий 5 (*Смирнов*, *Соколов*, *Лебедев*, *Волков*, *Соловьев*). Сказанное позволяет сделать вывод о том, что проблемы регионального распределения и частотность русских фамилий заслуживают более пристального внимания не только со стороны лингвистов, но и историков, этнографов, демографов.

В целом, несмотря на высокую концентрацию некоторых фамилий в отдельных регионах, русская фамилия обладает бо-

лее высокой различительной силой по сравнению с именем, поскольку большая часть русских фамилий обладает средней и низкой частотностью. В телефонном справочнике г. Воронежа за 1987 г на 100 000 абонентов приходится 10 632 фамилии, в то время как мужских и женских имен в Воронеже используется гораздо меньше – около 200. В целом фамилии в сочетании с именем и отчеством, как правило, обеспечивают высокую степень индивидуализации членов общества.

Отметим, однако, что в деревнях Воронежской области не редки случаи, когда набор фамилий оказывается минимальным. Так, в селе Семеновка Верхнехавского района жители носят практически 7 фамилий: *Беляевы, Мизины, Поповы, Хатунцевы, Золоторевы, Дикаревы, Чернышевы* [Ковалев 2002: 241]. Из них 3 – *Поповы, Беляевы, Чернышovy* – относятся к наиболее распространенным в регионе.

Фамилии, которые в сознании русских ассоциируются с типичным представителем нации, человеком с улицы, – *Иванов, Петров, Сидоров*. Этот сочинительный ряд может означать также «кто угодно, любой человек»: «Ему было все равно, Каменская живет в этом доме или какой-нибудь *Иванов-Петров-Сидоров*» (Маринина). Итальянцы в таких случаях прибегают к выражению *Tizio, Ciao e Sempronio*, тоже построенному по сочинительной модели, но к антропонимам отношения не имеющего.

Подводя итог наблюдениям над итальянскими и русскими фамилиями, отметим следующее. Фамилия в итальянском социуме имеет иной социальный и психологический статус по сравнению с фамилией в русском социуме. (Мы отвлекаемся от того факта, что русский социум многонационален и многоконфессионален, что часто зафиксировано в фамилиях, в то время как фамилии в Италии в этом отношении представляют собой более ровное явление. Проблемы сосуществования и функционирования иноязычных фамилий должны стать предметом особого исследования.) Совершенно очевидно разное отношение русских и итальянцев к своей фамилии. Фамилии в Италии известны как минимум семь столетий, что, естественно, наложило отпечаток на итальянскую картину мира. Каждый итальянец может проследить столетия истории своей семьи и фамилии, обратившись

к приходским архивам. Что касается русских, то, как правило, дальше прадедушки такие разыскания не идут. Вряд ли кто-либо из жителей современного Воронежа сможет соотнести свою семью с именованями, содержащимися, например, в «Переписной книге Воронежского уезда 1646 года» (в ней, кстати, упомянуто 90 *Ивановых*, 45 *Васильевых*, 36 *Федоровых*, *Поповых* же обнаружено всего лишь 16 [Стрыгин 1998: 66–67]). Дело в том, что это еще были не фамилии, а отчества, поскольку в большинстве сословий наследуемых компонентов антропонима еще не существовало: основная масса русского населения, как известно, получила фамилии лишь к концу XIX века.

На особое отношение итальянцев к своей фамилии обращает внимание и воронежский краевед А. Симонов. Он восхищается отношением к своим корням выходца из итальянской семьи, оказавшейся в России в 1878 г. Потомок этой семьи В. Феррони с давних пор проживает в Воронеже и может рассказать о предках истории, которые упираются в седую древность, сопровождая свой рассказ документами. Краевед так суммирует свои наблюдения: «Будем откровенны: мы, русские, не всегда уважаем свою историю, свое прошлое, иногда бываем “Иванами, не помнящими родства”, не интересующимися своими корнями. А вот итальянцы понятием “мой род” очень дорожат» (*Симонов А. Сквозь призму пламени. Воронеж, 2000. С. 14–13*).

Добавим, однако, в оправдание, что зачастую мы вынуждены быть «не помнящими родства» как в силу позднего появления фамилий, так и в силу отсутствия архивных данных. Кстати, от термина «непомнящий родства», который использовался полицией для обозначения лиц, скрывавших свои «паспортные данные», образованы фамилии, получившие распространение в Сибири: *Непомнящий, Непомнящих, Бесфамильный* [Никонов 1993: 212]. В Италии существование таких фамилий невозможно даже предположить. Вспомним ситуацию, описанную в романе Л. Пиранделло «Покойный Маттиа Паскаль». Герой романа, устав от семейных неурядиц, уходит из дома. В Монтекарло он выигрывает большую сумму денег. Однажды в газете он прочитал о том, что на его родине обнаружили труп утопленника, который приняли за него, Маттиа Паскаля. Он поселяется в Риме

и решает начать новую жизнь под новым именем – Адриано Мейс. Но из этого ничего не выходит. Он не может жениться – так как, по словам бюрократов, «человек с таким именем не существует, его нет ни в одной записи», по этой же причине он не может обратиться в полицию, когда его обокрали. Не может он и восстановить свое имя, так как для бюрократов он уже умер и похоронен. Абсурдность этой ситуации, в частности, зиждется на традиции многовековой фиксации фамилии и имени в архивах. Для сравнения приведем определение термина *фамилия*, принятое Институтом этнографии АН СССР (это определение было сделано совсем недавно при разработке Кодекса законов СССР о браке и семье в 1970-х годах): «Наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях» (курсив наш; цит. по: [Никонов 1993: 215]). Комментарии, как говорится, излишни.

Глава V

Прагматический аспект функционирования антропонимов

Как известно, основная сфера использования имен – семья, а также любая сфера близких и неформальных отношений. Следует отметить, что по сравнению с русским языковым этикетом итальянский требует более частого обращения к имени собеседника. Например, знакомые люди приветствуют друг друга по имени: – Ciao, Mario. – Ciao, Chiara; – Buon giorno, Mario. – Buon giorno, Chiara. Приветствие без имени выглядит несколько невежливым, фамильярным. Обычный же русский диалог типа «– *Здравствуйте. – Здравствуйте (Добрый день)*» воспринимается как естественный. Лично мне стоило определенных усилий отвечать на приветствия итальянских знакомых и коллег, называя их по имени. Пособия по хорошим манерам советует обязательно добавлять к приветствию имя (при близких или дружеских отношениях), фамилию (в служебной обстановке (Ciao, Rossi); наконец, женщин можно приветствовать, используя слово *signora*: Buon giorno, signora. По отношению к мужчине эта формула исключается, так как «Buon giorno, signore» звучит смешно [Gasperini 1998: 43–44].

По-разному функционируют диминутивные, краткие и полные формы итальянских и русских имен в различных ситуациях общения. Нами было проведено анкетирование 50 студентов-славистов университета La Sapienza (Рим). Выяснилось, что к семи опрошенным никогда не обращались ни по диминутивной, ни по краткой форме (имена Emma, Alessia, Angela, Chiara, Fulvio, Fabio, Marco). Чаще всего диминутивные и краткие формы используются при общении с друзьями (37 респондентов); здесь же и самый богатый набор форм, порой самых неожиданных: Claps, Cla < Claudia; Rouge, Red < Rossa; Aleksej < Alessia; Lù, Lui, Little, Luiusella < Luisa; Vale, Volù, Voluccia < Valentina; Micky, Mike, Michelà < Michelangelo и др. Родители употребляют подобные формы при обращении к детям реже – 31 респондент; при этом совпадение онимов, используемых друзьями и родите-

лями наблюдается всего в шести случаях (Vale < Valerio; Meli < Melissa; Jola < Jolanta; Nanci < Francesca; Ema, Manu < Emanuela; Lollo < Logenzo), то есть в семье и вне семьи обычно задействованы различные единицы. Приведем несколько примеров. Родители называют ребенка Etta, друзья – Fran (полное имя Francesca), родители – Giulia, друзья – Giù; родители – Simo, друзья – Simi (полное имя Simone); родители – Titti, Tina, друзья – Vale (полное имя – Valentina), родители – Carla (в детстве – Carletta), друзья – Carlina; родители Gaia, друзья – Ga. Имеются также случаи, когда в семье используется диминутив, а в среде друзей – полное имя: Lalli – Laura, Ele – Eleonora, Adri – Adrià.

Анализ анкет показал следующие тенденции в использовании различных форм имени. Несмотря на обилие диминутивных и кратких форм, они используются гораздо реже, чем в русском языке, где в повседневной жизни при обращении редко используется полное имя (Владимир, Светлана, Ольга – эти формы, как правило, «зарезервированы» для сочетания с отчеством), чаще употребляются обиходные формы *Володя, Света, Оля*. Формальная особенность таких образований, как и диминутивных (см. ниже), в том, что в них значение рода не выражено, в результате *Саша, Валя, Валера* недифференцированно могут относиться как к мужчинам, так и к женщинам. Исключение составляют несколько имен, которые в ситуациях неформального общения встречаются и в полной форме: *Андрей, Олег, Игорь, Инна, Нина, Вера* и др.

Наблюдается в итальянском языке и другая – противоположная тенденция: краткое или диминутивное имя легко превращается в полное, официальное, что совершенно не характерно для русского языка. Отметим также употребление в качестве обиходного имени иноязычных форм (Mike, Micky, Red, Rouge); это явление, как отмечалось, наблюдается и в русской молодежной среде: Майк, Ник, Пит, Макс и т. п.

Если в русском высказывании, например, при обращении к ребенку, используется полная форма имени, то это сигнал особой ситуации – коррекции поведения или начала серьезного разговора: *Георгий, прекрати мучить кошку; Владимир, я хочу с тобой поговорить.*

Потом отец позвал Наташу, привычно спрятавшуюся у Бэллы Львовны и Марика, и строго сказал: – *Наталья*, ты уже большая девочка, тебе уже десять лет. Пора принимать ответственные решения (Маринина. Тот, кто знает).

Константин, – начал он, и *Костя* понял, что разговор пойдет серьезный, – тебе пора подключаться (Маринина. Каждый за себя).

И еще одна особенность функционирования обращений в разговорно-бытовом стиле речи: обращения-гипокористические образования теряют конечный гласный *а* или *я*, образуя своеобразный вокатив: *Вась*, пересядь на другой стул; *Галь*, сходи в аптеку.

Для русского неформального общения чрезвычайно характерно использование разнообразных диминутивных форм, обладающих огромным эмоциональным потенциалом, часто неуловимыми нюансами, передающими разнообразие человеческих отношений: *Васенька, Васечка, Васёк, Васютка, Васюня; Юрочка, Юрик, Юрок, Юрчик, Юраша; Катенька, Катюша, Катюшка, Катеринка; Люба, Любочка, Любонька, Любик, Любаша* и др. В формальном плане одни и те же диминутивные суффиксы в сфере личных имен не закреплены за грамматическим родом и могут образовывать как дериваты женских, так и мужских имен. Ср., с одной стороны, *Коленька, Катенька* и, с другой, *Шурик, Юрок, Светик, Людок*. Весьма значительны и функционально-прагматические особенности диминутивов. Если, например, *Катенька* можно использовать по отношению как к ребенку, так и к взрослому человеку, то *Катюша* звучит по-взрослому [Вежицкая 1996: 134]; кроме того, по нашим наблюдениям, подобные онимы употребляются и в служебной сфере (обычно между женщинами); при этом маркируются отношения приязни (часто по отношению к нижестоящим по положению): *Валюша*, пригласите всех в кабинет (начальница секретарю). Впрочем, последнее условие не обязательно, обычная коннотация подобных образований «милая, добрая женщина»: Впереди мелькнул знакомый костюм. *Любаша?* (...) *Любашино* настроение само как-нибудь наладится. (Маринина).

Васёк, Юрчик, Лёник применительно ко взрослому человеку обозначает его низкий социальный статус, маленький рост, мо-

лодой возраст или симпатию к этому человеку (эти условия могут реализоваться вместе и по отдельности). Например в «Умница, *Витек*, хоть и не гигант речи, но дело свое знает (Маринина)» выражена симпатия к младшему сотруднику. Следует различать использование данных форм в функции обращения и при обозначении третьего лица. Так, *Васенька, Васечка, Васёк* – могут быть и обращением и обозначением третьего лица, в то время как *Васютка, Васюня* – преимущественно говорится о третьем лице.

Подобные онимы могут использоваться и в ироническом контексте; при этом положительные эмоции (любовь, приязнь, симпатия) меняются на противоположные: *Васечка* снова всех отчитывал (сотрудники о молодом начальнике, имеющем сильных покровителей). Иудушка Головлев, как известно, называл своих сестер *Любинька* и *Аннинька*, не вкладывая в эти диминутивы ни любви, ни теплых чувств.

Наконец, в использовании диминутивных форм много личного как в смысле вкладываемых в именование эмоций, так и в смысле используемых форм, которые могут быть уникальными. Например, одну и ту же женщину по имени *Ольга* разные люди называют по-разному: *Алёна, Алёнка, Алёшка* (родители), *Олюша* (давняя знакомая), *Лёлка* (школьная подруга), *Олечка* (подруга), *Оленька* (друзья родителей), *Ольшенька* (сестра). Другую знакомую с таким же именем называют *Лялей, Лялькой* (родители и подруги), *Ольгуйтой, Ольгуйткой* (бабушка) и т. д. Последние варианты имени несколько раздражали его носительницу, она считала, что таким образом бабушка напоминала ей о деревенском происхождении семьи, так как именно этот диминутив использовали в бабушкиной деревне.

Очень редко в настоящее время используются в качестве обращения формы с суффиксом *-ка*, образованные от краткой формы имени: *Сашка, Ванька, Людка, Катька*. Они остались лишь в детской речи и, по всей видимости, в некоторых регионах в речи взрослых как просторечное, народное явление. Именно поэтому так легко переключались в анекдоты диалоги *Петьки* и *Василия Ивановича* из фильма «Чапаев», в которых обращение *Петька*, служит для создания яркого комического эффекта. Для обозначения третьего лица имена на *-ка* употребляются гораздо

чаще как в семье, так и между близкими людьми, но всегда, на наш взгляд, с просторечным оттенком (У меня *Петька* весь день над книгами сидит, готовится). По отношению к взрослому человеку этот суффикс маркирует низкий социальный статус (с возможным деспективным оттенком): Теперь можно спокойно возвращаться в зал, где его ждет голодный и жаждущий выпивки *Генка Аничков* (Маринина).

Поэтому нельзя согласиться с интерпретациями А. Вежбицкой, ориентированными на функцию обращения форм типа *Лидка*, *Ромка*, *Верка*, *Нинка*: «(близость) я хочу говорить с тобой так, как говорят с людьми, которых знают хорошо; (уменьшительность) я не хочу говорить с тобой так, как говорят с людьми, которые не являются детьми; (экспрессивность) я испытываю по отношению к тебе какие-то чувства; (анти-сентиментальность) я не хочу показывать, что я испытываю по отношению к тебе какие-то чувства вроде тех, что испытывают по отношению к детям; (анти-уважение) я не хочу показывать, что испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства вроде тех, которые показывают по отношению к людям, которых не знают хорошо» [Вежбицкая 1996: 147].

Имена сочетаются с этикетными словами. Сочетание полного имени со словом *don* (*don Luigi*) используется при обращении к священнику, а также как вежливая форма обращения к авторитетному человеку (на юге Италии); это также архаичная форма обращения к аристократу. Сочетания с *donna* (*donna Chiara*) – устаревшая форма обращения к пожилым, уважаемым женщинам, часто благородного происхождения. Подобные сочетания используются и для обозначения человека в третьем лице, всегда в указанных выше контекстах, то есть когда речь идет о священнике, аристократе, особо уважаемом человеке.

Сочетаются с именем и слова *signor*, *signora*. При этом обращение *signor Mario* как вежливая форма имеет социально заниженный оттенок, оно уместно по отношению к хозяину лавки, бара, но ни в коем случае к университетскому профессору. Сочетания в женском роде *signora Maria* используются более широко при обращении к уважаемым женщинам (часто пожилого возраста), а также для обозначения замужней женщины в третьем лице

без просторечных коннотаций. Формула *signorina Giusy* в настоящее время используется редко; так может обратиться к девушке консьерж или курьер (*Signorina Giusy, c'è una lettera per lei*). Эта формула, когда она используется не в шуточной ситуации, маркирует отношения «снизу – вверх». При обозначении человека в третьем лице данные формулы обязательно сопровождаются артиклем (*il signor Mario, la signora Maria, la signorina Giusy*). Наконец, сочетание имени со словом *mastro* (*mastro Giulio*) употребляется как уважительную формулу обращения к мастеровым людям (в центре и на юге Италии).

Что касается русского языка, отметим следующее. Русские этикетные слова *товарищ, господин* сочетаются с фамилией или с названием должности. *Товарищ* выходит из употребления, сохраняясь, однако, в формулах обращения в армии и в правоохранительных органах. Слово *господин* в то же время еще не полностью «восстановилось в правах». Правда, его часто можно услышать в передачах московского телевидения, в ток шоу, интервью; в провинции это слово слышится реже. Можно отметить, что это слово может выражать отчуждение и неприязнь к человеку: *Господин Чубайс* думает только, как набить свои карманы за счет народа (из выступления на митинге). В целом *господин, госпожа* ориентированы, как и в советскую эпоху, прежде всего на иностранцев: *Господин Пикьянти*, просим сообщить нам дату Вашего приезда (из официального письма). В. Пьецух пишет по поводу неприживаемости слова *господин*: «Господа? Да какие мы в сущности господа?.. Мы подневольные труженики, бедняки, едва ли не презираемые всеми государственными институтами, от начальника жилищно-эксплуатационной конторы до министерства ужасных дел» (Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // Октябрь, 2002, № 8).

С фамилией сочетаются и слова *гражданин, гражданка*, используемые в процедуре суда, следствия («в зловещих случаях», по Пьецуху): *Гражданин Петров*, где вы были вчера с двадцати часов до двадцати двух?

Особенность русской антропонимической системы в том, что она сама по себе содержит этикетные формы. Речь идет о сочетаниях имени и отчества. Наши наблюдения показывают, что в

некоторых ситуациях имя и отчество (*Иван Петрович, Ольга Николаевна*) используется так же, как и формула «этикетное слово + фамилия» или «этикетное слово + имя»: *signor Rossi, signora Volpi, signora Maria, signor Francesco*. Это относится ко всем случаям дистанцированных отношений: при общении между соседями, при обращении младшего к старшему, в служебной обстановке и т. д. Наличие этикетных формул с отчеством свидетельствует об особом месте отца в русской картине мира.

Отчества сочетаются только с полным именем; сочетание гипокористической формы и отчества создает комический или иронический эффект: – Это я, *Настя Пална*, – слышался усталый голос Сережи Зарубина (*Маринина*).

Другая особенность сочетания «имя + отчество» состоит в том, что в разговорной речи оно подвергается сокращению слогов: Мария Ивановна > Марь Иванна, Александр Александрович > Сан Саныч, Иван Иванович > Ван Ваныч и т. д. Более того, мужское имя в таком сочетании не склоняется: Я вчера с Сергеем Петровичем разговаривал; Ты Игорь Палыча предупредил? У женских имен часто опускается конечный гласный: Татьяна Михалны сегодня не будет, Передайте Светлане Иванне, что я звонил (примеры из записей разговорной речи).

Рассмотрим особенности функционирования итальянских фамилий. В составе полного антропонима обычная последовательность «имя – фамилия», именно такая последовательность используется в процедуре представления, знакомства: *Sono Mario Rossi*. Обратный порядок «фамилия – имя» характеризует бюрократическую сферу: от удостоверения личности, телефонной книги, школьного журнала до перекички в алфавитном порядке в солдатской казарме. У такой последовательности ясная прагматика: четко обозначить индивида. Когда указанная последовательность встречается вне бюрократической сферы, то создается атмосфера безличности, казенщины. Чтобы сгладить этот оттенок, например, в списке сотрудников, между фамилией и именем ставится название должности или ученой степени: *Rossi ingénieur Antonio, D'Angelo professor Michele, Esposito dottoressa Maria*.

Б. Мильорини пишет по этому поводу: «Если кто-то подписывается, например, Маркетти Карло вместо Карло Маркетти,

то мы представляем себе не очень воспитанного человека» [Migliorani: 41]. Вот как подобную ситуацию комментирует В. Тартамелла: «Это то же самое, если бы человек обозначил себя каким-либо номером в бесконечном списке» [Tartamella 1995: 120]. В книге известного журналиста Микеле Серы «Il nuovo che avanza» описан эксцентричный персонаж – сотрудница газеты, которая при знакомстве называла свое имя после фамилии: «Piacere Cerasio Giada» (Очень приятно, Черасио Джада), чем шокировала окружающих. Но больше всего ее коллег пугало то, что и свои статьи в газете она подписывала Cerasio Giada. «Но никто никогда ...не пожаловался на это, полагая, вероятно, что Cerasio это экстравагантное мужское имя, а Giada – фамилия или полагая, что речь идет об обдуманной вольности, полной тонкого заигрывания с антиконвенциональной журналистикой» (M. Sera. Il nuovo che avanza. Milano, 1989: 122–123).

Если преимущественная сфера функционирования имени – семья и любая сфера близких отношений, то фамилия, обладая большей дифференцирующей силой, используется вне семьи. Переход к использованию фамилии в жизни итальянского ребенка символизирует переход в мир взрослых, в мир социальных отношений, отличных от отношений в семье. Именно при помощи фамилии ребенок устанавливает социальные контакты в коллективе, прежде всего школьном. «У школьных товарищей есть только фамилия: для меня Мастурцо был просто Мастурцо и ничего более», – так начинается рассказ Л. Де Крешенцо «Il compagno di scuola» (L. De Crescenzo. Usciti in fantasia. Milano, 1994).

Фамилия служит также для поддержания дистанции в отношениях между людьми, которая имеет место в силу неравного социального или служебного положения. Только фамилия может сочетаться со словами *dottor*, *commendator*, *professor*: можно сказать *dottor Biagi*, но не *dottor Enzo* (*Enzo Biagi* – известный журналист) [Tartamella 1995: 123]. Что касается слова *signor*, то в официальной сфере оно сочетается с фамилией (*signor Rossi*), но, как уже говорилось выше, может сочетаться и с именем, внося коннотацию невысокого социального статуса адресата, оставаясь при этом этикетной формой вежливого обращения (*signor Mario*); напротив, слово *signora* широко сочетается в функции

вежливой формы обращения как с фамилией, так и с именем, не внося указанной коннотации (*signora Rossi / signora Maria*). Формула «*signor + фамилия*» является обычной при общении с малознакомыми людьми. Обращение к человеку, с которым ты едва знаком, по имени считается невежливым, насмешливым, шутовским [Tartamella 1995: 123–124]. Сюда, естественно, не относятся случаи использования только имени в религиозной среде: *suor Maria, padre Pio, don Abbondio, papa Giovanni*.

В. Тартамелла приводит интересный пример обращения к фамилии в целях установления дистанции между коммуникантами: «Один коллега обнаруживает промах в работе другого коллеги, к которому он обычно обращается по имени. Он отчитывает его более или менее добродушно: Маркетти, что ты тут натворил? Здесь говорящий прибегает к фамилии, символу уважения и дистанции, чтобы «встряхнуть» ее владельца, «отодвинуть» дистанцию и, как бы ставя под сомнение наличие близких отношений между говорящими, призвать Маркетти не бросать тень на имя (и надежды) его семьи» [ibid.: 125]. Способность фамилии использоваться в подобных случаях в качестве средства коррекции поведения – еще одно подтверждение особого статуса в итальянской фамилии, имеющей многовековую историю. Корригирующую функцию фамилия выполняет и в семье: мать может обратиться к сыну по фамилии, чтобы, так сказать, призвать его к порядку: *Marchetti, ascoltami*.

Еще несколько замечаний о прагматике итальянской фамилии. Выше уже говорилось, что итальянка, выходя замуж, не меняет своей девичьей фамилии, но добавляет к ней фамилию мужа. При этом, если она пользуется только фамилией мужа, то в глазах окружающих она выглядит женщиной, полностью поглощенной семьей, для которой на первом месте ее обязанности жены и матери. Напротив, замужняя итальянка, которая в служебной обстановке пользуется только своей девичьей фамилией, производит впечатление самостоятельной женщины, которая не жертвует своей независимостью, даже будучи замужем [ibid.: 124]. Жена может называть своего мужа по фамилии, например, в случае отношений, близких к разводу: *Il Marchetti mi ha chiesto di uscire insieme domani sera* [ibid.: 124].

Итальянская фамилия не только может иметь в своем составе артикль, но и сочетаться с артиклем. В таких случаях артикль пишется со строчной буквы. Наиболее четкая прагматика у артикля женского рода перед фамилией женщины – указание на пол, в то время как перед фамилией мужчины артикль отсутствует: *Moravia e la Morante, Sciascia e la Corti*. Артикль отсутствует и перед полным именем женщины: *Maria Corti, Elsa Morante*, но без ограничений появляется перед артиклем, входящим в состав фамилии: – *Con chi hai parlato? – Con la Lo Franco; Oggi ho incontrato la La Sorsa*. В последнее время появилась тенденция, характерная для *mass media*, симметричного использования мужских и женских антропонимов без артикля: *Thatcher e Brandt, Moravia e Morante; Margaret Thatcher e Willi Brandt, Alberto Moravia e Elsa Morante* [Renzi 1988: 393].

Имеются случаи традиционного употребления артикля перед фамилиями исторических деятелей, особенно итальянских, но эта традиция не носит обязательного характера и не распространяется на все фамилии. Например, можно сказать *Manzoni – il Manzoni, Carducci – il Carducci*, в то время как фамилии *Garibaldi, Petrarca, Boccaccio, Verdi* не допускают сочетания с артиклем: *Le imprese di Garibaldi, ho letto Petrarca e Boccaccio, le opere di Verdi* [Ceppellini 1999: 49]. Артикль перед иностранными фамилиями явление несколько архаичное (*lo Shakespeare*), хотя в случае *il Marx* такого оттенка не имеет [ibid.]. Артикль является обязательным при прозвищах известных деятелей эпохи Возрождения (*il Correggio, il Bassano, il Valentino*), но не всегда: *Veronese – il Veronese*.

В газетной хронике, а также в юридическом жаргоне артикль появляется в анафорической функции и перед фамилиями мужчин: *Il responsabile, un certo Antonio Rossi... Il Rossi...* [Renzi 1988: 394].

Артикль мужского рода множественного числа перед фамилией означает, что речь идет либо обо всех представителях семьи, либо только о мужчинах: *I Santini vengono con noi, I Santini sono bravi ragazzi*; артикль женского рода относится только к женщинам данной семьи: *Le Santini restano con noi*. Артикль множественного числа обязателен при сочетании фамилии с тер-

минами родства, в то время, как артикль единственного числа в некоторых случаях факультативен. Ср.: *i nonni Santini, gli zii Santini, le zie Santini; (la) nonna Santini, (lo) zio Santini*. Наконец, артикль множественного числа при фамилии может выполнять функцию транспозитора имени собственного в имя нарицательное (как правило, с негативным оттенком): *la politica degli Andreotti, dei Forlani* (ср. в русском языке: политика гайдаров и черномырдиных).

Неопределенный артикль перед фамилией переводит имя собственное в имя нарицательное по линии метонимии (*un Modigliani* – картина Модильяни; *un Manzù* – скульптура Манцу) или метафоры – если фамилия сопровождается добавочным эпитетом (*Questo ragazzo è un novello Picasso, Questa scultura testimonia un Manzù inedito*).

Прагматика антропонимических моделей – категория социально-историческая. Так, уже говорилось, что употребление русских отчеств на *-вич* в документах было строго регламентировано и зависело от происхождения, должности (XV–XVII вв.), а в XVIII в. – и от расположения монарха к определенному лицу [Успенский 1989: 352]. В городском быту отчество на *-вич* использовалось лишь при обращении к людям, занимающим «равное или более высокое социальное положение» [там же: 353]; полная форма отчества часто менялась на усеченную (*Пров Вилулыч, Пахом Борисыч* – персонажи романа «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского), маркировавшую низкий социальный статус его носителя. В официальном именовании и в формуле представления фигурировало отчество на *-ов*: – *Чсть имею рекомендоваться!* – присовокупил он, отдавая скромный поклон, – отставной губернский секретарь *Пахом Борисов Пряхин*; – Виленский мещанин *Осип Иванов* Гречка (Крестовский). Дворянин же представляется с полной формой отчества: – Я поручик Черныярского драгунского полка *Сергей Антонович* Ковров (Крестовский)! В дворянской среде обращение только по отчеству считалось презрительным, фамильярным. «Богатые помещики всячески старались выказать мелкопоместным свое презрение; они вышучивали их как могли. Женщин звали только по бабюшке: *Марью Петровну* – Петровна, *Анну Ивановну* – Иванов-

ной», – пишет в воспоминаниях, относящихся к середине XIX в. Е. Н. Водовозова (История одного детства. Петрозаводск, 1963). Дворяне и купцы не обращались к крестьянам по отчеству. Между тем в крестьянской среде жена «величала» мужа по имени-отчеству. Муж же называл жену полным именем (*Анна*), но не *Анюта* или *Нюра*, как это было в пору их добрачных отношений [там же], то есть форма имени маркировала изменение социального статуса женщины. В настоящее время, как известно, действуют иные нормы обращения в семье: преобладают гипокористические формы имени. Что касается усеченных форм отчества (*Петр Иванович* вместо *Петр Иванович*) – это принадлежность устной речи, без социальных коннотаций. Отчества на *-ов*, *-ев* встречаются в диалектах, в частности в Воронежской области: *Иван Сергев*. Употребление при обращении только отчества теперь не выражает презрения к собеседнику, но носит несколько заниженный характер (в социальном или ситуативном плане).

Пользование отчеством как элементом русского этикета представляет определенные трудности: отчество нужно знать и помнить. Кто из русских не сталкивался с ситуацией, когда перед тем, как войти в кабинет столоначальника, нужно узнать его имя и отчество (если на табличке обозначены лишь инициалы и фамилия)? Помимо обычной формулы *Как Вас зовут?* «*Come si chiama Lei?*», существующей во всех языках, в русском языке имеются еще специфически русские формулы с разговорным оттенком – *Как Ваше имя-отчество?*; *А по батюшке?* Знание имени и отчества – необходимое условие общения во взрослых коллективах:

– Залазьте, товарищ охотник, не знаем вашего имени-отчества. – Сергей Иванович (Нагибин). – *Salga, compagno cacciatore, non conosciamo il suo nome e patronimico.* – *Sergej Ivanovic.*

Наблюдается сужение сферы употребления отчества. Если в предыдущие десятилетия формула «имя + фамилия» применялась в публичной сфере в основном для именованя видных представителей литературы и искусства (*Евгений Евтушенко*, *Никита Михалков*, *Татьяна Доронина*), то в настоящее время эта формула становится лидирующей и «охватывает» не только дея-

телей культуры. Особенно это заметно в языке mass media. В телевизионных ток шоу ведущий представляет участников, как правило, без отчества: *Татьяна Шилова*, директор Института семьи; *Владимир Антонов*, профессор, зав. кафедрой социологии и т. д., но обращается к ним по имени-отчеству: *Татьяна Григорьевна*, каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы, с которыми сталкивается молодая семья? *Владимир Сергеевич*, где можно подробнее ознакомиться с подобной статистикой? К своим же коллегам телеведущий обращается только по имени. Так, на всех каналах центрального телевидения можно услышать примерно такой диалог между телеведущим и журналистом-репортером: – *Владимир*, вы меня слышите? – Да, *Катя*, я вас слышу. Несколько десятилетий тому назад такое обращение в публичной сфере между взрослыми людьми было просто недопустимым.

Журналисты подписывают свои статьи без отчества: *Иван Грибанов*, *Валентина Иванова*. Исключение составляет пресса православной ориентации, где авторы подписываются, указывая имя, отчество и фамилию: *Николай Сергеевич Леонов*, *Артемиий Валерьевич Ермаков*, *Галина Дмитриевна Пильникова* (Русский дом, 2001, № 10). Прагматика такого использования – подчеркнуть верность и привязанность традиционным ценностям, в число которых входит отчество.

В современной столичной прессе вообще принято избегать употребления отчеств. Например, в газетной статье «Тетя Ася наехала» пенсионерку *Асю Васильевну Смышляеву* (полное имя указано в подзаголовке статьи) автор упорно называет *Асей Смышляевой* (Известия, 23.03.2002), что по отношению к пожилому человеку звучит, на наш взгляд, неучтиво. В центральных газетах чаще всего встречается антропонимическая модель «имя + фамилия». Вот примеры из «Комсомольской правды» за 28 июня 2002 г.: Министр финансов страны *Алексей Кудрин* на днях огласил список тех, кому в будущем году государство гарантирует лучшую жизнь; Министр обороны России *Сергей Иванов* сообщил в минувший вторник, что в Чечне разгромлена банда боевиков...; Почти каждый день провожу различные встречи, в том числе с министрами, с *Михаилом Касьяновым*, с *Владимиром Путиным*; О том, как в ближайшие годы изменится жизнь россий-

ских телезрителей, рассказывает начальник отдела цифровой и компьютерной обработки информации... *Виктор Дворкович*; Так выразил чувства большинства *Алексей Веретенников* из Ижевска; Главный приз получит «Кукушка» *Александра Рогожкина*; Таковую умопомрачительную карьеру сделала *Тамара Кириченко* на одном из малых предприятий Воронежа; *Вениамин Каганов*, директор Института предпринимательства и инвестиций; Следователь облпрокуратуры *Владимир Павлов*; Генерал-майор внутренних войск *Юрий Мамонов*; Появился он (лицей-интернат. – Ю.Р.) по инициативе *Михаила Тодорковского*, главы нефтяной компании «Юкос»; *Наталья Шашина*, ведущий специалист НИИ дезинфектологии; *Ирина Успенская*, врач-аллерголог, и т. п. В этом же номере газеты находим примеры именованя людей только по фамилии; это, как правило, фамилии известных людей. Ср. заголовки: *Путин* будет отдыхать в рассрочку; «Кукушка» накукует *Рогожкину* «Золотого Георгия»?; Как *Брежневу* не дали колбасы; Для *Картина* жизнь закончилась, Для *Сычева* только начинается; Угадать замысел *Романцева* оказалось невозможно, а также отрывок из заметки: А куда поедут другие политики? Премьер *Касьянов* – в Сочи, вице-премьер *Матвиенко* – на Средиземное море; спикер Госдумы *Селезнев* – в санаторий под Петербургом... Только по имени названы представители шоу бизнеса: *Лолита*, *Шура*, *Юлиан*.

Лишь в одном материале этого номера «Комсомолки» используется полная антропонимическая модель «имя + отчество + фамилия», в котором речь идет о людях, живущих в тайге вдали от цивилизации – *Агафье*, *Ерофее*, *Надежде*. Автор называет их только по имени, чем, на мой взгляд, подчеркивает их уникальность (хотя полная форма имени одного из них приводится в тексте материала: *Агафья Карповна Лыкова*). Людей же, каким-либо образом вовлеченных в судьбу таежников, журналист называет по полной антропонимической модели. Прагматика полных именованй в данном случае – не только информирование читателя, но и выражение определенного личного момента: симпатии и уважения автора к этим людям, факта личного знакомства с ними. Ср.: Руководитель полета *Николай Николаевич Кузнецов* позвонил мне в Москву: «Собирайтесь! Вертолет зано-

чует в тайге, вы сможете с ним же и выбраться»; ...был отдан на прокорм плотнику и жестянщику, присланным сюда заботливым администратором таежного городка Таштагола *Владимиром Николаевичем Макутой*; Детскую радость Агафьи вызвала привезенная другом моим *Николаем Николаевичем Савушкиным* посуда...

В провинциальной прессе, в частности воронежской, именовании взрослых людей без отчества встречаются гораздо реже по сравнению с московской прессой, чаще используется полная антропонимическая модель, особенно в интродуктивной функции. Ср. примеры из воронежской газеты «Берег» от 17 мая 2002 г: *Александр Иванович Аносов* – человек, о каких говорят: «На них земля держится»; *Ольга Федоровна Шарошкина*, главный бухгалтер Октябрьской сельской администрации; *Нина Николаевна Конторина*; исполняющая обязанности Костенского сельского совета; Гостили в «Береге» *Егор Пахомович Лепехин* и *Александр Евгеньевич Перепеченых* – самые деятельные представители общины федоровцев; Поможет нам в этом замечательный воронежский ученый, философ *Владимир Петрович Фетисов*; Именно так подписался *Владимир Александрович Иванов*, наш читатель со стажем; Об этом с тревогой пишет наша читательница из Воронежа *Марина Ивановна Прусакова*; А во вторник красивая доска из черного мрамора открылась на доме № 32 по улице Студенческой, где некоторое время жил *Анатолий Владимирович Жигулин*, замечательный лирический поэт; В музее С. Есенина и библиотеке им. И. Никитина состоялась встреча с писательницей *Ириной Евгеньевной Ракша*... На наш взгляд, приведенные примеры подтверждают высказанное выше мнение о том, что в таких именовании может содержаться модальность личного отношения пишущего к тому или иному человеку: уважение, факт знакомства или непосредственного общения (при котором использовалась формула «имя + отчество») и т. п.

Активна и двухкомпонентная модель «имя + фамилия», особенно при изложении событий в политической и официальной сфере, в том числе провинциальной: Мэр города *Александр Ковалев* начал планерку с объявления благодарности всем службам и работникам, участвовавшим в организации майских праздни-

ков; На эту должность назначен *Анатолий Бородецкий*, директор института «Гипрокоммундортранс». Бывший архитектор города *Александр Сорокин* покинул этот пост для творческой работы; Начальник управления по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям Воронежа *Сергей Хомук* обратился к руководству области с просьбой о создании специальной комиссии...; Зам губернатора *Александр Ципин* сказал, что теперь ситуация с состоянием дел в ЖКХ будет обсуждаться на подобных селекторах дважды в месяц.

В отличие от трехкомпонентной модели сочетание «имя + фамилия» несет модальность отстранения говорящего от называемого лица. В целом, опущение отчества меняет функциональную дистрибуцию компонентов полной русской антропонимической модели, усиливает роль имени и фамилии. В частности, в mass media формула «имя + фамилия» активно вытесняет трехкомпонентную модель и становится формулой представления и называния лица, особенно когда речь идет об официальной сфере. Мне представляется, что сужение диапазона функционирования отчества – реакция русской антропонимической системы на явления глобализации: двучленная антропонимическая модель, являющаяся базовой в англосаксонском мире оказывает влияние на другие антропонимические системы. Не случайно, что это явление получило особое распространение в России в постсоветский период. Вспомним, как называли руководителей государства в последние десятилетия. Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева в прессе 80-х годов называли с обязательным использованием отчества: *Леонид Ильич Брежнев, Георгий Владимирович Андропов, Константин Устинович Черненко, Михаил Сергеевич Горбачев*; лишь в международном контексте, при изложении откликов западной прессы можно было встретить *Леонид Брежнев, Михаил Горбачев*. Ельцин в период перестройки был *Борисом Николаевичем*, а в период президентства, особенно в последние годы – просто *Борисом Ельциным*. Что касается В. В. Путина, то его отчество (*Владимир Владимирович*) в mass media можно встретить только в интервью, при непосредственном обращении журналиста к президенту; при изложении событий фигурируют только фамилия или имя и фамилия – (*Владимир*) *Путин*.

Сужение сферы использования отчества приводит к изменению этикетных норм. Как уже говорилось, формула «имя + отчество» все чаще заменяется именем, в том числе в сфере формального общения. Приведем пример из художественной литературы. Пожилая домработница в романе А. Марининой «Закон трех отрицаний» во время дачи свидетельских показаний называет следователя Силуянова, которого она видит в первый раз, не по имени и отчеству и даже не просто по имени, а используя уменьшительную форму: *Согласитесь, Коленька*, это о многом говорит (Маринина). Это абсолютно новое явление в русском этикете, немыслимое несколько лет назад. Утрата позиций отчества сопровождается «наступлением» местоимения *ты*. В этом же романе Марининой описана сцена, в которой практически незнакомые люди (мужчина и женщина) примерно одного возраста (за сорок лет) общаются в неформальной обстановке. Мужчина (кстати, филолог) просит женщину сразу же перейти на «ты», на что героиня не соглашается (Мне это сложно), тогда собеседник предлагает: – Но давайте хотя бы обходиться без отчества. Будем называть друг друга просто по имени. Вы – *Настя*, я – *Валя*. – Это можно (Маринина).

Обратимся к русским фамилиям. Как и итальянские, русские фамилии – принадлежность общественной сферы. Называние человека и обращение к нему по фамилии приняты в школе, трудовых коллективах и особенно в армии и силовых структурах.

Различия заключаются в следующем. Итальянская фамилия используется чаще русской: довольно обширной сфере применения формулы «*signor* + фамилия», как говорилось, соответствует русская модель «имя + отчество». Например, при общении между соседями, при обращении к официальному лицу и т. д. Редко встречается русская фамилия в формулах приветствия. Диалог «– Здравствуй, Петров! – Здравствуй, Иванов!» может появиться лишь в особой обстановке (например, при встрече бывших одноклассников); диалог в вежливой форме вообще выглядит нелепо: – Здравствуйте, Петров! – Здравствуйте, Иванов! В то же время итальянский диалог «– *Ciao, Rossi!* – *Ciao, Volpi!*» можно услышать в школе, на предприятии, на улице, в универ-

ситете, в казарме. Наконец, у русской фамилии нет функции коррекции поведения.

Русские фамилии часто превращаются в прозвища; в известном смысле это процесс, обратный образованию фамилий, характерный, по мнению Б. А. Успенского, для школьной среды: «Так, попадая в школу, *Соколов* становится *Соколом*, *Попов* именуется *Попом*, *Киселев* – *Киселем*» [Успенский 1989: 347], *Кузьмин* – *Кузьмой*, а также для творческих коллективов:

Все, что делал Щекочихин (*Щекоч*, как звали его меж собой коллеги), было неизменно ярко, революционно («МК», 4 июля 2003).

Типично преобразование фамилий в клички для криминального жаргона: «Одного из гостей, гражданина Украины Александра *Фомина*, после проверки задержали и препроводили в “воронки”. *Фома*, украинский вор в законе, четыре года находился в международном розыске» (Мегаполис-экспресс, 4.03.2002).

Подобное сокращение фамилии – явление не новое в русском обществе. В уже упоминавшихся воспоминаниях Е. Н. Водозовой отмечается фамильярное отношение богатых помещиков к мелкопоместным, что выражалось, в частности, в искажении фамилии. Приведем две цитаты: «Мелкопоместного дворянина, по фамилии Чижов, все называли *Чижом*. Когда он входил, ему кричали: – А Чиж! Здравствуй! Садись! Ну, чижик-пыжик, где ты был?»; «Обращался он (богатый помещик. – Ю.Р.) с ним (с мелкопоместным. – Ю.Р.) так, как вожак с ученым медведем. Например, говорил мелкопоместному: – А ну-ка, Селезень, – так звали мелкопоместного Селезнева, – расскажи-ка нам, как ты с царем селедку ел» (Е. Н. Водозова. История одного детства. Петрозаводск, 1963).

Образование прозвищ от фамилий – явление не типичное для Италии, хотя можно встретить и сокращения типа *il Berlusconi* (*il Berlusco*) – иронично-деспективное именование политика *Berlusconi* или *la Merla* – так за глаза соседи называют женщину по фамилии *Merlo* (*merlo* «дрозд»).

Помимо общих тенденций именованья человека, существуют частные традиции, складывающиеся в отдельных коллекти-

вах. По каким-то причинам, ясным только членам сообщества, одних называют по краткой форме имени, других – используя диминутив, третьих – по фамилии, четвертых – по имени-отчеству: «На этих праздниках появлялись какие-то дяди Саши, Лидочки под пятьдесят, Анжелы Михайловны, Борис Ивановичи» (А. Кучаев. Как стать знаменитым писателем // «Москва», 2002, № 4). Подобные явления происходят и в итальянских коллективах, но здесь заметную роль играют также этикетные слова *signor, signora, signorina, don, donna*.

Глава VI

Социокультурный аспект антропонимии

В предыдущих разделах мы уже касались проблем социокультурного аспекта функционирования антропонимов – этого невозможно избежать, поскольку антропоним «живет» в обществе и является важнейшим компонентом культуры любого народа. Антропонимы «обрастают» коннотациями, превращаются в нарицательные существительные, фразеологизируются, становятся частью фольклора, образуя тот национально-культурный фон, который известен с детства всем итальянцам и русским.

Кроме того, в итальянском и русском национально-культурном пространстве имеется ряд имен, общих для обеих культур, в частности, библейские имена, имена христианских святых, некоторых литературных героев, исторических персонажей и знаменитостей, которые функционируют по-разному. Приведем элементарный пример, касающийся изменения места ударения в фамилиях. В русской культурной традиции фамилии известных итальянских киноактрис произносятся Лоллобриджида, Лорен (именно такое произношение зафиксировано в словарях), в то время как в исходном языке произношение иное: Lollobrigida, Loren. В свою очередь, итальянцы произносят русские фамилии с ударением на первом слове: Gorbaciov, Tolstoj, Platonov. Различия в функционировании антропонимов, как будет показано ниже, не ограничиваются ударением.

Важное место в этнической картине мира занимают фольклорные персонажи и их имена. Герои русских народных сказок Иванушка-дурачок, сестрица Аленушка и братец Иванушка, Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Змей Горыныч, баба-Яга, а также былинные герои Добрыня Никитич, Алеша Попович, Илья Муромец и др. знакомы с детства всем русским, участвуют не только в формировании картины мира, но и национального характера и менталитета. Имена этих персонажей являются когнитивными концептами. Так, Иванушка-дурачок – образ, за внешне непривлекательной (с первого взгляда) маской

которого скрывается добрый, порядочный и удачливый человек; Василиса Премудрая и Елена Прекрасная – идеал русской женщины, терпеливой, умелой, душевной; сестрица Аленушка и братец Иванушка, Настенька – когнитивные концепты обездоленных людей, личные качества которых (доброта, честность, трудолюбие) разбивают все злые чары.

С. Г. Тер-Минасова показала, что русские сказки и их герои воспринимаются в контексте англосаксонской культуры не так, как в русской, часто с отрицательной стороны: «Сказка “Морозко” вызывает недоумение и даже негодование. Что поучительно-го в девочке-сиротке, которая зачем-то врет Морозу, что ей тепло, когда она замерзает от холода? И почему наказана мачехина дочка, которая честно кричит “холодно, остановись!”? Сюжет сказки противоречит уставу “американского монастыря”, где царствует Его Величество Здравый Смысл (чтобы не сказать прагматизм).

Иностранцам не понятен и чужд менталитет русского человека, для которого характерна повышенная деликатность, нежелание затруднить, обидеть, совершенно независимо от требований здравого смысла. Он вполне может отказаться от предлагаемой еды, питья, услуг...

Недаром любимый герой русского фольклора – Иван-дурак или ласкательно Иванушка-дурачок: он потому и “дурак”, что его поведение противоречит “здравому смыслу”. Он отдаст последний кусок хлеба какой-нибудь зайчихе в лесу, не думая о том, что самому есть нечего, а потом эта зайчиха, казалось бы, слабая и ненужная для практичного человека... поможет ему победить Кащей Бессмертного. И именно он в конце сказки получает и царевну в жены, и полцарства в придачу» [Тер-Минасова 2000: 172].

Не «вписываются» в американский менталитет и былинные герои: «Супермен» русских былин Илья Муромец, имея выбор богатым стать, жениться или погибнуть, рассуждает совершенно не здраво: «мне женитьба не ко времени, а богатство мне не к радости», но вполне правильно, с точки зрения смысла и менталитета русского фольклора и русского национального характера: сначала надо победить врага своей родины, а потом уж ду-

мать о женитьбе. Богатство же русскому герою радости принести не может» [Тер-Минасова 2000: 173].

Иная – но тоже чрезвычайно значимая для этнической картины мира – фольклорная стихия в Италии, где необычайно популярны персонажи-маски комедии дель арте: Pulcinella, Pantalone, Balanzone, Granduia, Arlecchino, Brighella, Colombina и другие. Эти имена стали нарицательными, своеобразными когнитивными концептами определенного типа человека.

Так, знаменитая неаполитанская маска Pulcinella (человек, одетый в белую рубашу, штаны и характерный берет) – символ болтливости и невоздержанности на язык, а также непостоянства во взглядах и сильного беспорядка, вносящих некоторый грустный оттенок в этот образ (последние две черты – следствие первых), что нашло отражение в ряде идиом: *il segreto di Pulcinella* (секрет полишинеля), *fare il Pulcinella* (менять взгляды), *finire come pozze di Pulcinella* (закончиться как свадьба Пульчинеллы, то есть беспорядком и потасовкой). В Россию этот персонаж попал из Франции, что объясняет французскую огласовку данного онима – Полишинель (*Polichinelle*) – и несовпадения в объеме образа: в настоящее время это имя используется лишь в выражении «секрет полишинеля» (т. е. тайна, известная всем).

Венецианская маска Pantalone – благодетельный ворчун, символ человека, которому постоянно приходится платить: *tanto chi paga è sempre Pantalone, paga Pantalone* (всегда платить мне, за все платит народ). *Dottore* или *dottor Balanzone* – карикатурный образ педанта-ученого (врача или юриста), возникший в XVI в. в Болонье. *Gianduia* – маска из Пьемонте, любитель выпить, выражение *figli di Gianduia* означает «пьемонтцы» (как правило, без упомянутой импликации).

Arlecchino – маска из Бергамо, в одежде из разноцветных ромбов; это симпатичный, неунывающий шутник, в то же время человек несерьезный, часто меняющий свое мнение; отсюда выражения: *essere vestito come un Arlecchino* (одеться в пеструю одежду или в несколько нарядов одновременно), *fare l'Arlecchino* (вести себя несерьезно), *dicorso d'Arlecchino* (бессвязная речь), *essere un Arlecchino* (не держать слово, быть слабохарактерным). В России в настоящее время «арлекин» скорее трагическая, двой-

ственная фигура, за шутками которой скрываются слезы. В XIX столетии это слово – как и другие итальянские имена, ставшие нарицательными, – было более употребительным. В словаре В. И. Даля зафиксированы следующие значения: одно из потешных лиц *немой* комедии; шутник, проказник, пестрый шут, гаер, ломака; собака ищейной породы; разноглазка, то есть животное с разноцветными глазами; некогда модная ткань; камень опал; приводятся также выражения «нарядилась как арлекин, арлекиновы проказы» [Даль 1955, т. 1]. В 20-томном словаре Академии наук содержится энциклопедическая трактовка данного слова; значение же «шут, паяц» трактуется как устаревшее, а «арлекин» в значении «гончая собака с пестрой шерстью» – как омонимичное образование. В качестве иллюстрации значения «шут, паяц» в указанном словаре приводится четверостишие: «Недаром лик сей двуязычен. Таков и был сей властелин: К противочувствиям привычен, В лице и чувствах арлекин» (Пушкин. К бюсту завоевателя). Как видим, двойственность образа, характерная для современного русского языка, отмечалась еще Пушкиным.

Другая маска из Бергамо – *Brighella* – хитрый слуга, прохиндей, лжец и интриган, инициатор интриг в свою пользу и в пользу хозяина; в то же время выражение *fare il brighella* означает «вести себя несерьезно».

Венецианская маска *Colombina* – символ наивной девушки; она дочь Панталоне. Согласно 17-томному словарю русского языка, коломбина – персонаж итальянской народной «комедии масок», возлюбленная арлекина (т. 10), то есть сема «простота, наивность» словарем не фиксируется. Наконец, *Burattino* и *Zanni*, тоже венецианские персонажи, два слуги. *Burattino* – легкомысленный, ветреный человек; в то время как *Zanni* – вун, интриган или глупец, попадающий в смешные и бурлескные ситуации: *fare lo zanni* – смешить. Кроме того, *burattino* – персонаж кукольного театра; это кукла в длинной одежде и с деревянной головой, надеваемой на руку; отсюда переносное значение: «безвольный, находящийся во власти других, человек».

Как видим, имена одних масок перешли в русский язык; при этом происходила значительная модификация характеристики

маски, названия же других – в языковом смысле – остались достоянием итальянского языка. Очевидно также, что данные именованья нуждается в более пристальном внимании, в том числе и по линии изучения взаимодействия культур, поскольку персонажи итальянской комедии масок часто становились известными в мире благодаря французскому посредничеству.

Личные имена в итальянском и русском языках довольно редко становятся нарицательными. Приведем примеры: *lucia* – божья коровка; *lucia* – медяница (змея); *carlino* – мопс (от Carlo Bertinazzi, по прозвищу Carlino, который в 1700 г. выступал с собакой в Париже в роли Арлекино, где имел огромный успех); *carludovica* – разновидность пальмы (в честь Карла IV и Марии Луизы Лудовико); *giovanni lo stupido*, *paolino* – названия птиц; *paolino* – простак; *carlino*, *luigi*, *paolo* – названия монет; *giorgina* – георгин; *giulietta* – колокольчик (растение).

Для именованья предметов используются и имена святых: *sampietro* – рыба (солнечник); *sampietrino* – булыжник, которым вымощена площадь San Pietro в Риме; *santabarbara* – пороховой склад (как и в испанском языке); *sangiovanni* – отношения между крестным отцом, крестником и родителями; *sanbernardo* – сенбернар.

Любопытно то, что современный итальянский воровской и молодежный жаргоны широко прибегает к именам собственным, в том числе и именам святых, для обозначения самых различных объектов; *gianna*, *santa giustina* – полиция (последнее по созвучию с *giustizia* – правосудие); *gianni* – карабинер/ы; *maria maddalena* – полицейский фургон; *sanmichelista* – вор-домушник (San Michele был сторонником наказания богатых в виде нанесения им материального ущерба [Ferrero: 294]); *chessa* (димиутив от *Francesca*) – педераст; *maria giovanna* – марихуана; *santa margherita* – нож; *santantonio* – побои (обычно полученные в полиции); *paolo* – дырка в подошве, зад (от названия монеты); *giorgio* (от San Giorgio) – крутой, щеголь (по ассоциации с внешностью святого), глупый любовник; кроме того, *giorgio* может означать «менструация» (кровь убитого дракона на изображениях святого): *Quando aspetta giorgio è sempre nervosa* [Lotti, статья Giorgio]. В этих случаях наблюдается характерное для

итальянской идиоматики занижение образа христианских святых (см. также ниже).

В русском языке имена святых используются в подобных случаях очень редко; нам известны названия растений: петров крест, петровы батюги (несмотря на то, что в данных именовании нет слова «святой», с большой степенью уверенности можно утверждать, что они связаны именно со святым Петром, поскольку их цветение совпадает с празднованием дня Апостолов Петра и Павла – 12 июля по новому стилю). Довольно редко для именовании предметов используются и обычные имена: анютины глазки, василек, иван-да-марья, иван-чай, марьин башмачок, марьин корень, петрушка – растения; ванька-встанька, петрушка – куклы, Мария Иродовна – болезнь (лихорадка), Ванька-каин (грабитель), кондрашка (кондратий, Кондратий Иванович) – апоплексический удар. Как видим, в русском языке при обозначении предметов внешнего мира личные имена входят в состав фразеологизированных именных сочетаний или своеобразных сложных слов.

Наиболее часто в «неантропонимической» функции выступает имя *Иван*. Оно может означать «русский человек, русский народ», а также «простой человек, человек из простонародья, простак»: Россия вся единый *Иван* (Маяковский)...; Хотя и есть пословица, что на *Иване* далеко не уедешь, однако ж этот постоит за себя и за своих (Лажечников)... (см. подробнее: [Отин 1994: 85–90]).

Близкое значение имеет и фамилия *Иванов*: По крайней мере ясно, что человек лучше человечества и личность выше общества, ибо с *Ивановым* всегда договоришься с глазу на глаз, а в составе маршевой роты *Иванов* – зверь (Пьецух). Сочетание *Иван Иванович* может означать «некто, всякий мужчина»: Получалось, что виноваты некие *Иваны Ивановичи*, руководившие конкретными ведомствами (Известия, 1990, 17 февр.). На воровском жаргоне *Иван Иванович* – «политический заключенный из интеллигентов»: Такая деятельность носила массовый характер – предметом постоянной ненависти воров в лагере всегда была интеллигенция из заключенных – «*Иваны Ивановичи*» [там же: 89]. Наконец, *Иван Иванович Иванов* – «некто из русских» или

«ничем не выделяющийся человек»: Но неужели, если пермяк *Иван Иванович Иванов*, будучи в командировке в Одессе, опустит пермские автобусные билетки в одесскую автобусную кассу, то тем самым нанесет ущерб местной экономике? (Известия, 1984, 21 окт.); – Я действительно пишу и непременно напишу драму, – сказал он, – «*Иван Иванович Иванов*»... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой (Короленко) [Отин 1994: 90].

Диминутивно-деспективная форма *Ванька* в качестве нарицательного существительного может иметь значения «комнатный цветок», «извозчик»:

– Слышь, ты мне уברי-ка мне с окошка «*ваньку мокрого*», а то ведь точно занавеской поломаю... Бронислава перетащила тяжелый горшок с цветком на стол (Галактионова)...

Тут вот еще что: в магазин Рыбников приехал на обычном «*ваньке*», а укатил на лаковой пролетке, из тех, что берут полтинник за одну только посадку (Акунин, Алмазная колесница).

Инженер и надворный советник переоделись *ваньками* и, пошатаваясь вошли в трактир (Акунин, Алмазная колесница).

В итальянском языке соответствующее имя *Giovanni* практически не задействовано в идиоматике, за исключением заимствованного из испанского языка обозначения концепта «дон Жуан»: *don Giovanni*, а также названия пьемонтской маски *Gianduià*, обозначающего также сорт шоколада с орехами.

Переход личных имен в разряд нарицательных характерен для русских диалектов: *демьянки* – баклажаны (южная Волга); *абрам* (олонецкое) – человек с бородой, *абрамка* (олонецкое) – железный лом, *авдотья* (сибирское) – болотный кулик, *агафон* (вологодское) – простак, *акулина* (уральское) – неопрятная женщина, *анютка* (калужское) – маленькая рыбка, *арина*, *ариша* (владимирское) – гриб чернушка, *артюха* (смоленское) – головорез, *артюшка* (донское) – оборванец, *афонька* (олонецкое) – задира, *дёмка* (смоленское) – обманщик, плут, *гурий* (олонецкое) – камень, отшлифованный водой и др. (см. подробнее: [Словарь русских народных говоров: вып. 1, 7]).

Как и в итальянском языке, именование предметов при помощи личных имен типично и для русского аргю. Общеизвестно

слово *фомка* «ломик для взламывания запоров», явно пришедшее из языка деклассированных элементов. Арготизация личных имен – явление не новое для русского языка. В романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» находим следующие примеры: *светлана* «очищенная водка», *алешка* «лакей», *жорж* «мошенник», *кирюшка* «палач», *кирюшкина кобыла* «инструмент, на котором наказывали плетьюми»; *рыжая сара* «полумпериа́л» (значения приведенных арготизмов даются в примечаниях самим автором):

Брат Жозеф стал оказывать страстное влечение и сердечную привязанность к российской очищенной, известной тогда под популярным и балладно-романтическим названием *Светланы*... Светский костюм, который носил он в качестве слуги, гарантировал его страстные отношения к *Светлане* от соблазна людей посторонних.

– Из каких он? – Надо полагать из *алешек*, – сказал Гречка. – А может быть, из *жоржей*.

– Уж быть тебе, кощуну здакому, быть тебе кончену *Кирюшкиной кобыле*, помяни мое слово! – постучал о край пальцем о край стола Викулыч.

– Я по чести, как есть, три рыжика правлю. – Какими? *Рыжею Сарая*? – Ну вестимо, что *Сарой*...

Слово *фомка* в романе В. В. Крестовского сохраняет связь с мужским именем по линии рода: – У меня *фомка* востер!.. – похвалился Гречка. Мужским родом помечено это слово и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка, который ссылается на Словарь В. И. Даля, хотя в настоящее время носителями русского языка *фомка* воспринимается и функционирует как слово женского рода:

Они (мантры. – Ю.Р.) являются отнюдь не индивидуально подобранным звуковым «ключом», а *грубой «фомкой»*, которой бесы проламывают вход в душу (Ю. Воробьевский. Путь к демонам // Молодая гвардия, 2003, № 10).

Итальянская фразеология с личными именами весьма разнообразна, приведем несколько примеров: Paolo di trentotto (человек, не внушающий доверия); fare la Maria (притвориться прощачком); cercare Maria per Ravenna (per Roma) (искать ветра в поле); non è più il tempo che Berta filava (прошли те времена);

fare il mestiere di Michelaccio (хорошо есть и развлекаться); fare Giacomo, fare Diego Diego (дрожать от страха, от слабости); essere un gallo della Checca (быть бабником). Интересна история выражения per un punto Martin perse la sarra (даже самое маленькое упущение может погубить дело): монах Мартин в надписи над входом в монастырь не там поставил точку, полностью исказив тем самым смысл. Вместо «Porta patens esto. Nulli claudatur honesto» (Пусть врата будут открыты. Ни для кого из честных людей они не закрываются) получилось; «Porta patens esto nulli. Claudatur honesto» (Ни для кого врата не открыты. Для честных людей тоже) [Черданцева, Рецкер, Зорько 1982: 597]. Выражение dare (avere) il resto del *Carlino* означает «добавить, прибавить (на орехи) (букв. дать/получить сдачу с Карлино. Карлино – монета, пущенная в обиход в 1278 г. в Сицилии, позже монета с таким названием выпускалась и в других местах)» [Черданцева 2000: 198].

В русском языке личная антропонимия задействована в подобную идиоматику гораздо меньше, тем не менее, имеющиеся выражения очень выразительны. Общеизвестны и употребительны: Я тебе про *Фому*, а ты мне про *Ерему*, по *Сеньке* и шапка, куда *Макар* телят не гоняет, вот таким *макаром*, выдрали как *Сидорову* козу, *филькина* грамота, я тебе покажу *Кузькину* мать. Ср. также:

Она больше всех и рвалась на это место. А когда дорвалась, то показала всем *кузькину мать* (Лукьянов А. Артиллеристы // Октябрь, 2003, 2).

Шапка должна быть по *Сеньке*, сомбреро – по *Хуану*, а каждый сверчок гораздо успешнее справляется с вокалом, когда сидит на своем шестке, а не на чужом (Маринина А. Каждый за себя. М.: Эксмо, 2003).

Личные имена (иногда в сочетании с фамилией) задействованы в различного рода рифмованные паремии: Chi fa la spia, non è figlio di Maria; C'era una volta Marco Rivolta (говорится детям, пристающим с вопросами); Si chiama Pietro e torna indietro (напоминание о том, чтобы вещь была возвращена); Si chiama Rocco, si guarda e non si tocca (смотреть можно, а трогать нельзя); Adagio, Viagio (напоминание о том, что надо быть осторожным и думать, перед как начинаешь действовать).

Русские паремии с личными именами тоже, как правило, рифмованные. Это прежде всего паремии с рифмованными эпитетами к имени (приводимые паремии извлечены из: [Даль 1994]): Марья-Марина – очи голубины; Катя-Катерина – ножка голубина; Роман – кожаный карман; Анна таланна; Анна затычка банна; Позвать Ивашку, белую рубашку. Близки к приведенным паремии, в которых личное имя рифмуется с глаголом или компонентом глагольной синтагмы: Фоку приставляй с боку, а Демид прямо глядит; Семка, пойдём-ка; Ты, Исай, наверх ступай; Милости просим, отец Амбросим: тебе ли с нами – садись под иконы; Возьми у Савки в лавке!; Плешивый Тарас, моли Бога о нас! Прагматика таких паремий разнообразна: они использовались и как эпитеты к имени и как косвенные речевые акты различных типов: совет, приглашение, насмешка (Милости просим, отец Амбросим), отказ и т. п., но в любом случае им присущи юмор или ирония.

Наконец, рифмованы и пословицы с личными именами, содержащие мораль: Скучно Афонюшке на чужой сторонюшке; Амбросим не просит, а дарует, не бросит; Каков Пахом, такова и шапка на нем; У меня лакеи все были Мокеи, а ныне Мокею самому пришлось в лакеи; При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил (всем постыл); Друг на дружку, а все на Петрушку; Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает, Ехал к Фоме, а заехал к куме; Наш Фаддей – ни на себя, ни на людей; Зачем к Варваре, как свое в кармане; Нашему Петру скотина не ко двору. Русские рифмованные паремии, как видно из примеров, очень образны, представляют яркие фрагменты народной картины мира, но в большинстве своем архаичны (в том числе и в части задействованных в паремии личных имен); как говорится, они «не на слуху». Из активно используемых, знакомых всем в настоящее время пословиц рассматриваемого типа можно привести: Хороша Маша, да не наша; Федот, да не тот; Дядя Иван, и людям и нам. Последняя пословица, впрочем, встречается и в варианте с противоположным значением: Ты думаешь, зря люди говорят? Что «горе, – говорят, – муж Григорий, а у меня Иван – не дай Бог и вам»? Предупреждают люди-то! (В. Галактионова. На острове Буяне // Наш современник, 2003, № 7).

Еще один малоизученный аспект антропонимии касается функционирования в языке имен библейских персонажей, христианских святых и литературных героев, а также исторических личностей. Дело в том, что имена (и образы) одних и тех же персонажей в разных культурах часто интерпретируются по-разному и, соответственно, являются носителями различных когнитивных концептов. Выше уже говорилось о несовпадении трактовки образов Полишинеля и Арлекино в итальянской и русской культурах. Теперь обратимся к именам, общим для всех христианских культур.

Начнем, так сказать, от Адама. Образы Адама и Евы вырисовываются из итальянской фразеологии весьма своеобразно, они как бы вписаны в Новый Завет, в христианскую доктрину: если *il vecchio Adamo* – это человеческая натура, склонная к греху, то *il nuovo Adamo* – Иисус Христос, *la nuova Eva* – Мария (*madre di Dio*). *Eva*, кроме того, является символом женственности. Приведем еще несколько идиоматичных выражений с этими именами: *quel d'Adamo* – человеческое тело, *parente per parte di Adamo* – родственник со стороны Адама (то есть, очень дальний), *i figlioli di Adamo* – мужчины (иронично), *da Adamo in qua* (от Адама), *i figli di Eva* – человечество. В русской картине мира в образах *Адама* и особенно *Евы* акцентируется понятие греха. Ср. пословицы, приводимые В. И. Далем: Адам плотию наделил, Ева – грехом; Адам согрешил, а мы вздыхаем; Ева Адама прельстила, весь род потопила (или: погубила); Ева прельстила деревом, простонала чревом; Адам грех сотворил – рай затворил. Кроме того, для русского человека Адам – физически совершенный образец мужчины. Ср. у В. Хлебникова: Страна, где все люди Адамы. В самарском и московском говорах *адам* – человек огромного роста [Словарь русских народных говоров, вып. 1].

Сочетание *в костюме (наряде) Евы (Адама)* означает «голый»:

Графиня Эн высажена из кареты *в наряде Евы* (Акунин, Алмазная Колесница)!

Наконец, *Адам* и *Ева* могут быть синонимами слов *мужчина* и *женщина*:

В борьбе за лидерство *Адам* проигрывает *Еве* (ЛГ. 2005, № 10).

Совсем другой образ данного персонажа в испанской картине мира. С этим именем – оно звучит по-испански *Adán* – связаны следующие коннотации: грязный, неопрятный, неряшливый человек (*ser un Adán; hombre, estás hecho un Adán; Manuel es el típico Adán, se viste mal y no se cuida nada*) [*Sanmartín Sáez*, статья *Adán*]. Производное от *Adán* – *adamismo* (*adanismo*) используется в выражениях типа *obrar con adanismo*, что означает «делать что-то так, как будто до тебя этого никто не делал» (изобретать велосипед). Имя же прародительницы Евы употребляется в выражении *hijas de Eva* (дочери Евы) для обозначения женщин вообще; кроме того, *eva* на молодежном жаргоне – разновидность наркотика [*Sanmartín Sáez*, статья *Eva*]. Кстати, имена *Adan* и *Eva* отсутствовали долгое время среди христианских имен; они были введены в обиход протестантами в период реформации и лишь в XVIII в. были приняты католической церковью.

Центральным образом во всех христианских культурах является образ Иисуса Христа. Рассмотрим, как он предстает в рассматриваемых языках.

В итальянском языке распространены энантеосемичные междометия с именами *Gesù, Cristo: Gesù!, Gesucristo!, Gesù, Giuseppe e Maria!*, а также восклицание *Addio, Gesù!* – в значении «ничего не поделаешь». Восклицание *Cristo!*, в отличие от испанского (см. ниже), обозначает удивление, гнев, бессильную злобу и предстает как выражение непочтительное, если не богохульное [*Lessico universale italiano, t. V., статья «Cristo»*].

Фразеология с этими именами богата и разнообразна. Отметим наиболее типичные идиомы. *Quant'è vero Cristo* (*Quanto è vero Iddio*) – энергичное подтверждение чего-либо (вот-те крест!) или угроза; *non c'è Cristi che tengano* – тут уж и Бог не поможет; *un povero Cristo* – бедняга, бедолага; *pare un Cristo (spirante), un Gesù morto* – говорится об очень худом человеке; *è la vigna di Cristo* – место, где нуждающийся может найти то, чего у него нет; *non darebbe un Cristo a baciare* – говорится об очень жадном человеке; *non c'è Cristi, non c'è Cristo che comanda* – невозможно (часто отказ); *con lui non ci sono Cristi* – от него толку не добиться; *un Cristo d'uomo* – о высоком, сильном человеке; *tutto è Gesù è Maria* – о внешне набожном человеке; *fare Gesù con tre o cento*

mani – быть очень благодарным; это выражение всегда используется в *Condizionale*: farei Gesù con cento mani, se facessi l'esame; Gesù pietoso – ломбард; sembrare un Cristo fra due ladroni – о честном человеке среди воров; esser quello di Gesù – последний из запаса: questo è quello di Gesù, dopo questo non c'è più; segnato da Cristo – убогий, урод (в русском языке аналогичное выражение «отмеченный богом» имеет противоположное значение «необыкновенный, одаренный»).

Итальянская фразеология, как видно из примеров, очень образна и актуализирует различные стороны этого образа. Некоторые итальянские выражения, тем не менее, по крайней мере для носителя русской культуры, представляются если не совсем почтительными, то несколько несогласующимися с обычными представлениями об этом образе. Таковы междометные образования *Cristo di legno!* «Елки-палки!, Черт возьми!», *Cristo!*, *Cristi!*; таковы выражения non c'è Cristi; Gesù pietoso; senza tanti Cristi «не церемонясь, без лишних слов»; fare un Cristo «полететь кубарем», dare ad intendere che Cristo è morto di sonno (dal freddo) «втирать очки»; tenere in Cristi «держат в узде»; Buona notte, Gesù, che olio è caro (так обрывают бесполезный разговор), в которых наблюдается явное снижение образа, чему, на наш взгляд, способствует в ряде случаев форма множественного числа *Cristi*. В синонимичных выражениях *povero Cristo* и *povero diavolo* (бедняга, бедолага) нейтрализованы противоположные для всех христиан концепты: Христос и дьявол. В словаре итальянского жаргона находим несколько дериватов от этого имени, например, существительное *cristone* «импульсивный, дерзкий, вспылчивый, непреклонный человек», а также глагол *cristonare* «богохульствовать, ругаться, извергать проклятия» [Lotti, статьи *cristone*, *cristonare*]. «Давно замечено, – пишет В. Г. Гак, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже бранные слова» [Гак 1997: 60]. Десакрализация рассматриваемого образа характерна для итальянской фразеологии.

Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (*Cristo*, *Jesús*, *Jesúcristo*), в том, что в ней содержится много

междометных образований: ¡Por los clavos de Cristo! – восклицание со значением протеста, нетерпения, патетическое выражение просьбы или приказа (ради Бога!); ¡Ni Cristo que la fundó! – эмфатическое отрицание возможности или правдоподобности чего-либо (ничего подобного!); ¡Vive Cristo! – устаревшее восклицание, обозначающее раздражение; ¡Hasta verte, Jesús mío! – фраза, сопровождающая осушение бокала: в древности на дне сосудов для питья часто изображались буквы I. H. S. Восклицания ¡Jesús!, ¡Jesucristo!, ¡Cristo!, ¡Santo Cristo!, ¡Jesús, Dios mío!, ¡Jesús, María y José!, ¡Jesús mil veces! могут сопровождать широкую гамму чувств – от жалобы и удивления до испуга и облегчения. Кроме того, междометие ¡Jesús! произносится, когда кто-то чихнул (соответствует русскому «Будьте здоровы!»); этот обычай восходит к временам чумы, имевшей место в XIV в.

Имеется и ряд выразительных фразеологизмов. М. Молинер приводит следующие: como a un Cristo (a un santo Cristo) dos pistolas «как Христу два пистолета», то есть не подходить, не сочетаться; como Cristo con los mercaderes «как Христос с торговцами», то есть непримиримо; donde Cristo dio las tres veces – очень далеко; poner a alguien como un Cristo – оскорбить, загрязнить, обойтись плохо; armarse la de Dios es Cristo – устроить скандал; niño Jesús, Jesús niño – изображение младенца Христа; túnica de Cristo – растение; en un decir Jesús, en un Jesús – очень быстро [Moliner, статьи «Cristo», «Jesús»]. Зафиксированы и другие выражения: a mal cristo, mucha sangre – говорится о книге или картине, низкой по качеству, но использующей средства, привлекающие толпу; cristo con todos – фраза, которой завершается дело; ni por un cristo – ни за что; sacar el cristo – прибегать к крайнему и решительному средству убеждения [Diccionario de la lengua española, статья «Cristo»]. Некоторые из приведенных выражений содержатся также в словарях арго, что свидетельствует об их стилистически заниженной окраске: como a Cristo dos pistolas, donde Cristo dio las tres veces, poner a alguien como un Cristo, armarse la Dios es Cristo. В словарях испанского арго имеются и другие идиомы с этим именем: como hay Cristo que «клянись»: ¡Como hay Cristo que no me ve el pelo para los restos! «Клянись, что вы меня больше не увидите!»; ni Cristo, no hay Cristo

que «никто»: En esta oficina no te echa la mano ni Cristo; Se pone a chapurrear español y no hay Cristo que lo entienda; ni para Cristo «ни за что»: ¡Non salgo ahora ni pa Cristo!; todo Cristo «все»: El dueño del local se cabreó y mandó echar fuera tó (todo) Cristo [Martín Martín, Sanmartín Sáez, статья Cristo].

Имеются также выражения, общие для итальянского и испанского языков: la esposa de Cristo, la sposa di Cristo (церковь); а. С., д. С. (до новой эры, нашей эры).

В русском языке фразеология, содержащая имя Христа, ограничена. Энантеосемичные восклицания *Господи Иисусе!*, *Господи Иисусе Христе!* обозначают страх, удивление; междометное образование *Христа ради* усиливает просьбу (Христа ради, прошу тебя, останься). Возглас *Вот тебе (те, вам) Христос!* подтверждает правдивость, достоверность сказанного, а *Христос с тобой!* (*с вами, с ним*) – пожелание благополучия, выражение согласия (ладно, пусть будет так), предостережение [Словарь современного русского литературного языка, т. 17]. Имя Христос в ряде выражений заменимо на слова «Бог» или «крест»: *Бога ради, Вот те крест!*, *Бог с тобой!* В. И. Даль приводит следующие выражения и производные образования от этого имени: Христа ради, Христа-ради невест не выдают (ответ назойливой свахе), христарадничать, христарадник, христосоваться («целоваться радостно потрижды со встречным, на праздник Пасхи, приветствуя словами: Христос воскрес!»), Светлое Христово Воскресение, Христов человек (милосердный), христоронец, христородажный, христородавец, христоносный, христоносец [Даль 1955, т. 4]. Эмоционально окрашенных слов-дериватов, а также образных выражений немного: исусик, христосик (человек благообразной внешности, человек с мягким характером, отрешенный от жизни человек), как у Христа за пазухой, Христом-богом просить (сильно просить). Как видим, фразеология и производные от имени Христа в русском языке совсем иные по духу и по «подаче» этого образа.

Имеются в итальянском и испанском языках идиомы с именем Богородицы. Приведем несколько итальянских выражений: *Raiono le tre Marie* (похожи на трех Марий) – говорится о нескольких плачущих женщинах; *essere la Maria pietosa* – быть ве-

ликодушной; non ha potuto dire Gesù e Maria – не успел маму крикнуть; tutto il male che c'è in Santa Mari' Nova – сразу все напасти (Santa Mari' Nova – больница во Флоренции); far viva Maria – грабить, красть (в 1799 г. восставшая в Тоскане толпа граждан под крик *Viva Maria!* преследовала французских республиканцев, одновременно грабя места, по которым проходила); fare da Maria e da Maddalena – в каждой бочке затычка. Как можно заметить, в некоторых фразеологизмах наблюдается занижение образа Марии.

Выразительны испанские идиомы с рассматриваемым онимом: po es cada día Pascua ni Santa María – не всякий день праздник; para él no hay más Dios ni Santa María que... – для него ничего не существует на свете, кроме...; ¡abre, María, la puerta! – ну и ну!; ¡Jesús, María y José! – возглас удивления; ¡Ángela María! – междометное образование, обозначающее испуг, удивление, протест; ¡Ave María!, ¡Ave María Purísima! – приветствия (устар.) и возгласы удивления; Buenas manos tiene María Santísima para sacar pollos (cebar gorrines) – у него (у нее) все в руках спорится; el mes de María – май; la terra de María Santísima – Андалузия. Выражение las tres Marías (три Марии) во времена Франко на студенческом жаргоне означало три дисциплины – закон божий, политика, физическая культура; в то же время это именование из области астрономии – Пояс Ориона.

В русском языке подобной фразеологии, связанной с именем Богородицы, нет. В. И. Даль приводит несколько сочетаний с именем Мария, но они отношения к Богородице не имеют: Мария Иродовна – лихорадка (Мария – одна из дочерей Ирода); Марьин башмачок, Марьин корень, Иван-да-Марья [Даль 1955].

В итальянской фразеологии, использующей имена святых, большое количество выражений связано с именем святого Петра. Рассмотрим некоторые из них. Часть выражений имеет терминологический характер: cattedra di San Pietro «папский престол», navicella di San Pietro «католическая церковь». Но в основном народная фразеология создает несколько неожиданный для русского восприятия образ: gabbare San Pietro – обманывать святого Петра, то есть ходить без разрешения не в церковном пла-

ть; *far San Pietro* – нагло врать (в этом выражении актуализировано евангельское предание о том, как Петр трижды отрекся от Христа); *esser il gallo che cantò a San Pietro* «быть петухом, который кричал святому Петру» – о жесткой курице; *essere peggio della mamma di San Pietro* «быть хуже мамыши Святого Петра» – быть жадным, эгоистом. Наконец, *sanpietro* или *san Peder* (Ломбардия) – воришка, который вылавливает просмоленной палочкой деньги из церковного ящика для пожертвований; так своеобразно актуализируется здесь ассоциация с ремеслом и делом Петра: рыбака и «ловца человеков» [Lotti 1992; Ferrero: 294].

С именами *San Michele* (29 сентября) и *San Martino* (11 ноября) связывается окончание действия контрактов с хозяином; отсюда выражения: *far San Michele* – уйти, освободить помещение, переехать; *far San Martino* – уйти, скрыться. *estate di San Martino* означает «бабье лето»; это выражение входит в состав рифмованной пословицы *L'estate di San Martino dura tre giorni e un rochino* – поздняя любовь недолговечна. Сочетание *gabbar San Martino* «обмануть святого Мартина» – уйти с военной службы, дезертировать (святой Мартин – покровитель солдат) [Lotti 1992]. Приведем еще несколько выражений: *domandare se San Cristoforo fu nano* – задавать бесполезные вопросы; *fare il Geremia* – петь Лазаря, жаловаться на судьбу; *conoscere solo San Pio* – быть способным только брать, но не давать; *San Donato è morto, c'è solo San Pio* – хватит раздавать, пора брать (собирать); *San Giovanni non vuole inganni* – говорится о неудавшемся обмане (Бог правду любит); *fare la Santa Susanna* – строить из себя недотрогу; *andare con il cavallo di San Francesco* (букв.: ехать на лошади Святого Франциска) – идти пешком; *ti riduco come Santa Lucia* – угроза: я из тебя сделаю святую Лючию, то есть вырву глаза. С этим же именем связано восклицание *santa Lucia!*, которое используется в значении «Неужели ты этого не видишь?, Неужели не ясно?» (*Santa Lucia* – покровительница слепых), а междоиметное образование *troppa grazia, Sant'Antonio!* означает «слишком жирно!».

В приведенной выше фразеологии нетрудно заметить некоторые малопочтительные по отношению к святым выражения. Имеются и рифмованные пословицы (см. выше), а также выра-

жения, совпадающие по лексическому наполнению и значению с испанскими: *estate di San Martino – veranillo de San Martín* «бабье лето», *mal di San Lazzaro – mal de San Lázaro* «проказа», *salsa di San Bernardo – salsa de San Bernardo* «зверский аппетит» и другие, но основная масса образований, содержащих имена святых, не имеет таких соответствий.

Часто фразеология на базе имен святых носит региональный характер и распространена в определенной местности (хотя не исключено, что те или иные выражения распространены по всей Италии). Например, *San Giovanni* покровитель Флоренции, где известно выражение *aver parecchi San Giovanni adosso* – иметь за плечами много лет; *San Gennaro* – покровитель Неаполя; раз в году в базилике, носящей его имя свершается чудо, связанное с особыми выделениями на его мощах; отсюда выражение *aspettare la grazia di San Gennaro* – ожидать чуда, лучших времен; *la fior di San Marco* – Венеция; *San Nicola è amante dei forestieri* «Святой Николай любит иностранцев», – с ревностью говорят в Бари о покровителе своего города.

В России наиболее почитаемый в народе Святой – Николай (Никола). Именно его имя чаще всего упоминается в пословицах: Лучше брани: Никола с нами; Проси Николу, а он Спасу скажет; На поле Никола общий бог; Бог не убог, а Никола милостив; Нет за нас поборника супротив Николы; Со Спаса дерет, да на Николу кладет; Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает [Даль 1994, т. 1: 68].

Используются в русских пословицах и имена других святых: Было Тита (т. е. день), так было и пито, а ныне Карпа – нет ни капли; Далеко кулику до Петрова дня [Даль 1994, т. 2: 74]; Петр и Павел два прибавил (два часа); Соловей (кукушка) поет до Петрова дня [Даль 1955, т. 3].

Приведенные пословицы не относятся к активно используемым единицам. Пожалуй, только одна пословица такого типа известна всем: Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Между тем, пословицы, входившие в традиционный русский месяцеслов – земледельческий календарь, являвшийся, по сути, своеобразной крестьянской энциклопедией, были весьма популярны в народе. Месяцеслов обобщал многовековые наблюдения земледельца над

явлениями природы, связывал их с днями поминовения тех или иных святых. В результате имена христианских святых в России часто приобретали уникальные созначения и ассоциации, отражавшие картину жизни русского крестьянина.

Так, в итальянском языке, как и в испанском, с именем святого *Иова* связано представление о неограниченном терпении: avere la pazienza di Giobbe (ит.) «быть очень терпеливым человеком», su padre es un Santo Job (исп.) «его отец святой Иов (то есть очень терпеливый человек)». В русском языке актуализированы другие черты этого образа. Ю. А. Бельчиков считает, что «фразеологизмы с компонентом *Иов* в русском языке говорят о бедности (беден, как Иов), о страданиях библейского персонажа (Иов многострадальный)» [Бельчиков 1998: 51]. С этим нельзя не согласиться, но отметим также, что указанные выражения носят книжный характер. В сознании же простого народа *Иов* связывался с его местом в традиционном русском месяцеслове, и в народе его называли *Иов-огуречник*, поскольку в этот день (19 мая по новому стилю) следует сажать огурцы; по состоянию погоды в этот день определялись виды на урожай: большая роса или ясный день сулят хороший урожай огурцов [Литература и культура Древней Руси 1994: 291].

Приведем несколько пословиц из месяцеслова: *Федосеево* тепло не раннюю весну пошло (24 января); *Афанасий* и *Кирилл* забирают за рыла (31 января, о холодах); Если на *Евдокию* ясно, год прекрасный, если пасмурно, год плохой (14 марта); *Федул* губы надул (ненастье, 18 апреля); Сей морковь и свеклу на *Кузьму* (1 мая); *Федор Стратилат* грозами богат; На *Иванов* день цвет, на *Ильин-то* день хлеб (7 июля, 2 августа); *Петр* и *Павел* час убавил, *Илья* пророк два уволок (12 июля, 2 августа); Святой *Тит* последний гриб растит (7 сентября); *Иван Предтеча* гонит птицу за море далече (11 сентября); С *Ерофея* холода сильнее (17 октября); *Козьма* и *Демьян* с гвоздем (14 ноября); Пришел *Прокоп* – разрыл сугроб (к 5 декабря устанавливается хороший санный путь); Трещит *Варюха* – береги нос и ухо (17 декабря) [там же: 266–325].

Как видно из примеров, пословицы месяцеслова кратки по форме, образны, рифма облегчает их запоминание.

Аналогичные пословицы есть и у итальянцев. Т. З. Черданцева [2000: 282–284] приводит следующие (приводятся в ее переводе): Sant'Antonio (17 января) gran freddo, San Lorenzo gran caldura, e l'uno e l'altro poco dura (*букв.* На день Св. Антония очень холодно, на день Св. Лоренцо очень жарко, но и то другое быстро проходит); A San Mattia (4 февраля) la neve per via (*букв.* На Св. Маттея на дороге снег); Se piove per San Barnabá (11 июня), l'uva bianca se ne va; se piove mattina e sera se ne va la bianca e la nera (*букв.* Если на Св. Барнаба идет дождь, белый виноград пропадает; Если дождь идет с утра до вечера, пропадет и черный и белый виноград); Per Santa Cristina (24 июля) la sementa saggina – Со дня Святой Кристины собирай сорго (кукурузу) на семена; Per San Cosimo e Damiano (27 сентября) ogni male fia lontano (*букв.* В день Космы и Дамиана любая болезнь далеко) (эти Святые были врачами и покровителями семьи Медичи); Per San Michele (29 сентября) la succiola (cioè castagna) nel paniere – В день Святого Микеле собирают каштаны; Di San Gallo (16 октября) arail monte e semina la valle – в день Св. Галло пора пахать в горной местности и сеять в долинах; Per Santa Caterina (25 ноября) la neve alla collina (ovvero o neve o brina) (*букв.* На Святую Катерину снег на холмах, вернее – либо снег, либо иней); Santa Barbara (4 декабря) sta intorno al fuoco e guardala (*букв.* В день Святой Варвары стой у огня и смотри на нее); San Tommè (21 декабря) cresce il dì quanto un gallo alza un pie' (*букв.* На Святого Томме день удлинится на шаг петуха).

У русских и итальянских пословиц данного типа много общего как в смысле формы, так и содержания, но главное – они совпадают по духу.

Среди употребительных русских фразеологизмов, содержащих библейские имена, можно назвать «петь Лазаря» – выражение, по всей видимости, возникшее в среде нищих со значением «жаловаться на судьбу, стараться разжалобить» [Бетехтина 1994]. В итальянском языке lazzaro – «прокаженный», а также «бездельник, хулиган», pieno come un San Lazzaro – очень грязный, наваливший полные штаны. Выражение pagare un San Lazzaro «быть очень бледным» связано, по всей видимости, с другим Лазарем – братом Марфы и Марии, воскрешенным Христом на

четвертый день (Евангелие от Иоанна, XI, 1–46). К имени святого Лазаря-покровителя прокаженных и заразных больных своеобразным образом восходит слово *lazzaretto* «лазарет». Дело в том, что в 1423 г. на венецианском острове *Maria di Nazareto*, где находился монастырь с таким же названием, была открыта больница для заразных больных, которая со временем стала называться *Lazzaretto*; таким образом, в *lazzaretto* как бы слились два слова *Lazzaro* и *Nazareto*; впоследствии название *Lazzaretto* перешло и на остров – сейчас он называется *Lazaretto Vecchio* [Colonna 1997: статья «Lazaretto»; Tagliavini: 433].

В испанском же языке имя Лазаря, библейского бедняка, получившего вечное блаженство за все перенесенные тяготы (Евангелие от Луки, XVI, 19–31), входит в терминологическое обозначение проказы – *el mal de San Lázaro*; это же имя означает «нищий оборванец», а диминутив *lázarillo* получил значение «поводырь» (от имени героя романа *Lazarillo de Tormes*).

Как видим, одно и то же имя, одни и те же исходные семы *бедный, несчастный, больной* порождают в разных языках различную идиоматику, создающую национально обусловленные образы одних и тех же персонажей.

Имена героев литературных произведений иногда могут трансформироваться в нарицательные и, как уже указывалось, становятся яркими когнитивными концептами. Приведем несколько примеров. Со страниц наиболее любимого итальянцами произведения литературы «Обрученные» (*I promessi sposi*) А. Мандзони (1827 г.) пришли в итальянский язык слова *perpetua* «набожная сплетница, гримза», *azzeccagarbugli* «ловкий адвокат, крюкотвор», зафиксированные словарями. Такие имена носили герои романа *Perpetua*, старая служанка священника, и *Azzeccagarbugli*, адвокат. Интересно то, что слово *perpetua* в известном смысле искажает образ старой преданной служанки, созданный А. Мандзони.

Из персонажей русской литературы назовем имена гоголевских героев *Чичикова, Плюшкина, Собакевича, Манилова*, которые используются, соответственно, для обозначения предприимчивого человека (Я думал, из вас *Чичиков* выйдет, а вы – человек-рубашка (Боборыкин)), неразумного скопидома, самодура,

беспочвенного мечтателя. Иногда имена литературных героев «пересекают» границы национальной культуры и становятся нарицательными за ее пределами. Так произошло с именами *дон Жуан*, *дон Кихот*, которые стали достоянием словарей многих языков; при этом наблюдаются значительные расхождения в их значении в разных языках. Например, русское высказывание «Ведет себя как дон Кихот» и соответствующие ему испанское «Se porta como un Quijote» и итальянское «Si comporta come donchisciotte» обозначают разные ситуации: первое следует понимать как «Ведет себя благородно, бескорыстно», второе – «Ведет себя как дурак, вмешивается в чужие дела», а третье – «Ведет себя как идеалист, романтик, но с оттенком настойчивости, упрямства» [Рылов 2000: 148–149].

Раннехристианское имя *Beatrice* «дающая блаженство», ставшее с течением времени династическим в ряде европейских домов и распространению которого способствовала «Божественная комедия» Данте, приобрело нарицательное значение «*вдохновительница, идеал*». В близком значении «*муза*» это слово используется в книжном стиле русского языка, особенно в XIX в., хотя примеры такого использования можно встретить и в современном русском языке. Например, Л. Васильева одну из глав своей книги о Пушкине «Жена и муза» (М.: Атлантида - XXI век, 1999) называет *Данте и Беатриче*. Этот заголовок означает *Поэт и муза*. Кстати, самого Пушкина Л. Васильева называет «*нашим русским Данте*» (с. 347), что следует понимать как «*нашим величайшим русским поэтом*». В итальянском же языке слово *Dante* (это, как указывалось не фамилия, а имя) стало производящей основой для целого ряда дериватов, их количество и семантика впечатляют: *danteggiare* «*подражать Данте*», *dantesco* «*дантовский*», *dantismo* «*подражание Данте*» или «*слово, придуманное Данте*», *dantista (dantologo)* «*знарок Данте*», *dantistica (dantologia)* «*дантология*».

Интересна «семантическая судьба» в России некоторых имен, определенным образом связанных с итальянской литературой. Речь идет об именах персонажей сказки А. Толстого «Золотой Ключик, или Приключения Буратино» – своеобразной версии «*Пиноккио*» (*Le avventure di Pinocchio, storia di un burattino*)

К. Коллоди – Буратино и папы Карло, которые благодаря исключительной популярности этого произведения в России стали в русском языке нарицательными. Ю. С. Степанов пишет: «Буратино – не просто кукла, – это **концепт** русской культуры нашего времени» [Степанов 1997: 699]. Несмотря на «итальянское прошлое» и привязанность к «глубинным мотивам европейской культуры» [там же: 700], имя этого литературного персонажа приобрело значения, совершенно не понятные для итальянцев. Так, идиоматическое выражение «богатенький буратино» (обратим внимание на то, что слово *богатенький* сочетается преимущественно со словом *буратино*) означает «человек, имеющий деньги, способный платить». После обвала рубля в августе 1998 г. в газетах можно было найти такие заголовки: Куда понесут деньги богатенькие буратино?, Понесут ли богатенькие буратино деньги в банк? Ср. также:

Проводятся открытые первенства по преферансу, бриджу, покеру – все легально. И богатеньких *Буратин* прибавилось. (...) И вот тут обведенный вокруг пальца «*Буратино*» начинает возмущаться (Завтра, № 11 (591), март, 2005 г.).

Напомним, что в итальянском языке Burattino – персонаж комедии дель арте и кукла-марионетка, отсюда производные значения: с одной стороны, легкомысленный, ветреный человек, с другой – безвольный, находящийся во власти других человек; то есть значения этого слова никак не связаны с платежеспособностью, – в отличие от русского языка: Мне двух *богатеньких буратин* в год вполне хватает (репетитор об учениках – из записи устной речи). Это слово может иметь в разговорной речи и значение *ребенок* с оттенком иронии: Я со своим *буратино* каждый день в парке гуляю.

Исходное же имя героя сказки К. Коллоди Pinocchio в итальянском языке входит в выражения fare il Pinocchio «врать», il naso di Pinocchio «длинный нос, то есть нос вруна». В испанском языке фразеологии, связанной с именами персонажей этой сказки, нами не обнаружено.

Джеппетто, другой персонаж сказки, в версии А. Толстого получил имя Карло, которое в русском языке тоже стало нарицательным: сочетание «как папа Карло» означает «много, в поте

лица»: кручусь как папа Карло; работаю как папа Карло; – Ну естественно, некоторые отдыхают дома за вкусным ужином, – слышался ехидный голос Селуянова, – а некоторые *как папы Карло* ищачат, убийцев по всей Москве разыскивают (Маринина. Седьмая жертва); А вот продюсер Бари Алибасов весь вечер пахал *как папа Карло*: он самолично вылавливал знаменитостей (Комсомольская правда, 13. 04. 2002)...

Вот еще пример из прессы:

С. Миронов, председатель Совета Федерации: «Губернаторы иногда сознательно выдвигают в Совет Федерации опытного политика... И он как *папа Карло*, в хорошем смысле этого слова, пашет на регион». Если в верхней палате все сенаторы – *папы Карло*, то в нижней, наверное, все депутаты – *Буратино*. А кто тогда *Карabas-Барабас*? Так и договориться можно – в хорошем смысле этого слова... (Аргументы и факты, № 51, декабрь, 2004).

На школьном жаргоне *папа Карло* означает «учитель труда» [Стернин 1992: 108]. В итальянском языке с именем Carlo подобной фразеологии нет.

Фамилия назойливого журналиста Pаragazzi из фильма Ф. Феллини «Сладкая жизнь» стала нарицательным обозначением вездесущего репортера во многих языках. При этом в итальянском языке процесс превращения имени собственного в нарицательное сопровождался «выравниванием» формы имени: словари фиксируют слово *para-gazzo*; в русском же языке *папарацци* воспринимается как слово *pluralia tantum*: *Папарацци* снабжают жен компроматом (Мегаполис, № 14, 2002); Его выследили и разоблачили любопытные *папарацци* (там же); Увидев, что за происходящим с интересом наблюдают доморощенные *папарацци*, Пугачева сделала странный выпад: неожиданно подскочила к незнакомому парню и страстно впиалась ему в губы (Комсомольская правда, 4 апреля 2003).

Наконец, по-разному функционируют в различных национально-культурных социумах и имена реальных исторических деятелей. Приведем следующий пример. Имя итальянского политика и писателя Н. Макиавелли (N. Machiavelli, 1469–1527) используется в испанском языке как нарицательное в значении «хитрый, вероломный, бессовестный человек»; то есть суть уче-

ния Макиавелли о пренебрежении законами морали в области политики в целях построения сильного государства экстраполируется на характеристику самого автора учения; его имя образует ряд дериватов, которые входят в выражения, зафиксированные словарями, кстати, с изменением оригинальной орфографии: *maquiavelo, obrar como un maquiavelo, ser una persona maquiavélica, obrar con maquiavelismo*. В русском языке имеются слова «макиавеллизм» (политика, использующая любые средства; коварство, вероломство; вероломное поведение), «макиавеллевский», «макиавеллист» (оба слова определяются в словарях через «макиавеллизм»); это образования, маркированные принадлежностью к книжному стилю, устаревшие и, на мой взгляд, обычно окказиональные, так как известны в целом ряде орфографических вариантов: махиавелизм, маккиавелизм, маккиавеллизм; махиавеллевский, макиавеллевский, маккиавеллевский, маккиавеллиевский [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 6, 1957].

В итальянском языке семантика этого имени развивалась иначе. Имя нарицательное *machiavello* стало обозначением хитроумного плана, махинации [Dizionario fondamentale della lingua italiana]. В этом значении данное слово встречается даже в фольклоре, например, в сказке 'Caroso' (Streghe briganti, diavoli e santi. Racconti e leggende del Lazio. Torino, 1966: 9): «Compare prete, purtroppo papà ha scoperto tutto *il machiavello* che avete montato con mamma e ha detto che se vieni giù ti dà un'archibugiata!» – «Падре, к сожалению, отец обнаружил *козни*, которые вы затеяли с мамой, и сказал, что если ты еще раз придешь, он тебя пристрелит из аркебузы!». В современном жаргоне *machiavello* означает «следователь» [Lotti 1992]. Производное от этой фамилии существительное *machiavellica* используется в значении «трюк, отговорка, увертка», а также «ловкость, сноровка»: *Si fissò che fosse tutta una mia machiavellica per andarmene via* «Все подумали, что это была моя отговорка, чтобы уйти»; *Lascia fare a me. Si vuole una certa machiavellica* «Дай-ка, сделаю я. Здесь нужна некоторая сноровка». Имеются и другие производные. Прилагательное *machiavellico* используется при характеристике человека, добивающегося своих целей любыми методами и пренебрега-

ющего правилами морали (в сходном значении соответствующее слово используется в испанском языке и – редко – в русском); существительное *machiavellismo* означает «коварный и безжалостный утилитаризм, особенно в политике» (ср. испанское *maquiavelismo*), а *machiavellista* – «коварный и безжалостный политик».

Особое место занимают в итальянском языке имена древнеримских политиков. Стала нарицательной фамилия (*cognome*) Цицерона. В настоящее время слово *cicerone* означает «гид, проводник», реже оно распространяется и на печатную продукцию – *cicerone* «путеводитель». В России Цицерон – прежде всего образец красноречия (русским Цицероном иронично называли в прессе известного политика В. Черномырдина за косноязычие), слова «чичерон, чичероне» (проводник, дающий объяснения при осмотре достопримечательностей; вообще спутник, указывающий дорогу: «[Я] заставил проводить меня в отель... надеюсь, что он и впредь не откажется быть моим чичероне» (Станюкович. В море!)) в 17-томном Словаре Академии наук снабжены пометкой «устаревшее», при этом первое слово определяется еще и как «разговорное» [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 17]. В итальянском языке сема «красноречие» у данного имени сохраняется, но с отрицательной коннотацией: *fare il cicerone* – строить из себя всезнайку, умничать. На тюремном римском жаргоне это слово означает *chiacchierone insopportabile* «невыносимый болтун» [Ferregò: 294]. В испанском языке слово *cicerón* применяется, как и в русском, по отношению к красноречивому человеку без дополнительных коннотаций, а слово *cicerone* (довольно редкое) означает «гид». Одному итальянскому слову, таким образом, соответствуют три русских и два испанских.

Стало нарицательным и имя другого политика и военачальника – Марка Антония, кстати, санкционировавшего в 43 г. до н. э. убийство Цицерона. Слово *marcantonio* приобрело значение «человек исключительных физических данных, здоровяк, крупный мужчина» (с несколько шутливым оттенком), от этого слова образовано существительное женского рода: *marcantonia* «крупная, дородная женщина». Ни в испанском, ни в русском языках это имя не стало нарицательным.

Имя супруги императора Клавдия I *Мессалины* в итальянском языке – обозначение распущенной женщины: *questa donna è una vera messalina*.

Согномен политика, стратега и писателя Гая Юлия Цезаря и его приемного сына, первого римского императора Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа, становится нарицательным – символом единоличной власти – уже в Древнем Риме; Caesar является титулом римских императоров и входит в состав латинских идиоматических выражений. В ряде языков этот оним тоже стал обозначением суверена: Kaiser – в немецком языке; цар – в болгарском и украинском языках; кесарь, царь – в русском [Фасмер, т. 4]. В русском языке имеется и слово «цезарь» со значением «римский император; вообще самодержец, неограниченный монарх, римский цезарь»: «Искусство (цирковое)... почти не двигается вперед, оставаясь и теперь чуть ли не в таком же виде, в каком оно было при *римских цезарях*» (Куприн. В цирке) [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 17, 1965]. Словари фиксируют дериваты от этого слова: «цезарист» (единоличная диктатура в сочетании с формальным признанием прав народа, демоса); «цезаристский» (относящийся к сезаризму) [там же], а также слова «цесарь (то же самое, что кесарь, цезарь), цесаревич (звание наследника царского престола в России), кесарев (кесарево сечение)». Таким образом, одно латинское имя породило в русском языке несколько слов с разным звучанием (царь, цезарь, кесарь, цесарь).

Фразеологизмы *avere cuore di Cesare* (быть великодушным), *essere come la moglie di Cesare* (быть вне подозрений), *A Cesare quel che è di Cesare, a Dio quel che è di Dio* (Кесарю кесарево, Богу – богово) пришли в итальянский язык из латыни. На итальянской же почве появилось выражение *O Cesare o Niccolò* (ср. латинское *Aut Caesar, aut nihil*). Из производных от этого имени наиболее распространено прилагательное *cesareo*: *poeta cesareo* «придворный поэт»; *taglio cesareo* «кесарево сечение» (по преданию, Цезарь-старший появился на свет в результате именно этой операции). В испанском языке слово *césar* сохраняется в значении «кесарь» в книжных оборотах типа *dar a Dios lo que es de Dios y al César lo que es de César*; *O César, o nada*; а также в дерив-

ватах *cesarismo* (авторитарная система правления), *cesarista*, *cesariano*, (*operación*) *cesárea*. Сохранилось это имя и в топонимии; например, название города *Zaragoza* восходит к *César Augusta*.

Имеются в итальянском языке и выражения, связанные с Карлом Великим: *farne più di Carlo in Francia* – смешивать цвета, продукты, перебарщивать; *alla Carlona* – кое-как, небрежно (*Carlo Magno* в поздних рыцарских поэмах предстает как символ грубости и простоты). В русском же языке к этому имени восходит слово «король» [Фасмер, т. 2: 333], в испанском – название монеты *carlino*, которая чеканилась в его честь [*Diccionario de la lengua española*].

Еще один пример различного восприятия одного и того же имени в разных культурах. Династическая фамилия Бурбон стала нарицательной в Испании, Италии и России, но в совершенно разных значениях. В русском языке *бурбон* – *солдафон, самодур*; в Словаре современного русского литературного языка в 20 томах существительное «бурбон» с пометкой «разговорное» определяется следующим образом: «о грубом, невежественном человеке, первоначально офицере (обычно в функции сказуемого): – Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр! (Чехов. Медведь).

В испанском языке *borbón* – человек, умеющий устраивать дела (без отрицательных коннотаций), от этого существительного происходит глагол *borbonear* (= умело устраивать свои дела), который в полной мере применим в отношении к нынешнему представителю данной династии в Испании. Вот что пишет по этому поводу испанский журналист и литератор Х. Кобо, долгие годы проживший в России: «В испанском языке слово “бурбон” имеет совсем иной смысл, чем в русском. Это не синоним человека грубого, солдафонистого, а человека гибкого, ловкого, не без коварства, хотя в этом слове и нет особого негативного оттенка. Ведь оно прилагается только к королям из династии Бурбонов, а им позволено то, что другим запрещено. Отсюда же и труднопереводимый на другие языки глагол *borbonear* – “бурбонить”, то есть с королевским изяществом обводить соперника вокруг пальца, стараясь при этом не обидеть его» (Литературная газета, 29.01.1997).

В Италии иное восприятие этой фамилии: например, прилагательное *borbonico* – синоним *retrogrado* «ретроградный», а *borbonismo* используется в политическом языке для обозначения реакционных методов в современной политике и менталитете, что является отражением характера правления Бурбонов в неаполитанском королевстве [Enciclopedia italiana, t. 1].

Итак, в каждом национально-культурном социуме складываются не только свои собственные традиции именования людей, предопределяющие особенности функционирования имен, но и образуется особое отношение имен собственных с языком в целом. Так, русский язык менее восприимчив к трансформации обычных личных имен и имен святых в обозначения предметов окружающего мира и к включению в активную идиоматику имен собственных, особенно имен, связанных с христианской религией, чем итальянский язык. В итальянском языке вхождение имен собственных в сферу имен нарицательных более активно, но необходимо отметить, что имена святых в итальянском языке легко арготизируются и в целом сакральные образы часто предстают в непочтительном и иногда в вульгарном виде (ср.: *Cristo!; ti riduco come Santa Lucia; fare San Pietro; pieno come un San Lazzaro* и др.).

Имена собственные – как и другие существительные – участвуют в создании национально-языковой картины мира. Дело в том, антропонимические системы эволюционируют и их эволюция отражает изменения в общей картине мира. Особенно бурно они реагируют на кардинальные изменения в жизни общества: принятие христианства, развитие буржуазных отношений (с этим процессом, как было показано, связано становление фамилий), общественные потрясения – петровские реформы и Октябрьская революция в России, Рисорджименто в Италии и т. д. Изменяется не только состав именника, но и правила функционирования антропонимов и этикетные формулы.

Более того, имена собственные связаны с лексической системой языка и взаимодействуют с ней. Одни и те же имена (имена библейских персонажей, христианских святых, литературных героев, исторических личностей) образуют в разных языках совершенно несхожие центры ассоциативных созвездий, что объяс-

няется различиями в традициях и культуре народов, и на основе имен – имеются в виду также и обычные имена – способны возникать яркие национально обусловленные когнитивные концепты, восполняющие в языке определенные семантические лакуны. В целом проблемы функционирования имен в языке – их отношение к фразеологии и взаимоотношения с нарицательной лексикой – требуют более пристального рассмотрения, в том числе в рамках сопоставительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // ВЯ. 1970. № 2.

Алисова Т.Б. Взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений (на материале итальянского языка) // Общее и романское языкознание. М.: МГУ, 1972.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Язык этики. М., 2000.

Арутюнова Н.Д. Субъект // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.

Архипов А.А. Комментарии // *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989.

Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.

Белошапкова В.А. Сложное предложение // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997.

Бельчиков Ю.А. Культуроведческий аспект филологических дисциплин // ФН. 1998. № 4.

Берестнев Г.И. О «новой реальности» в языкознании // ФН. 1997. № 4.

Бессарабова Г.А. Семантика и прагматика определенности // *Рылов Ю.А., Бессарабова Г.А.* Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков. Воронеж, 1997.

Бетехтина Е.Н. О лингвистических источниках библеизмов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1994. № 4.

Бондалетов В.Д. Русские имена в XX веке // Русская речь. 1970. № 6.

Бондалетов В.Д. К изучению русской антропонимии XIX века // Ономастика Поволжья – 2. Горький, 1971.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Бондалетов В.Д. Современная русская антропонимия и ее изучение в иностранной аудитории // Ономастика на уроке русского языка как иностранного. Волгоград, 1993.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Васенко И.С. Динамика женского имени г. Барнаула в XX в. // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург: Уральский университет, 2005.

Ведина Т.Ф. Словарь личных имен. М.: АСТ, 2000.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Величко Ф. «Что в имени тебе моем...» // Тайна имени. Харьков: Основа, 1995.

Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Л., 1947.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // ФН. 1997. № 5.

Галкина-Федорук Е.М. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. М., 1963.

Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Фамилии. М., 1998.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2000.

Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955.

Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. М.: Русская книга, 1994.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. № 4.

Джусту Ф. Нереперентные показатели имени нарицательного // Новое в зарубежной лингвистике. XV. М., 1985.

Зализняк Анна А. О семантике щепитильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Язык этики. М., 2000.

- Зинин С.И.* Введение в русскую антропонирию. Ташкент, 1972.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988; 2001.
- Калакуцкая Л.П.* Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме // Ономастика и норма. М., 1976.
- Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. М., 1991.
- Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
- Картина мира и способы ее репрезентации: Сб. научных докладов. Воронеж: ВГУ, 2003.
- Касевич В.Б.* Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Ковалев Г.Ф. Е. А.* Болховитинов – отец российской антропонирии // Ефимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие. Воронеж, 1992.
- Ковалев Г.Ф.* Ономастические этюды. Воронеж, 2002.
- Коваленко Н.П.* История воронежских фамилий... в телефонных справочниках // Край воронежский. Воронеж, 1998.
- Колодкина Е.Н., Сунцова Т.В.* Структура ассоциативных полей английских и русских личных имен // Вопросы романо-германской филологии. Киров, 2000.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1976.
- Копров В.Ю.* Аспекты сопоставительной типологии. Воронеж, 1999.
- Копров В.Ю.* Сопоставительная типология предложения. Воронеж, 2000.
- Коробка П.Л.* Идиоматическая фразеология как лингводидактическая проблема: АКД. М., 1998.
- Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1994. № 2.
- Кузьмина С.М.* Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Кушкина Э.Я.* Соответствия русскому деепричастию в итальянском языке // Романские языки на фоне русского (структурно-семантические соответствия). СПб., 1993.
- Кушкина Э.Я.* Существительное-подлежащее в итальянском языке: позиция, референция, коммуникативный статус // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4, 1996.

- Левицкий Ю.А.* Учение о предложении в лингвистике XX века // Филологические записки. Вып. 15. Воронеж, 2001.
- Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под ред. В. В. Кускова. М., 1994.
- Ломов А.М.* Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
- Лотман Ю., Успенский Б.* О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тартуского университета. Тарту, 1971.
- Мароевич Р.* Оппозиция полных и кратких форм притяжательных прилагательных // ВЯ. 1981. № 5.
- Мицилов С.Р.* Власть имени // Тайна имени. Харьков: Основа, 1995.
- Моммзен Т.* История Рима. СПб, 1993.
- Николаева Т.М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. № 4.
- Никонов В.А.* Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика. М., 1969.
- Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
- Никонов В.А.* География фамилий. М., 1988.
- Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
- Отин Е.С.* Иван // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.
- Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004.
- Падучева Е.В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. №2.
- Падучева Е.В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave.* Unipress, 1966.
- Панова Л.Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato») // Логический анализ языка: Язык этики. М., 2000.
- Пеньковский А.Б.* Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М., 1976.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1966; 1980.
- Побегайло И.В.* Личные субъектные местоимения в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах (на материале испанского и итальянского языков): АКД. Воронеж, 2001.
- Покшишевский В.В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1965.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002.

Попова З.Д., Федоров В.А. Семантические типы лица в неопределенно-личных предложениях (на материале русских пословиц XVII–XIX веков) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 2000.

Поспелов Н.С. О синтаксическом выражении категории определенности/неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2, М., 1958.

Радзиевская Т.В. Слово *судьба* в современных контекстах // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Радченко О.А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века // ВЯ. 2002. № 6.

Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.

Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. СПб., 1996.

Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении. Воронеж, 1985.

Рылов Ю.А. Существительное в динамической структуре русского и испанского предложения // *Рылов Ю.А., Бессарабова Г.А.* Очерки сопоставительного изучения русского и испанского языков. Воронеж, 1997.

Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии. Воронеж, 2000.

Рылов Ю.А., Смирнова Г.М. Антропонимы как особая система (на материале русского и итальянского языков) // Филологические записки. Вып. 15. Воронеж, 2001.

РГ: Русская грамматика. М., 1980.

Санчурский Н.В. Римские древности. М., 1995.

Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1, 7. М., 1963, 1978.

Объем и средства выражения категории не/ определенности в итальянском и русском языках // Известия Воронежского педуниверситета. Проблемы романо-германского языкознания и методики преподавания иностранных языков. Воронеж, 1999.

Степанов Ю.С. Структура французского языка. М., 1965.

Степанов Ю.С. От имени лица к имени вещи – стержневая линия романской лексики // Общее и романское языкознание. М.: МГУ, 1972.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

- Стернин И.А.* Словарь молодежного жаргона. Воронеж: Логос, 1992.
- Стрыгин В.А.* Антропонимика в «Переписной книге Воронежского уезда 1646 года» // Край воронежский. Воронеж, 1998.
- Стуликова Ю.А.* Итальянский герундий и его русские эквиваленты (видо-временные характеристики): АКД. Екатеринбург, 2000.
- Суперанская А.В.* Имя через века и страны. М., 1990.
- Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М., 1998.
- Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1991.
- Тарланов З.К.* Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // ФН. 1997. № 5–6.
- Тарланов З.К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.
- Телия В.Н.* Наименование РОДИНА как часть социального концепта Patria в русском языке // Языковая категоризация: Материалы Круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. М., 1997.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989; 1995.
- Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления // ВЯ. 1998. № 2.
- Успенский Б.А.* Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2, 4. М., 1986, 1987.
- Филиппова Т.Н.* Формально-семантический и прагматический аспекты функционирования рестриктивных высказываний (на материале русского и испанского языков): АКД. Воронеж, 1996.
- Фичи Джусти Ф.* О выражении носителя состояния в некоторых безличных конструкциях // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1993.
- Флоренский П.А.* Имена. Метафизика имен в историческом освещении // Сочинения: В 4 т. Т. 3 (2). М., 1999.
- Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А. И. Федорова). М., 1995.
- Циммерлинг А.В.* Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // ВЯ. 1998. № 1.
- Хигир Б.Ю.* Имя человека, его характер и судьба // Тайна имени. Харьков: Основа, 1995.
- Чайкина Ю.И.* Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. Русская энциклопедия. М., 1994.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

Черданцева Т.З. Краткий грамматический справочник по итальянскому языку. М., 1999.

Черданцева Т.З. Итальянская фразеология и итальянцы. М.: ЧеРо, 2000.

Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М., 1982.

Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.

Чеснокова Л.Д. Имена числительные и имена собственные // ФН. 1996. № 1.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство // ВЯ. 1964. № 6.

Шведова Н.Ю. Синтаксис. Подчинительные связи слов // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.

Шелякин М.А. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.; Л., 1974.

Щетинин Л.М. Фамилии донских казаков // Русская ономастика и ономастика России. Русская энциклопедия. М.: Школа-Пресс, 1994.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Battaglia S., Pernicone V. La grammatica italiana. Torino, 1977.

Benincà P., Cinque G. Particípio presente // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 2. Bologna, 1991.

Beruccelli Papi M. Frasi subordinate al participio: participio passato // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 2. Bologna, 1991.

Bortolami S. L'onomastica come documento di storia della spiritualità nel medioevo europeo // Anthroponimie. Documents de l'histoire sociale des monds méditerranéens médiévaux. Roma, 1966.

Bortolozzo K. Il grande libro dei nomi. Milano.

Buccioni I. Le costruzioni causative in russo: una proposta di interpretazione // Problemi di morfosinassi delle lingue slave. 4. Unipress, 1994.

Burzio L. Italian Syntax. A Government-Binding Approach. Dordrecht; Boston; Lancaster; Tokyo, 1986.

- Calabrese A.* I dimostrotivi // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1. Bologna, 1988.
- Castelli M.* La nominalizzazione // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. I. Bologna, 1988.
- Cepellini V.* Dizionario pratico di grammatica e linguistica. Novara, 1999.
- Chiuchiu' A., Minciarelli F., Silvestrini M.* In italiano. Perugia, 1990.
- Chomsky N.* On Binding // Linguistic Inquiry, 11.
- Cinque G.* Teoria linguistica e sintassi italiana. Bologna, 1991.
- Colonna B.* Dizionario etimologico della lingua italiana. Newton, 1997.
- Dardano M., Trifone P.* La lingua italiana. Bologna, 1990.
- Dauzat A.* Les noms des personnes. Paris, 1946.
- De Felice E.* I cognomi italiani. Bologna, 1980.
- De Felice E.* Nomi e cultura. Mondadori, 1987.
- De Felice E.* Dizionario dei nomi italiani. Mondadori, 1997.
- De Mauro T., Mancini F., Vedovelli M., Voghera M.* Lessico di frequenza dell'italiano parlato. 1993.
- Devoto G., Oli G.C.* Dizionario della lingua italiana. Firenze, 1989.
- Dictionnaire historique de l'antroponymie romane. Tübingen, 1997.
- Dinelli M.* Жалеть по-бабски in italiano: problemi di traduzione interculturale // Лингвистика и културология. М., 2000.
- Dizionario ecclesiastico. Torino, 1955.
- Dizionario fondamentale della lingua italiana. Novara, 1999.
- Dolç M.* Antroponimia latina // Enciclopedia lingüística hispánica. Vol. 1a. Madrid, 1960.
- Enciclopedia italiana. Milano, 1986.
- Fici Giusti F.* La referenza del pronome clitico riflessivo: passivo e antipassivo // Problemi della morfosintassi delle lingue slave. 4. Unipress, 1994.
- Fochi F.* Lingua in rivoluzione. Milano, 1966.
- Fornaciari R.* Sintassi italiana dell'uso moderno. Firenze, 1974 (ristampa anastatica dell'edizione 1881).
- Freud S.* Totem e tabù. Torino, 1989.
- Galdi L.* Introduzione alla stilistica italiana. Bologna, 1971.
- Gasperini B.* Il galateo. Milano, 1998.
- Gebert L.* Intorno all'animatezza // Problemi di morfosintassi delle lingue slave. 4. Unipress, 1994.
- Kovalev V.* Dizionario russo italiano, italiano russo. Bologna, 1999.
- Lessico universale italiano. T. 5, 15, 17. Roma, 1970, 1975, 1977.
- Lonzi L.* Frasi subordinate al gerundio // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 2. Bologna, 1991.
- Lotti G.* Le parole della gente. Milano, 1992.

- Marcantonio A.* Il nome // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1. Bologna, 1988.
- Mastrelle C.A.* Предисловие к Dictionnaire historique de l'antroponymie romane. Tübingen, 1977.
- Nespor M.* Il sintagma aggettivale // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1. Bologna, 1988.
- Novissimo digesto italiano. Milano, 1965.
- Perillo F.S.* La lingua russa all'università. Fonetica, morfologia e sintassi. Bari, 2000.
- Renzi L.* L'articolo // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1. Bologna, 1988.
- Rizzi L.* Issues in Italian Syntax. Dordrecht, 1982.
- Rohlf's G.* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Torino, 1966–1969.
- Rózsavölgyi E.* Le costruzioni indefinite in russo // Problemi di morfosintassi delle lingue slave. 4. Unipress, 1994.
- Salvi G.* La frase semplice // Grande grammatica italiana di consultazione. I. 1988, Bologna.
- Salvi G.* L'accordo // Grande grammatica italiana di consultazione. II. 1991, Bologna.
- Sciarone A.G.* Vocabolario fondamentale della lingua italiana. 1977, Minerva Italica.
- Serianni L.* (con la collaborazione di *Castelvecchi A.*). Italiano. Grammatica. Sintassi. Dubbi. Milano, 1997.
- Sériot P.* Analyse du discours politique soviétique. P.: Institut d'Études slaves, 1985.
- Skytte G.S.* La sintassi dell'infinito in italiano moderno // Revue Romane, num. suppl. 27, 1983.
- Skytte G., Salvi G.* Frasi subordinate all'infinito // Grande grammatica italiana di consultazione. Bologna, 1991.
- Storni B.* Invito al buon italiano. Perugia, 1994.
- Tartamella V.* Nel cognome del popolo italiano. Viennepierre, 1995.
- Vocabolario della lingua italiana. Roma: Enciclopedia italiana, 1986–1994.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Боборыкин П.Д.* Китай-город. М., 1957.
- Булгаков М.* Собрание сочинений. Т. 3. Ardis, Ann Arbor, 1983.
- Крестовский В.В.* Петербургские трущобы. СПб.: Человек, 1993.
- Маринина А.Б.* Закон трех отрицаний. М.: Эксмо, 2005.
- Павезе Ч.* Товарищ / Пер. Л. Вершинина. М., 1982.
- Пиранделло Л.* Избранные произведения: Покойный Маттия Паскаль / Пер. Г. Рубцовой и Н. Рыковой. М., 1994.
- Пьецух В.* Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // Октябрь. 2002. № 8.
- Чехов А.* Повести и рассказы. М., 1980.
- Bulgakov M.* Romanzi e racconti. Cuore di cane (traduzione di V. Melander). Diavoleide (traduzione di Ch. Spano). Newton, 1990.
- Calvino I.* I racconti. Torino, 1958.
- C'echov A.* Racconti. Volume secondo. Traduzione di A. Polledro. Milano, 1985.
- Collodi C.* Le avventure di Pinocchio. *Коллоди К.* Приключения Пинокио / Пер. с итал. Э. Казакевича. М.: Радуга, 2002.
- De Crescenzo L.* Usciti in fantasia. Milano, 1994.
- De Crescenzo L.* Le donne sono diverse. Milano, 1999.
- Moravia A.* Racconti romani. Mosca, 2001.
- Pagine gialle. Roma, 1999.
- Pavese C.* Il compagno. Giulio Einaudi Editore. 1966.
- Perillo F.S.* La lingua russa all'università. Bari, 2000.
- Pirandello L.* Il fu Mattia Pascal. Uno, nessuno e centomila. L'esclusa. Roma, 1993.
- Sera M.* Il nuovo che avanza. Milano, 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Клаудиа Ласорса Съедина. Вступительное слово</i>	3
---	---

Часть первая

Семантические доминанты русской и итальянской языковой картины мира

Постановка проблемы	7
Глава I. Определенность/неопределенность	15
Глава II. Типология субъекта	34
Предварительные замечания	34
1. Субъект подлежащих предложений	36
1.1. Субъект признака (действия или квалификации)	36
1.2. Субъект наличия	46
1.3. Субъект обладания	48
1.4. Совмещение двух субъектов в пределах одного предложения: субъекта перцептивного простран- ства и субъекта признака	51
1.5. Субъект-протагонист и инструментальный субъект ...	53
1.6. Генерализованный субъект модальной (оценочной) ситуации и событийный протагонист модальной установки	58
1.7. Генерализированный субъект	62
2. Субъект бесподлежащих предложений	64
2.1. Неопределенно-генерализованный субъект	64
2.1.1. Неопределенно-генерализованный субъект квалификации	64
2.1.2. Неопределенно-генерализованный субъект действия	66
2.2. Неопределенный субъект	69
2.3. Субъект представления (презентации)	72
2.4. Субъект именованя	73
2.5. Субъект неконтролируемого признака (субъект-объект)	74
2.6. Субъект состояния	75
2.7. Субъект возрастного признака	90
2.8. Субъект небытия или отсутствия	90
2.9. Субъект количественной характеристики	93

2.10. Квазисубъекты	94
2.11. Субъект состояния природы или внешней среды	97
3. Субъект полупредикативных конструкций	100
4. Некоторые итоги	119
Глава III. Семантические доминанты глагольной и оценочной сферы	123
Доминанты глагольной сферы	123
Доминанты оценочной сферы	133

Часть вторая

Антропонимическая система как компонент языковой картины мира

Глава I. Антропонимы как особый класс слов	145
Глава II. Из истории становления итальянской и русской антропонимических систем в свете их отношения к картине мира	161
Глава III. Итальянский и русский именники: состав и типология имен	178
Вариативность имен	178
Дериваты имен	182
Двойные имена	186
Истоки итальянского и русского ономастикона	189
Парные имена	194
Именник и общество	195
Литературные имена	202
Основные тенденции в развитии итальянского и русского именников	206
Глава IV. Итальянские и русские фамилии: типология, словообразовательный аспект, частотность	219
Глава V. Прагматический аспект функционирования антропонимов	243
Глава VI. Социокультурный аспект антропонимии	262
Литература	292
Источники примеров	301

Научное издание

Юрий Алексеевич Рылов

**АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
ИТАЛЬЯНСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ**

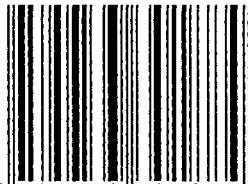
Бумага офсетная № 1. Формат 84 x 108/32.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1596

ООО «Издательско-торговый дом гуманитарной книги “Гнозис”»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-
издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Тел.: (8362) 45-11-93

ISBN 5-7333-0188-0

9 785733 301884